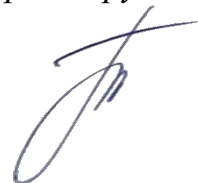

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный университет»

На правах рукописи

ПЕТРИЩЕВА ЕЛЕНА ИГОРЕВНА

**СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ
ПО РОДСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АСПЕКТ**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Басыров Ш. Р.

Донецк – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ НОМИНАЦИИ ЛИЦ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	15
1.1 Основные направления в исследовании наименований лиц по родственным отношениям	15
1.2 Семья как объект лингвистических исследований	17
1.3 Неофициальное общение и его разновидности	20
1.4 Особенности стилистически маркированной лексики	27
1.5 Взаимоотношение стандартных и нестандартных форм языка.....	34
1.6 Методика изучения стилистически маркированных наименований родственников	44
Выводы к главе 1	49
ГЛАВА 2 СТРУКТУРА СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО РОДСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ (СМНР) В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ	53
2.1 Способы и пути образования СМНР в сопоставляемых языках	53
2.1.1 Непроизводные (корневые) СМНР.....	53
2.1.2 Аффиксальные СМНР	54
2.1.3 Полуаффиксальные СМНР.....	62
2.1.4 СМНР-композицы	69
2.1.5 СМНР-сращения.....	75
2.1.6 СМНР-словосочетания	77
2.1.7 СМНР-сокращения.....	80
2.1.8 СМНР-заимствования	83
2.1.9 СМНР-конверсивы	88
2.1.10 СМНР-редупликанты.....	89
2.1.11 СМНР-семантические дериваты.....	90
Выводы к главе 2	98

ГЛАВА 3 ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ РОДСТВЕННИКОВ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ.....	103
3.1 Тематическая группа (ТГ) «Мать и отец».....	104
3.2 ТГ «Дети»	127
3.3 ТГ «Супруги»	144
3.4 ТГ «Братья и сестры»	165
3.5 ТГ «Дедушка и бабушка»	168
3.6 ТГ «Внуки».....	171
3.7 ТГ «Братья и сёстры родителя».....	172
3.8 ТГ «Дети брата или сестры»	172
3.9 ТГ «Родители супругов»	173
3.10 ТГ «Брат или сестра через брак».....	175
3.11 ТГ «Отчим»	175
3.12 ТГ «Мачеха».....	176
4. Функции СМНР в неофициальном общении.....	176
Выводы к главе 3	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	190
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	194
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	197
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....	252
СПИСОК ИНТЕРНЕТ–ИСТОЧНИКОВ	260
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	260
ПРИЛОЖЕНИЕ А	262
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	267

ВВЕДЕНИЕ

Язык любого общества является составной частью его культуры. Лексика и паремиология, определяя основные признаки явлений окружающей действительности, моделируют фрагменты языковой картины мира. Система терминологии родства, как один из древних слоев лексики и значимый сегмент фиксации эволюционных изменений в структуре общественных отношений, является важной частью лексического фонда любого языка.

Антропологическая направленность современной лингвистики обуславливает повышенный интерес лингвистов к различным аспектам номинации человека (Ю. Д. Апресян [9], А. С. Васильева [62], А. Вежбицкая [454], В. В. Виноградов [64], В. В. Дяченко [108], В. В. Катермина [136], А. Г. Косицкая [154], Е. В. Метельская [199], Т. А. Нестерова [218–220], А. А. Уфимцева [321–324] и др).

Настоящее исследование посвящено изучению проблем стилистически маркированных наименований лиц по родственным отношениям или родственников (далее СМНР) в английском, немецком, русском и украинском языках. Наименования родственников являются одним из самых древних пластов лексики во всех языках мира; они представляют собой исторически обусловленную сложную лексическую подсистему, для которой характерны устойчивость, неоднородность и многоуровневость. Это важный историко-этнографический источник, который представляет большой интерес как для отдельных языков, так и для сопоставительно-типологического языкознания. Вместе с тем следует отметить, что наименования родственников являлись объектом исследования многих лингвистов и этнографов и изучались в основном на материале литературного языка (О. В. Близинок, А. А. Бурькин, Г. В. Дзибель, Н. М. Гиренко, М. В. Крюков, Р. Лови, А. А. Маслов, А. И. Моисеев, Л. Б. Николаева, В. А. Попов, В. Риверс, М. П. Сарыбаева, Н. И. Сумникова, Б. Фарбер, К. Харрис, А. А. Хвостенко, О. С. Чеснокова, Чыонг Мань Хай, Д. Шнайдер и др.) [45; 58; 102–104; 83; 160–161; 197; 208;

222; 262–265; 287; 307; 334; 352; 354; 395; 408; 423–425; 432; 442; 444–445], вне поля зрения лингвистов остается, однако, изучение особенностей стилистически маркированных номинации родственников в нестандартном языке.

Актуальность данного исследования обусловлена:

- повышенным интересом лингвистов к изучению повседневной разговорной речи, которая стала «диалогичнее, эмоциональнее и оценочнее» (И. А. Стернин);

- возрастанием роли разговорной речи как формы существования языка;

- отсутствием комплексного и системного изучения семантики, структуры и функционирования СМНР в английском, немецком, русском и украинском языках;

- необходимостью разработки модели сопоставительного описания формальной и функционально-семантической организации данного пласта лексики в исследуемых германских и славянских языках.

Цель работы заключается в установлении общих и отличительных свойств в структуре, семантике и функционировании СМНР в английском, немецком, русском и украинском языках.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

- осветить теоретические аспекты изучения стилистически маркированной лексики;

- охарактеризовать стилистические особенности СМНР;

- установить оценочные значения СМНР в сопоставляемых языках;

- рассмотреть проблемы взаимоотношений стандартного (литературного), разговорного и нестандартного (жаргона, сленга, просторечия, арго) языка;

- установить способы образования СМНР и степень их продуктивности в сопоставляемых языках;

- определить инвентарь словообразовательных средств и их активность в образовании СМНР;

- исследовать мотивирующую базу производных СМНР в сопоставляемых германских и славянских языках;
- описать механизмы семантической деривации СМНР и выявить модели вторичной номинации лиц по родственным отношениям;
- произвести тематическую классификацию СМНР и определить продуктивность тематических групп;
- рассмотреть особенности функционирования СМНР в неофициальном (семейном и дружеском) общении.

Связь работы с научными направлениями, планами, темами. Диссертация отвечает направлению исследований, которые разрабатываются на факультете иностранных языков ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» в рамках госбюджетной научной темы Министерства образования и науки ДНР № 20–1 вв/74 «Языковые структуры и значения в аспекте типологической, социальной и политической лингвистики» (номер госрегистрации 0120D000009).

Объектом исследования являются СМНР в английском, немецком, русском и украинском языках, а **предметом** – их структурные, семантические и функциональные особенности в данных языках.

Материалом исследования послужили 1621 СМНР (англ. – 464 ед.; нем. – 412 ед.; русск. – 409 ед.; укр. – 336 ед.), полученные из толковых и переводных словарей различного типа (разговорных, сленговых, арготических, жаргонных) [457–475; 477–544], из Интернет-ресурсов [545–547] и национальных корпусов; а также 1782 контекста их употребления, представленные в названных словарях и национальных корпусах сопоставляемых языков [548–561].

Для комплексного и системного исследования СМНР в настоящей работе использованы следующие методы и приемы лингвистического анализа: 1) *описательный метод*, который используется для наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации языкового материала; 2) *морфемный анализ*, с помощью которого устанавливается, из каких

минимальных значимых единиц составлено производное СМНР; 3) *словообразовательный анализ*, направленный на определение словообразовательной структуры СМНР; 4) *трансформационный метод*, позволяющий вывести сложные синтаксические структуры из более простых (ядерных) с помощью правил преобразования; 5) *этимологический метод*, нацеленный на выявление источника происхождения СМНР; 6) *метод компонентного анализа и словарных дефиниций*, позволяющий выделить интегральные и дифференциальные семы; 7) *лингвокультурологический анализ*, используемый для определения взаимосвязи анализируемых СМНР с сознанием, мышлением, духовной жизнью человека, национальной психологией, историей и культурой; 8) *метод контекстуального анализа*, используемый при характеристике текстовых употреблений изучаемых единиц; 9) *сопоставительный метод*, направленный на выявление сходств и различий в структуре, семантике и функционировании СМНР; 10) *метод непосредственно составляющих*, с помощью которого словообразовательная структура слова представляется в виде иерархии вложенных друг в друга элементов (непосредственно составляющих); 11) *прием количественного анализа*, позволяющий определить продуктивность структурных типов, аффиксов и тематических групп СМНР в сопоставляемых языках.

Методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области теории языка (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, А. М. Кузнецов, Дж. Лайонз, Ю. С. Степанов, А. А. Уфимцева) [7–9; 18–20; 162–169; 170; 173–174; 298–299; 321–324], номинации (А. А. Буров, В. Г. Гак, А. Ф. Журавлев, Л. А. Капанадзе, Г. Г. Полищук, Б. А. Серебренникова, В. Н. Телия) [57; 76–79; 114; 132; 259; 289; 308], словообразования (И. В. Арнольд, В. В. Виноградов, Б. А. Малинин, В. М. Павлов, М. Д. Степанова, В. И. Теркулов, Н. С. Улуханов, Л. Бауэр, Г. Маршан, Л. Ортнер, Г. Пауль, И. Плаг, В. Флейшер) [13–16; 63; 64–69; 128–129; 193–194; 229–230; 300–305; 310; 316–318; 377; 397–399; 401; 429–430; 433; 435;

436], лексики (Т. М. Беляева, А. И. Смирницкий, Ф. П. Филин, Л. А. Юшкова [38; 278; 291–293; 327–331; 368] и стилистики (В. С. Андреев, Н. Д. Арутюнова, А. К. Бирих, М. П. Брандес, И. Р. Гальперин, Р. Гиббс, И. Б. Голуб; М. Н. Кожина, Дж. Лакофф, Н. А. Лукьянова, Г. А. Мартинович, Е. Ф. Петрищева, А. Д. Понамарев, Э. Г. Ризель, А. Г. Смирнова, С. Ульман, Д. Фаулзайт и Г. Кюн, Д. Н. Шмелев, З. М. Эфендиева) [1–2; 18–20; 43; 52; 80–81; 87; 143; 175; 188; 196; 255; 260; 294; 319; 363–364; 367; 394; 404–405; 441], терминологии родства (О. В. Близнюк, А. А. Бурыкин, Н. М. Гиренко, Г. В. Дзибель, М. В. Крюков, Р. Лови, А. А. Маслов, А. И. Моисеев, Л. Б. Николаева, В. А. Попов, В. Риверс, М. П. Сарыбаева, Н. И. Сумникова, Б. Фарбер, К. Харрис, А. А. Хвостенко, О. С. Чеснокова, Чьонг Мань Хай, Д. Шнайдер и др.) [45; 58; 83; 102–104; 160–161; 197; 208; 222; 261–266; 287; 307; 334; 352–354; 395; 408; 423–425; 432; 442; 445].

В области типологического и сопоставительного языкознания данное исследование опирается на работы и лингвистические концепции Ш. Р. Басырова, О. Л. Бессоновой, Э. С. Ветровой, В. Д. Калиущенко, В. В. Катерминой, А. Э. Левицкого, В. П. Недялкова, А. Д. Петренко, Б. А. Успенского, Н. С. Шарафутдиновой [30–35; 40–42; 63; 131; 136; 177–178; 213–214; 234–237; 320; 359].

Важное место в теоретической базе диссертации занимают положения, касающиеся особенностей нестандартной лексики, ее функционирования в речи (А. Н. Байкулова, Л. И. Баранникова, Т. М. Беляева, Э. Е. Береговская, Л. Блумфилд, В. Д. Бондалетов, Дж. Грин, В. Д. Девкин, А. И. Домашнев, В. С. Елистратов, Е. М. Земская, В. И. Карасик, В. П. Коровушкин; Л. П. Крысин, Н. А. Осьмак, Э. Партридж, Л. А. Ставицкая, Г. В. Файзиева, Э. Ханпира, В. В. Химик, В. А. Хомяков) [23–24; 26–27; 38; 39; 46; 50; 98–99; 106; 110; 120–125; 133; 147–152; 158–159; 228; 282; 295–297; 325; 333; 336; 338–340; 406; 434].

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на обширном словарном и текстовом материале осуществлен комплексный структурно-

семантический и функциональный анализ СМНР в четырех разноструктурных языках – английском, немецком, русском и украинском. Впервые представлено системное описание данных языковых единиц, затрагивающее словообразовательный, семантический, стилистический и функциональный аспекты. Кроме того, в исследовании впервые устанавливаются номинативно-мотивирующие признаки СМНР и определяется степень их активности в сопоставляемых языках.

В ходе сопоставительного анализа СМНР выявлены метафорические и метонимические модели, определены структурные типы данных языковых единиц и инвентарь словообразовательных средств, а также определена степень их продуктивности. Выделены тематические группы СМНР, определена их продуктивность, выявлены и проанализированы особенности функционирования данных лексем.

Теоретическая значимость работы состоит в комплексном изучении английских, немецких, русских и украинских СМНР, интегрирующем структурно-семантический подход с идеями сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии. Такой подход позволяет наиболее полно и системно представить особенности структурной и функционально-семантической организации исследуемых СМНР как в отдельно взятом языке, так и в сопоставительном аспекте, выявить общие и дифференциальные свойства изучаемых языковых единиц. Полученные результаты могут послужить отправной точкой для дальнейших типологических и лингвокультурологических исследований, а также найти применение в разработке методики сопоставительного анализа лексики на стилистическом уровне.

Практическая значимость полученных результатов заключается в их внедрении в учебные программы по подготовке бакалавров по направлениям 45.03.01 Филология (Профиль: Зарубежная филология (немецкий язык), Профиль: Зарубежная филология (английский язык)), 45.03.02 Лингвистика (Профиль: Перевод и переводоведение (немецкий язык), Профиль: Перевод и

переводоведение (английский язык), Профиль: Теория и методика преподавания иностранных языков и культур (английский язык)) и специалистов по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение (Специализация: Специальный перевод (немецкий и английский языки), Специализация: Специальный перевод (английский и немецкий языки)) на кафедре германской филологии, на кафедре теории и практики перевода и на кафедре английской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Материалы исследования могут быть использованы в курсах лексикологии, лингвострановедения, стилистики, теории межкультурной коммуникации, практикуму по культуре речевого общения английского и немецкого языков, в спецкурсах по сопоставительной лингвистике, гендерной лингвистике, лингвокультурологии, социолектологии, в научно-исследовательской работе студентов и аспирантов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Активные процессы в сфере формирования системы СМНР обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Первые связаны, в частности, со структурными особенностями английского, немецкого, русского и украинского языков, а также с общими тенденциями развития их словообразовательной и лексической систем. Вторые отражают, среди прочего, процессы, происходящие в современном обществе, а также мировоззрение, традиции, обычаи, стереотипы, культуру носителей языка.

2. Наиболее продуктивно СМНР английского и немецкого языков образуются путем словосложения, а в русском и украинском языках – посредством суффиксации.

3. Значительное количество СМНР в сопоставляемых языках образуется путем семантического переосмысления. Данные СМНР носят разговорно-оценочный характер и отражают, с одной стороны, универсальные процессы человеческого мышления, а с другой стороны, национально-культурную самобытность каждого языка и его носителей.

4. СМНР сопоставляемых языков распадаются на 12 тематических групп и 18 тематических подгрупп, большинство из которых в сопоставляемых языках являются общими (6 групп из 12; 12 подгрупп из 18). Наибольшее количество тематических групп и подгрупп СМНР выявлено в немецком языке (12 групп и 16 подгрупп), наименьшее – в русском (8 групп и 14 подгрупп).

5. Для СМНР сопоставляемых языков существенными являются 20 номинативно-мотивирующих признаков (НМП), 15 из которых являются общими.

6. В сопоставляемых языках наблюдается неравнозначное распределение СМНР по мужской и женской линии. Женская линия представлена бóльшим количеством лексем в английском, немецком и русском языках, особенно в тематической подгруппе «Жена». В семантической структуре СМН «Жена» обнаруживается бóльшее количество НМП (8), чем в семантике «Муж» (6 НМП). Сложность и многоплановость роли женщины, выполняемые ею функции и обязанности в семье, находят свое доминантное и разнообразное воплощение в большинстве сопоставляемых языков.

7. Среди СМНР с оценочным значением в английском и немецком языках преобладают лексемы с пейоративной оценкой, напротив, в русском и украинском языках – СМНР с мелиоративной оценкой.

8. В сопоставляемых языках обнаружены СМНР с национально-самобытной спецификой, обусловленной действием социальных, культурных, географических, исторических и других факторов развития того или иного социума.

9. СМНР сопоставляемых языков реализуют 4 основные коммуникативные функции: номинативную, вокативную, эмоционально-оценочную и социально-регулятивную.

Достоверность полученных результатов обеспечивается фундаментальностью методологической базы, комплексным и системным подходом к исследованию СМНР, а также репрезентативным корпусом эмпирического материала, полученным из авторитетных источников. Полнота,

точность и объективность результатов и выводов достигаются посредством применения комплекса лингвистических методов, приемов и методик.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования отражены в докладах на следующих конференциях и семинарах: Международный лингвистический семинар (Донецк, 2015), I Международная научно-практическая заочная интернет-конференция «Актуальные вопросы теории и практики языковедческих исследований» (Краснодар, 2015), I Международная научная конференция «Донецкие чтения 2016: Образование, наука и вызовы современности» (Донецк, 2016), XIV Международная конференция молодых ученых «Современные исследования языка и литературы» (Донецк, 2016), VIII Международная научно-практическая конференция «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (Саратов, 2016), Международная научная конференция «Семантика и прагматика языковых единиц» (Минск, 2016), Международная научная конференция студентов и молодых ученых, посвященная 80-летию ДонНУ «Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса» (Донецк, 2017), Международная заочная научная конференция «Язык и речь в синхронии и диахронии» (Таганрог, 2017), III Международная научно-практическая конференция «Understanding languages across transnational spaces and scales»/«Языки мира в транснациональном измерении и пространстве» (2018), III Международная научная конференция «Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (Донецк, 2018), II Международная научно-практическая онлайн-конференция «Мир. Человек. Язык.» (Донецк, 2019), XVII Международный лингвистический семинар «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Донецк, 2019), V Международная научная конференция «Донецкие чтения 2020: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (Донецк, 2020), XVIII

Международный лингвистический семинар «Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий» (Донецк, 2020), Международная научно-практическая конференция «Современные технологии обучения иностранным языкам» (Ульяновск, 2021).

Публикации. Основные положения диссертации в полной мере изложены в 17 публикациях, в том числе в 5 статьях, опубликованных в специализированных научных изданиях ВАК ДНР, 1 статье в специализированном научном издании ВАК РФ, 4 статьях в зарубежных изданиях, 7 публикациях в сборниках материалов научных конференций разных уровней.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав с выводами к каждой из них, заключения, списка условных сокращений, списка использованной литературы (456 позиций), списка словарей (88 позиций), списка Интернет-источников (3 позиции), списка примеров иллюстрированного материала (14 позиций) и приложений. Общий объем работы составляет 272 страницы. Основной текст диссертации включает 190 страниц.

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, ее научная новизна, сформулированы цель и задачи, определены объект и предмет исследования, охарактеризованы эмпирический материал и методы исследования, обозначены научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность диссертационного исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены данные об апробации результатов, описана структура работы.

В первой главе «**Теоретические основы изучения номинации лиц в сфере семейно-родственных отношений**», составившей теоретическую базу для исследования, рассматривается проблематика неофициального общения, его виды, анализируются различные подходы и направления в изучении наименований родства, представлен критический обзор результатов предыдущих исследований по теме, описана методика комплексного анализа

структуры, семантики и функционирования СМНР в английском, немецком, русском и украинском языках, дано определение понятию «стилистическая маркированность (окраска)», определен состав данного пласта лексики, охарактеризованы формы национального языка – литературного (стандартного) и нестандартного (субстандартного), представлены различные подходы к определению нестандартного (субстандартного) языка.

Во второй главе **«Структура стилистически маркированных наименований лиц по родственным отношениям (СМНР) в сопоставляемых языках»** рассмотрены способы и пути образования СМНР, их структурные типы и подтипы, установлены мотивирующие основы, словообразовательные форманты, обоснована продуктивность словообразовательных способов и структурных типов СМНР.

В третьей главе **«Функционально-семантические особенности стилистически маркированных наименований лиц по родственным отношениям в сопоставляемых языках»** рассмотрена семантика и функциональный аспект английских, немецких, русских и украинских СМНР, проведена семантическая классификация СМНР с опорой на словарные толкования, примеры их употребления, лексическое значение анализируемых языковых единиц и их НМП, установлена продуктивность тематических групп и подгрупп СМНР, выявлены их функциональные особенности в неофициальном общении, определены оценочные значения СМНР.

В **заклучении** подведены итоги проведенного исследования, сформулированы выводы относительно структурных, семантических и функциональных особенностей английских, немецких, русских и украинских СМНР, намечены перспективы дальнейшего изучения данной проблематики.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ НОМИНАЦИИ ЛИЦ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

1.1 Основные направления в исследовании наименований лиц по родственным отношениям

Система наименований родственных и семейных отношений является одним из самых древних пластов лексики. Она отражает наиболее значимые социальные и исторические процессы общества, является маркером семейных ценностей и норм, принятых в той или иной культуре.

В последние десятилетия термины родства являются объектом изучения многих этнографов и лингвистов (О. В. Близнюк [45], А. А. Бурькина [58], В. Г. Гак [76], Г. В. Дзибель [104–104], А. А. Маслов [197], Л. Б. Николаева [222; 432], М. Ш. Сарыбаева [287], О. С. Чеснокова [353] и др.). Существуют различные подходы к изучению наименований лиц по родственным отношениям, в частности: 1) лингвистический [45; 76; 182; 222; 287; 290; 353; 353; 432]; 2) этнографический [83; 102-104; 160–161; 197; 223–226; 261–265; 423–425; 442].

Наименования родства (далее НР) представляют собой структурно обособленную часть словарного состава языка, которая отражает определенные диахронные и синхронные особенности социальной организации конкретного общества. Данная лексико-семантическая группа (далее ЛСГ) устойчива к последовательным историческим изменениям, что обуславливает ее функциональное расчленение.

Изучение отдельных лексических групп НР всегда представляло интерес для лингвистов. Согласно И. А. Бодуэна де Куртуне [48], описание ЛСГ слов с учетом их системных связей позволяет сформировать общее представление о целом и создать более или менее точную картину жизни в общем.

Так как НР обозначают жизненно важные понятия, отражают важные социальные и исторические процессы, характеризуются большой устойчивостью, частым употреблением в разговорной речи, в них проявляется общность

основного словарного фонда тех или иных языков, они служат ценным материалом для синхронного и диахронического изучения языка, являются также объектом исследования сравнительно-исторического языкознания [54-55; 261–265; 312; 327–331; 362].

В основе различий между лингвистическим и этнографическим подходами лежат разные исследовательские цели, а также разное понимание предмета и объекта исследования.

Лингвисты рассматривают термины родства как языковое явление, предметом их исследования являются, прежде всего, семантические, формальные и фонетические особенности, а также этимология данных языковых единиц [45; 76; 222; 287; 290; 353; 432]. Этнографы и социальные антропологи рассматривают НР как термины, используемые для номинации социальных ролей. Предмет их изучения – специфика организации и статус отношений в системе родства [83; 102–104; 160–161; 197; 261–265; 423–425; 442].

Различие в подходах А. А. Бурькин видит в том, что система терминов родства представляет интерес для этнографов, прежде всего, как система в которой находят свое отражение определенные социальные роли [58, с. 80]. С другой стороны, она вызывает научный интерес у лингвистов, т.к. комбинирует в себе два компонента социальных ролей: денотативный и коннотативный.

С точки зрения А. А. Маслова [197, с. 190], В. А. Попова [263–264], изучение терминов родства, или номенклатуры родства, связано с исследованием плана выражения. Одна из целей лингвистов – реконструкция протосистем с помощью изучения происхождения, словообразования терминов родства (далее ТР) одного языка или группы языков. При этом лингвистов интересует также план содержания, т.е. анализ всего спектра значений для каждого термина родства, хотя установлением структурных связей на уровне семантики лингвисты почти не занимаются.

Поскольку план содержания невозможно познать без плана выражения, НР являются объектом исследования как лингвистов, так и этнографов.

Этнографы, в свою очередь, определяют правила, по которым соотносятся план выражения и содержания (системы родства), т.е. как группируются родственники, как номенклатура родства превращается в систему, они также занимаются изучением семантической структуры систем терминов родства, т.е. исследуют структурные связи на уровне плана содержания [83; 161].

Опираясь на труды различных ученых, можно сделать вывод, что системы наименований родственных и семейных отношений отражают процессы, происходящие в современном социуме. В ходе анализа семантики наименований родства различных этносов важно учитывать как лингвистические, так и социологические факторы, особенности культурной жизни различных народов, их социальную организацию, традиции и обычаи, устройство семьи, которые формируются в течение длительного времени. Данные факторы носят экстралингвистический характер, которые непосредственно влияют на формирование лексических единиц.

1.2 Семья как объект лингвистических исследований

Изучение отдельных социальных групп давно представляло интерес для различных ученых-лингвистов: В. С. Анохина [3–5], А. Н. Байкулова [23–24], Н. А. Бобарыкина [47], А. В. Занадворова [117–118], Е. А. Земская [120–123], М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова [138], Л. П. Крысин [158–159], Е. Ю. Кукушкина [171], М. Л. Макаров [190], О. С. Незнаева [215], Я. Т. Рытникова [280–281], О. Б. Сиротина [290], Ф. Стефан [450], А. Г. Смирнова [294], Р. Р. Чайковский [348], И. В. Шалина [355], Н. Г. Щитова [366] и др.

Семья – «это минимальное социальное объединение, основывающееся на связях по браку, кровному родству или каких-то иных отношениях (например, неформализованных половых) и существующее во всех человеческих

обществах, где закладываются культурные, поведенческие и др. стереотипы» [494]. Данный факт, а также своеобразие семейной речи, которая является частью повседневного речевого общения и в которой представлено самое большое разнообразие коммуникативных ситуаций, не могли не привлечь внимание исследователей.

Отметим, что семейная речь, будучи частью повседневной разговорной речи, представляет собой мало изученную область лингвистики, обширной лингвистической литературы по данной теме не обнаружено. Отдельные исследования, посвященные проблемам семейной коммуникации и «домашнему языку», как правило, затрагивают лишь отдельные аспекты семейной речи.

Впервые семья вызывает интерес у лингвистов в конце XX столетия. Работы отечественных и зарубежных ученых данного периода были посвящены изучению разговорной речи и разработке теории речевых жанров. Лишь в некоторых исследованиях рассматривались отдельные аспекты проблематики семейной коммуникации [107; 132; 158–159; 171; 176; 218–220; 259; 280–281; 348; 371; 372; 426; 446].

Некоторые лингвисты в той или иной степени затрагивали проблемы семейного языка. Так, например, Е. Ю. Кукушкина одна из первых предпринимает попытку определить специфику «домашнего языка», кратко рассматривает особенности лексических номинаций и фразеологии, употребляемых в семейном общении, а также вводит понятие «словообразование по семейным моделям» [171].

В работе М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой представлена типология ситуаций домашней коммуникации, установлены ее основные жанры и свойства [138].

Т. В. Нестерова в кандидатской диссертации исследует прагматику обращений-антропонимов в сфере семейного дискурса [218].

Н. А. Трошина затрагивает проблематику использования номинаций родства в качестве обращений в семейной коммуникации [311].

В работах зарубежных ученых по данной проблематике рассматриваются, прежде всего, вопросы межличностного общения, тактики речевого поведения, а также проблемы конфликтной коммуникации [374; 383; 450; 451].

Семейная коммуникация и семейная речь выдвигаются на первый план лингвистических исследований лишь в начале XXI века и изучаются, прежде всего, в рамках антропоцентрического, прагматического и социолингвистического направлений.

Одной из первых попыток комплексного изучения семейной коммуникации стала кандидатская диссертация А. В. Занадворовой, в которой автор отмечает, что речевое общение даже в пределах одной семьи неоднородно, взаимодействие различных коммуникантов отличается своим выбором тех или иных жанров и тем [118]. В связи с этим исследовательница предлагает разделить язык семьи на четыре «подъязыка»: 1) язык общения родителей между собой; 2) язык общения родителей с детьми; 3) язык общения детей с родителями; 4) язык общения детей между собой.

В кандидатской диссертации А.Н. Байкуловой «Речевое общение в семье» [23] впервые исследуется, в частности, речевое общение с младенцем, с животными, растениями и предметами домашнего обихода. Отдельные главы докторской диссертации исследовательницы [24] посвящены семейному общению, а также общению родственников.

Диссертационное исследование В. С. Анохиной посвящено изучению коммуникативного и адаптационного аспектов речевого общения представителей трех так называемых "простых" семей (городской, деревенской и смешанной), составляющих "сложную" семью. Автором были установлены речевые тактики и средства их выражения в ситуациях гармоничного и конфликтного общения [3].

В исследовании А. Г. Смирновой была предпринята попытка системного описания немецкой семейной речи, отмечены её национальные и наднациональные особенности. Также автор отмечает, что современному немецкому языку присущ пласт «детской» лексики, определяющий коммуникацию родителей с маленькими детьми [294].

Исследованием проблематики семейного дискурса занимались также О. В. Черничкина [351], В. В. Звягинцева [119], Г. И. Резницкая [270], К. В. Нилова [221] и Э. А. Салихова [285] и др.

1.3 Неофициальное общение и его разновидности

Общение – это сложный процесс взаимодействия людей, в котором они влияют друг на друга, обмениваются различной информацией, выражают чувства, эмоции, оценки и отношение друг к другу и к третьим лицам.

Среди многообразия выделяемых видов общения, с точки зрения взаимоотношений говорящих и коммуникативной ситуации, выделяется два типа общения: официальное (в официальной обстановке) и неофициальное (частное – бытовое, дружеское, семейное) [70; 71; 88; 100; 117–118; 129; 290; 306; 332; 370].

В отличие от официального общения, которое содержит немало стереотипных, клишированных компонентов и к которому предъявляются строгие требования, касающиеся, в первую очередь, важных для коммуникации качеств речи (точность, правильность и др.) и соблюдение этических норм, в неофициальном (частном) общении нет стандартов, требования к качеству речи не столь жесткие, а выбор слов и выражений более свободный [24, с. 21–22].

Для неофициального общения характерно следующее:

1. Сфера использования неофициального общения – повседневно обиходно-бытовое общение (семейное, родственное, дружеское) [24, с. 22], например:

(1) англ. разг. [Из разговора матери и дочери]: *Mam, will ya make me a cupa tea?* [491] ‘Мам, сделаешь мне чашечку чая?’;

(2) нем. разг. [Из разговора друзей]: *Und, wer hat dir deine neuen Botten bezahlt, wieder deine **Kohlenbeschaffer**?* [490] ‘Кто оплатил твои новые туфли, снова родители (букв. ‘снабженцы деньгами’)?’.

2. Данный тип общения может осуществляться как в устной, так и в письменной форме [24, с. 39].

3. Неофициальное общение носит непринужденный, интимный, фамильярный характер [332, с. 40]. Здесь доминирует стилистически маркированная лексика – оценочные наименования, заимствования и т. д., например:

(3) англ. разг. [Из разговора двух друзей]: (Me): *What's wrong, dude?* (You): *I'm having some issues with **my better half*** [491] ‘(Я): Что случилось, чувак? (Ты): У меня терки с моей женой (букв. ‘лучшей половиной’)’;

(4) русск. жарг. [Из разговора двух друзей]: *Как ты с такой **крысой*** (т. е. ‘женой’) *живешь еще?!* [465, с. 244].

4. Обязательным свойством устного неофициального общения является диалогичность, которая проявляется в перераспределении ролей говорящего и слушающего. Неофициальное общение может быть и в форме монолога, но он диалогизирован [120;121], например:

(5) англ. разг. (Friend1): *Who was that on the phone?* (Friend2): *My **old cheese***. [491] (Друг 1): ‘Кто звонил?’ (Друг 2): ‘Моя мать (букв. ‘старый сыр’)’;

(6) нем. разг. (Т.): ***Ma**, mein Zimmer ist rosa.* (М.): *Na und?* (Т.): *Ich wollte lila!* [555] (Д.): Мам, ты выкрасила мою комнату в розовый цвет. (М.): И что? (Д.): Я хотела в сиреневый.

5. В неофициальном общении всегда присутствует обращение к личному адресату, независимо от количества коммуникантов [120; 121; 129]. В обиходно-бытовом общении возможны также псевдиалоги, участником которых могут выступать предметы быта, животные, грудные дети, а также разговоры с самим собой, ср.:

(6) англ. разг. [Обращение матери к дочери-ребёнку]: *I love you too my princess* [491] ‘Я тоже люблю тебя, моя принцесса’;

(7) нем. разг. [Обращение матери к ребёнку]: *Wo ist Mamas Zuckerpups* [555]. ‘Где мамин сахарочек’;

(8) русск. ласк. шутл. [Мать ребёнку, разбившему чашку]: *Ты что, бесёнок, натворил?* [510];

(9) укр. [Обращение матери к ребёнку]: *Чого лізеш– кричали. – Всі бурачки повиривала! О, глянь, вже й моркви нема. От, мала зараза! Геть звідси! – шипіли, як зміюки* [553] ‘Чего лезишь – кричали. – Весь буряк вырвала! О, глянь, уже и морковки нет. Вот же, маленькая зараза! Брысь от сюда! – шипели, как змеи’.

6. Неофициальное общение является неподготовленным, спонтанным [121].

7. Неофициальное общение произвольно, т. е. выбор тем, как правило, не ограничен, даже если тематика фиксирована, часто возникают непреднамеренные отступления [24; 121; 138].

Вслед за А. Н. Байкуловой, в неофициальной коммуникации мы выделяем такие типы общения, как семейное общение, общение родственников и дружеское общение. Каждому из данных типов общения присущи как общие черты неофициального общения, так и специфичные черты, отличающие один тип общения от другого. Рассмотрим детальней каждый из заявленных выше типов неофициального общения [24].

1.3.1 Семейная речь является разновидностью разговорной речи совместно проживающих людей, которые могут быть связаны как кровным родством, так вступить в родственные отношения посредством брака или вследствие усыновления/удочерения. Способ семейного общения – ситуативно обусловленный диалог или полилог, организованный согласно правилу смены коммуникативных ролей. Коммуникативная цель варьируется в зависимости от ситуации, в которой происходит процесс общения (побуждение к действию, убеждение, объяснение и т. д.). Темы семейной коммуникации разнообразны, носят как личный характер (интимные темы, связанные с семьей, семейными

взаимоотношениями, работой, здоровьем и т. д.), так и общий (экономика, политическая ситуация в стране и в мире, наука и техника и т. д.). Основными целями семейного общения являются ведение совместного хозяйства, воспитание детей, оказание взаимной психологической поддержки.

Для семейного общения также характерны многообразие жанров (убеждения, просьбы, уговоры, уступки и др.), политематичность (практически отсутствие табуированных тем), неорганизованность (резкий переход от одной темы к другой, отсутствие единства всего текста) и полисубъектность (текст строится всеми участниками коммуникации) [23–24; 121; 290].

В силу того, что члены семьи проживают, как правило, в одном коммуникативном пространстве и им приходится общаться для совместного ведения хозяйства, воспитания детей и т.п., независимо от личного отношения коммуникантов друг к другу, семейное общение характеризуется как вынужденное (или принудительное).

С одной стороны, для семейного общения характерно широкое использование стереотипов (употребление в разных семьях общих именованных). Например, общим для всех анализируемых лингвокультур, характерно употребление усеченных наименований родственников, ср.:

(10) англ. разг. *Yes, **mam**. I finished my homework.* [491] ‘Да, мам. Я уже сделала домашнюю работу’;

(11) нем. разг. ***Mum, Dad**, das ist Ophelia.* [555] ‘Мам, пап, это Офелия’;

(12) русск. разг. ***Ма**, можно я сегодня останусь дома?* [511, с. 112];

(13) укр. разг. *Ой бабо моя! лихо твоїй **ма**! Темні луги, темні луги, ярая билина, не зводь з ума, кроть твою **ма**, бо я не дитина* [553] ‘Ой баба моя, горе твоей ма! Темные луга, темные луга, ярая былина, не своди с ума, кроть твою ма, потому что я не ребёнок’.

С другой стороны, для семейной коммуникации свойственно стремление коммуникантов уйти от однообразия в использовании языка. Так, во многих семьях для семейного общения характерно творческое своеобразие,

использование ярких образных номинаций, эмоционально экспрессивных оценок, в нем часто, наряду с узуальными именованиями, используются и окказиональные, образованные при помощи различных образных средств (языковой игре, метафорических и метонимических переносов, сравнений). В данном случае речь идет об особом «языковом коде» семьи, т.е. языке семьи или семейном словаре, который отличает речь одной семьи от другой. Он включает в себя прозвища, обращения, ласкательные имена, а также специфические слова, которые употребляются только в данной семье и понятны только ее членам. Они выполняют эмоционально-оценочную функцию, вносят разнообразие в семейные отношения, помогают избежать рутинности и обыденности [24, с. 191–192], ср. из разговора супругов:

(14) англ. разг. *How many crumb crushers should we have?* [550] ‘Сколько детей (букв. ‘тех, кто крошит’) у нас должно быть?’;

(15) нем. разг. *Danke, Häuschen. Fünf-Sterne-Service* [555] Спасибо, дорогой (букв. ‘зайчик’), сервис на пятерку;

(16) русск. жарг. “*Что ты, мой муж, голову повесил?*”. “*Жена ты моя, курва-разбойница. Загубила ты мою буйную головушку*” [552];

(17) укр. разг. [Обращение матери к ребёнку]: *Мамин скарб, дай тебе цюмну* [553] ‘Мамино сокровище, дай тебя поцелую’.

Отличительной особенностью семейной кооммуникации является общение с младенцами, животными, растениями и предметами быта. Как правило, здесь речь идет о монологах и псевдиалогах. Приведем примеры общения родителей с младенцами:

(18) англ. ласк. *Hey bub, i love you* [491] ‘Эй, мальш, я тебя люблю’;

(19) нем. шутл. *Du komischer Schmierfink!* [490] ‘Ты, смешной грязнуля’;

(20) русск. ласк. *Мамина булочка, мамин пирожок* [552];

(21) укр. ласк. *Какалка ти, моя маленька* [553]. ‘Какалка ты, моя маленькая’.

В сравнении с дружеским общением, семейная речь обладает большей степенью конфликтности, которая проявляется, в частности, в употреблении

оскорбительных прозвищ и обращений, ругательств, дразнилок и обзывалок [118, с. 297]. В семье человек дольше находится в одном коммуникативном пространстве, он мало контролирует свою речь, не проявляет особой заботы об адресате. Сама сфера семейного общения способствует снижению контроля за формой выражения мысли, гибкости в использовании языковых средств; она характеризуется обилием ситуаций, причин и поводов, ведущих к напряженному социальному взаимодействию, что нередко приводит к конфликту, например:

(22) англ. сленг. груб. [Обращение мужа к жене]: *Are you deaf, you f*cking cow?* [491] ‘Ты что, оглохла, дура?’;

(23) нем. разг. [Обращение мужа к жене]: *Megäre. Ja, eine Megäre bist du. Du würdest es hier nicht aushalten? Wäre das zu viel für dich?* [555] ‘Мегера. Да, ты мегера. Ты бы не выдержала здесь? Это было бы слишком для тебя?’;

(24) русск. разг. [Обращение жены к мужу]: — *Ах ты кобель паршивый, — на весь двор кричит Света* [552].

1.3.2 Промежуточное положение между семейным и дружеским общением занимает общение родственников, которое возникает среди людей, связанных между собой кровным родством, но проживающих раздельно [23; 24; 275]. Иногда сложно разграничить семейное общение и общение родственников, и именно фактор раздельного проживания является определяющим.

Рассмотрим особенности общения родственников. Общение родственников, как и семейное, и дружеское политематично (например, разговоры о погоде, здоровье, работе, детях, учебе, политической ситуации в стране и т. д.), но в отличие от семейного общения является свободным и инициативным, основная цель которого — информирование о состоянии дел ради сохранения и развития родственных связей.

В зависимости от статуса коммуникантов, их возраста, социального положения данный тип общения может быть паритетным и непаритетным. Однако здесь иерархическое неравенство сглаживается [24, с. 292–293]. В отличие от семейного общения, в ходе которого возникает речевая гомогенность (выстраивание речи с ориентацией на групповые ожидания), общение родственников гетерогенно.

Фактором отличия выступает «семейный код», единый «язык», на котором говорили бы все родственники [24, с. 202].

Отметим, что практический материал нашего исследования не позволяет четко разграничить семейное общение и общение родственников, поэтому в дальнейшем общение родственников рассматривается в рамках семейного общения.

1.3.3 Дружеское общение является еще одной разновидностью неофициальной коммуникации, имеющее место в повседневно-бытовой сфере (общение соседей, общение коллег по работе, общение друзей/приятелей и т.д.). Как и общение родственников, оно является свободным и инициативным, индивидуально-избирательным, межличностным и групповым.

Дружеское общение является паритетным. Неравенство собеседников носит, как правило, ситуативный характер, в основе которого лежит психологический тип личности, а также разный уровень компетентности участников коммуникации в том или ином вопросе.

Как и для других типов общения, для дружеской коммуникации характерен широкий спектр тем: личных (обсуждение семейных дел, бытовых проблем, личной жизни и т.д.) и общих (работа, отдых, экономика, политика и т.д.), ср.:

(25) англ. разг. [Из разговора двух подруг]: *I'm going to finish school and get my law degree and all but what I really want to be is a **homemaker** and a **trophy wife*** [491] ‘Я собираюсь закончить школу, получить диплом юриста и все, но на самом деле я хочу быть домохозяйкой и женой со статусом’;

(26) русск. арг. [Из разговора двух друзей]: *Мне своих бы **ушастиков** хоть как-то прокормить, а **баба** мне еще одного навязывает!* [466, с. 62];

(27) укр. сленг. шутл. [Из разговора двух друзей]: *Я ще годину побуду вдома, бо мають заїхати мої **коркодители*** [473, с. 169] ‘Я еще часок побуду дома, а то должны приехать мои родители (букв. ‘коркодители’)’.

Для дружеского общения характерна эмоциональность, экспрессивность, непосредственность, спонтанность коммуникантов, что, в свою очередь, приводит

к речевой свободе, свободному выбору языковых средств, возникновению языковой игры, использованию стилистически маркированных слов из сферы субстандарта, главным образом, из сферы просторечия (как правило, у представителей более старшего поколения), жаргона, арго и сленга (у более молодого поколения):

(28) англ. сленг. *You quit talkin bout madukes* [491] ‘Ты вообще-то говоришь о моей матери?’;

(29) нем. разг. *Was lallen denn deine Homes dazu?* [528, с. 65] ‘Что по этому поводу говорят твои домашние (т.е. ‘родители’)?’;

(30) русск. жарг. *Мутерша* (т.е. ‘мать’) *мне бошку оторвет, если узнает, что я опять с тобой сгоношился. Я свою мутершу седую и не признал.* [465, с. 234];

(31) укр. *Не хочу бачити і чути цю клізму* [473, с. 161] ‘Не хочу видеть и слышать эту клизьму (т.е. ‘жену’)’.

1.4 Особенности стилистически маркированной лексики

В современной лингвистической литературе для обозначения маркированной лексики обычно используют синонимы «стилистически окрашенная лексика» (И. Б. Голуб [87], М. Н. Кожина [143], Е. Ф. Петрищева [255]) «стилистически маркированная лексика» [И. В. Арнольд [14–17], И. Р. Гальперин [81], Г. А. Мартинович [196], З. М. Эфендиева [367]), «эмоционально-оценочная лексика» (Д. Н. Шмелев [363–364]), которые отражают различные подходы к данной проблематике.

Прежде чем перейти к рассмотрению семантических и функциональных особенностей стилистически маркированных наименований лиц по родственным отношениям в английском, немецком, русском и украинском языках, целесообразно дать определение понятию «стилистическая маркированность (окраска)» и определить состав данного пласта лексики.

Отечественные и зарубежные ученые трактуют термин «маркированность» по-разному. По наблюдениям И. Р. Гальперина, одни ученые рассматривают маркированность как языковую единицу, которая соответствует нормам

употребления в языке на определенном этапе его развития, другие определяют маркированность как наличие у языковой единицы дифференциального признака, который отличает одну форму употребления данной единицы от других, не имеющих этого признака [81, с. 269].

В некоторых исследованиях явление стилистической маркированности связывают с понятием «языковая норма». Так, М. А. К. Хэллидей выделяет два типа маркированности: 1) негативную, т.е. представляющую собой отклонение от нормы и 2) позитивную, т. е. устанавливаемую нормой [341, с. 131]. Напротив, И. Р. Гальперин считает, что «в любом стилистически маркированном отрезке высказывания нет ничего, чего не было бы в языке – как системе и в языке – как реализации этой системы, т. е. в речи. Дело лишь в степени сгущения характерных, ведущих или случайных, признаков явления, которые в силу каких-то условий – объективных или чаще личностных – автор делает маркированными» [81, с. 275–276].

Т. В. Матвеева дает следующее определение языковой (литературной) норме: «...исторически сложившиеся правила речевого пользования, признанные обществом за образцовые» [198, с. 237]. С одной стороны, норма обеспечивает стабильность и единство литературного языка, сдерживает изменения в нем, с другой стороны, она подвижна, т.е. она меняется и обновляется, как и язык в целом.

По мнению О. С. Ахмановой, положительно окрашенные слова можно рассматривать лишь на фоне стилистически нейтральной лексики, т.е. слов с нулевой стилистической характеристикой, которая употребляется во всех сферах и жанрах, не привнося в них никаких стилистических оттенков. Она выделяет два типа стилистически окрашенных слов: «сниженные» относительно нейтрального слоя и «стилистически возвышающиеся» над ним [22, с. 244–245].

Ряд исследователей выделяют два вида стилистической окраски: функционально-стилистическую и эмоционально-оценочную [86;143; 144; 196; 255; 260; 363].

Согласно И. Б. Голуб, «...при стилистической характеристике слова учитываются, во-первых, его принадлежность к одному из функциональных стилей или отсутствие функционально-стилевой закреплённости, во-вторых, эмоциональная окраска слова, его экспрессивные возможности» [88, с. 57].

Под функциональным стилем М. Н. Кожина понимает «своеобразный характер речи той или иной социальной ее разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемый особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией, несущей определенную стилистическую окраску» [143, с. 42].

И. В. Арнольд отмечает, что «стилевая структура лексики тесно связана с конкретно-историческими условиями жизни народа, говорящего на данном языке, и поэтому может быть различной в разных языках и на разных этапах истории одного языка. Общим для всех литературных языков является только деление на книжную и разговорную речь» [15, с. 133].

В основе функционально-стилевой дифференциации языка лежат как внеязыковые, так и собственно языковые структурные признаки. Функциональные стили различают по количественным показателям использования языковых единиц, а также функциям, которые они выполняют в определенных контекстах.

В немецком языке М. П. Брандес выделяет следующие функциональные стили: официально-деловой, научно-технический, газетно-публицистический, обиходно-разговорный словесно-художественный [52, с. 159]. Из перечисленных выше пяти стилей Л. Долежел [387, с. 284] и В. Фляйшер [400, с. 24] исключают газетно-публицистический стиль. По их мнению, выделение данного стиля спорно, ввиду его широкой вариативности.

В системе английского языка также традиционно выделяют пять функциональных стилей: стиль научной прозы или научно-технический стиль; стиль официальных документов или официально-деловой стиль; газетно-публицистический стиль; художественный стиль; разговорный стиль [17; 88].

В современном русском и украинском языках И. Б. Голуб [87, с. 57] и А. Д. Понамарев [260, с. 6] выделяют книжные стили (научный, публицистический, официально-деловой) и разговорную речь.

Многие языковые единицы не только называют понятия, но и отражают отношение говорящего к объекту номинации, комбинируя т. о. номинативную (см. ниже глава 3, п. 4.1) и эмоционально-оценочную (см. подробнее глава 3, п. 4.3) функции. Речь идет о так называемой эмоционально-экспрессивной окраске слов, оттенки которой многообразны [86; 88; 148; 188; 367].

Под экспрессивностью Н. А. Лукьянова понимает «свойство ЛЕ, связанное с ее способностью в образной или (реже) необразной «форме» репрезентировать субъективные аспекты восприятия человеком действительности: представления говорящих о качественно-количественных проявлениях реалий (предметов и их признаков, признаков других признаков, действий, состояний, процессов), непосредственно переживаемые эмоции, чувства говорящих, субъективные мнения и оценки о предмете речи и т. д.» [188, с. 187].

Четкое разграничение эмоциональной и экспрессивной лексики невозможно осуществить, так как экспрессивная окраска лексических единиц накладывается на их эмоционально-оценочное значение, причем у одних слов доминирует эмоциональная окраска, а у других – преобладает экспрессия.

В этой связи И. Б. Голуб и М. Н. Кожина выделяют следующие типы эмоциональной лексики [87, с. 59-60; 143, с. 108]:

1. Однозначные лексемы с ярким оценочным значением. Оценка, заключенная в значении таких слов явно выражена и не позволяет употребить

их в других значениях. К ним относятся слова-«характеристики», а также слова, дающие оценку фактам, явлениям, признакам.

2. Многозначные лексемы, обычно нейтральные в основном значении, которые получили яркую оценочность и эмоциональную стилистическую окраску в ходе метафорического переосмысления.

3. Лексемы с суффиксами субъективной оценки (уменьшительно-ласкательные, ласкательные, пренебрежительные, уничижительные и др.), выражающие отношение говорящего к предмету, признаку, качеству и придающие словам различные оттенки (пренебрежения, ласкательности, иронии, презрения, уничижения, сочувствия и т.д.).

Среди разнообразного спектра оттенков эмоционально-экспрессивной окраски выделяются слова с положительной и отрицательной эмоционально-оценочной окраской. К положительным оттенкам относятся одобрительный, торжественный, ласкательный, возвышенный, шутливый и др., а к отрицательным – иронический, пренебрежительный, фамильярный, бранный, презрительный и др. В разных контекстах эмоционально-экспрессивно окрашенные языковые единицы могут получать различные, иногда даже совершенно противоположные оттенки своего стилистического значения: ласковое слово может получить насмешливо-ироническую, иногда презрительную окраску, а бранное слово, наоборот, может выступать, например, в роли ласкового обращения.

Добавим, что многие слова, имеющие эмоционально-оценочную окраску, трудно переводить на другие (даже родственные) языки, т. к. они часто обладают ярким национальным колоритом, ср.: англ. разг. *Job/Jobe* ‘муж-подкаблучник’; нем. разг. *Josef* ‘бездетный муж’; русск. разг. *подпечник* ‘незаконнорожденный ребёнок’; укр. разг. ирон. *жировий* ‘незаконнорожденный ребёнок’.

Отметим, что разграничение эмоционально-оценочной и функционально-стилистической окрашенности слов носит условный характер. Эмоционально-

оценочная окраска языковых единиц наслаивается на функциональную, дополняет их стилистическую характеристику, т. е. эмоционально-оценочной окраской обладают только слова с той или иной функционально-стилистической окраской, не нейтральные в эмоционально-экспрессивном плане.

Ряд лингвистов рассматривают стилистическую окрашенность языковых единиц как наличие у них различных коннотаций [17; 22; 309].

В этой связи В. Н. Телия определяет «коннотацию» как: «семантическую сущность, узуально илиokkaзионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [309, с. 5].

О. С. Ахманова рассматривает коннотацию как синоним к терминам «добавочное значение», «окраска», «окрашенность» и дает ей сходное определение: «...дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические и стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию тождественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.» [22, с. 203–204].

И. В. Арнольд также рассматривает коннотацию как факультативную часть лексического значения слова, в состав которой входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты [17, с. 108]. Все четыре компонента могут выступать вместе, поэтому их часто смешивают, а сами термины употребляются как синонимы. Однако, наличие одного из компонентов не требует обязательного присутствия остальных трех, и данные компоненты могут вступать в разные друг с другом комбинации [17, с. 115].

Опираясь на приведенные выше точки зрения, в данном исследовании стилистическая маркированность (окраска) слов понимается в широком смысле как способность языковых единиц вызывать определенный стилистический

эффект, наделять речь коммуникантов различными оттенками (ироничность, фамильярность, шутливость и др.), как дополнительная (коннотативная) информация к ее основному (номинативному, предметно-логическому и грамматическому) значению, а также как экспрессивные, функциональные и эмоционально-оценочные свойства данных единиц, употребление которых ограничивают различные экстралингвистические (стилеобразующие) факторы, такие как взаимоотношения между участниками коммуникации, условия общения (коммуникативная ситуация), сфера речевого общения, функциональные стили, жанры и др. Коннотативная информация, содержащаяся в стилистически маркированных единицах, может носить узуальный (закрепленный за языковой системой) и окказиональный (случайный, индивидуально-авторский) характер; соответственно, вся стилистически маркированная лексика делится на узуально закрепленные и окказиональные лексические единицы.

Согласно основным видам стилистических помет, применяемым в современных словарях, выделяются следующие разряды стилистически-маркированных языковых единиц:

1. Языковые единицы, которые противопоставляются нейтральным своей стилистической значимостью, способные придать речи более высокий или, наоборот, сниженный характер («книжные», «высокие», с одной стороны и «разговорные», «просторечные» – с другой).

2. Языковые единицы, противопоставленные общеупотребительным вследствие присущей им временной приуроченности (архаизмы, историзмы, неологизмы, модные слова).

3. Языковые единицы, противопоставленные нейтральным экспрессивно-оценочной направленностью, имеющие соответствующие пометы («бранное слово», «вульгарное слово», «грубое слово», «иронично», «ласкательно», «неодобрительно», «презрительно», «пренебрежительно» и др.).

4. Языковые единицы, источником которых является внелитературная речь (диалекты, жаргоны, просторечие, арг, сленг, вульгаризмы, бранные слова).

В материал настоящего исследования включались стилистически маркированные наименования родственников, представляющие собой субстандартные формы национального языка (жаргонизмы, арготизмы, сленгизмы, просторечия, вульгаризмы и др.) и разговорные номены, содержащие часто пометы оценочного характера (шутливый, ироничный, ласкательный, пренебрежительный и др.).

1.5 Взаимоотношение стандартных и нестандартных форм языка

Современные английские, немецкие, русские и украинские языки представляет собой сложную иерархическую систему. Для них характерны внутренняя неоднородность и изменчивость, которые проявляются в различных формах его существования, имеющих, с одной стороны, общие социально-лингвистические особенности, с другой – различия на фонетическом, лексическом, синтаксическом уровнях.

В современном языкознании они создают оппозицию: литературная форма существования языка (литературный язык) противопоставляется нелитературной, находящейся за пределами языковой нормы и охватывающая нестандартные формы существования языка (арго, жаргон, сленг, диалекты, просторечие и т. д.) [37–39; 46; 96; 108; 111; 147; 183; 184; 235; 269; 288; 378; 379; 403; 407; 410; 419].

Опираясь на работы отечественных и зарубежных социолингвистов [50, с. 45; 113, с. 6; 115, с. 160; 232, с. 58; 267, с. 70–71; 345, с. 6; 412, с. 10; 415, с. 65; 501, с. 234], под термином «форма существования языка» в данном исследовании понимаются существующие в определенном обществе разновидности языка, для которых характерна общность на языковых уровнях и несовпадение сфер использования (литературный язык, социолекты, диалекты и т. д.).

В этой связи А. Д. Петренко справедливо пишет: «Литературный язык является одной из форм существования языка наряду с территориальными диалектами, полудиалектами и разновидностями обиходно-разговорного языка.

Главными чертами, характеризующими литературный язык, являются его поливалентность, стилевое многообразие, отбор и регламентация языковых средств и наддиалектная специфика» [235, с. 10–11].

В отечественном языкознании «литературный язык» – универсальная, многофункциональная форма существования языка (устная и письменная), которая занимает главенствующее положение в системе языка, выступает нормой и противопоставляется диалектам, социолектам, региолектам, просторечию и т.д. [1, с. 24; 6, с. 11; 21, с. 37–38; 50, с. 49; 92, с. 289; 96, с. 12; 142, с. 30; 231, с. 93; 233, с. 92; 314, с. 172; 327, с. 11].

В западной терминологии чаще употребляется термин «стандартный язык» («*standard language*», «*standard variety*», «*standard dialect*», «*standard*») [455].

Согласно З. Кестер-Томе, для формы существования литературного языка, которая подверглась существенной кодификации грамматики и используется населением в ходе общения, «в германистике употребляется, в основном, термин *Standartsprache*, иногда *Hochsprache*. В англо-американской лингвистике под *Standart-English* подразумевается *British English* и *American English*, которые рассматриваются лингвистами как равные стандарты, в то время как *Scottish English*, *Irish English*, *Canadian English*, *South African English*, *Australian English* и др. не имеют статуса стандартных языков» [137].

Далее перейдем к рассмотрению понятия «*субстандарт*».

Л. Блумфилд в своем труде «*Language*» одним из первых вводит термин «*субстандарт*» («*sub-standard*») и выделяет 5 форм существования языка: «1) письменный литературный язык (используется на письме и в официальном общении); 2) разговорный литературный язык (язык привилегированных слоев населения); 3) областной литературный язык (в США разговорный язык «среднего класса», применяемый на определенной территории); 4) просторечие (*sub-standard*) (используется в Европе низшей прослойкой «среднего сословия», в США – почти всеми); 5) местные диалекты (язык наименее привилегированных классов, «домашний язык» жителей определенной

территории) [46, с. 65–67, 533; 381]». Просторечие («*sub-standard*») лингвист рассматривает как нелитературную форму существования языка, противопоставляя ее т. о. литературному стандарту, указывая на общепонятность и территориальные особенности субстандарта.

Под термином «*нестандартный английский язык*» («*nonstandard English*») У. Лабов понимает систему социолингвистических правил коммуникативного акта, которая отличается от языкового стандарта и уступает ему [418, с. 14].

Англисты Р. Хартман и Ф. Сторк, в свою очередь, разграничивают термины «*субстандарт*» («*substandard*») и «*нонстандарт*» («*nonstandard*»). Отличия между ними и обозначаемыми ими понятиями они видят в стилистике. Оба этих понятия на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях лингвисты противопоставляют стандарту. При этом термин «*нонстандарт*» («*nonstandard*») они рассматривают как более нейтральный, а «*субстандарт*» («*substandard*») они характеризуют как имеющий оценочно-пейоративное значение [409, с. 153, 225]. Добавим, что данные термины используются в настоящей работе недифференцированно как терминологические синонимы.

Немецкие лингвисты А. Ламели и А. Ленц в своих исследованиях также противопоставляют «*субстандарт*» «*стандарту*» и относят к нему, в частности, такие языковые разновидности, как диалекты и региолекты [419; 420].

Г. В. Файзиева в своем диссертационном исследовании «Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты» не разграничивает термины «*лексический субстандарт*» и «*лексическое просторечие*» и выделяет ряд языковых сущностей: «1) социально-коммуникативную систему языка; 2) социолингвистическую норму; 3) экзистенциальную форму языка; 4) национальный язык; 5) литературный язык; 6) геолект: а) региолект, б) диалект, в) локалект, г) говор; 7) язык-пиджин; 8) подъязык/субъязык; 9) социолект (этносоциолект); 10) языковой субстандарт: А) внелитературное просторечие, Б) этническое просторечие, В) локально-территориальное просторечие, Г) лексическое просторечие/лексический субстандарт:

а) коллоквиализмы (литературные и низкие), б) общие сленгизмы, или интержаргон, в) вульгаризмы, г) профессиональные жаргоны, д) корпоративные жаргоны, е) эзотерические аргы, ж) условно-профессиональные аргы/жаргоны, з) лексиконы маргинальных субкультур» [282, с. 10].

В. В. Химик в предисловии к «Большому словарю русской разговорной экспрессивной речи» также указывает на противоположность терминов *«стандарт»* и *«субстандарт»*. К первому он относит кодифицированный литературный язык (строгий языковой стандарт) и литературную разговорную речь, ко второму – просторечие. Просторечие, в свою очередь, распадается на функционально-стилистическое просторечие (грубые и непристойные слова и выражения, вульгаризмы), используемые для выражения эмоционально-оценочной функции и социальное просторечие (речевые ошибки малообразованных людей) [336, с. 7]. Ученый отмечает, что провести четкие границы между терминами *«стандарт»* и *«субстандарт»* достаточно сложно, особенно на уровне лексики.

Вслед за Г. В. Файзиевой и В. В. Химиком, В. П. Коровушкин также считает понятия *«языковой субстандарт»* и *«языковое просторечие»* синонимичными и дает следующее определение субстандарту: «это исторически сложившаяся, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная автономная экзистенциальная макроформа национального языка или национального варианта полинационального языка, состоящая из системно организованных частных экзистенциальных и неэкзистенциальных языковых форм и их элементов, отвечающих социолингвистической норме второго уровня и создающих языковую ситуацию диглоссии различной степени и качества в соответствующих сферах социально-речевого общения в зависимости от социолингвистических параметров коммуникативного акта» [147, с. 44–45].

Исследователь выделяет следующие разновидности субстандарта: 1) *внелитературный субстандарт/внелитературное просторечие* (исторически

сложившаяся, относительно неустойчивая неэкзистенциальная форма языка, интердиалект неграмотных или малограмотных людей); 2) *территориальный субстандарт/территориальное просторечие* (экзистенциальная макроформа, представленная социализированными геолектами, территориальными диалектами, локальными полудиалектами и говорами, городскими койне, интердиалектами); 3) *этнический субстандарт/этническое просторечие* (экзистенциальная макроформа национального языка, представленная социализированными этнолектами или интерэтнолектами); 4) *этнический субстандарт/этническое просторечие* (экзистенциальные и неэкзистенциальные языковые формы, представленные различными социализированными этнолектами или интерэтнолектами) [147, с. 45–46].

И. В. Калита в своей монографии «Стилистические трансформации русских субстандартов, или книга о сленге» выделяет следующие слои языка: 1) нормативные, которые, в свою очередь, разделяются на литературный и стандартный язык (общеупотребительная менее строгая форма литературного языка), включающий разговорные и сленговые элементы); 2) субстандартные (ненормативные), т. е. жаргон, сленг, аргю и др. [130].

Автор отмечает, что «будучи ненормативной частью языка, субстандарт более чутко реагирует на новые тенденции языкового развития, поскольку он не связан консервативными нормами, основная функция которых – удерживать стабильность языковой системы, что в процессе языковой эволюции вступает в противоречие с динамичностью развития языка и в итоге приводит к смене или корректировке нормы. Во-вторых, будучи активной и динамичной субстанцией, субстандарт взаимодействует с нормативной частью языка и во многом влияет на нее, результатом чего становится проникновение элементов субстандарта в литературный язык, их своего рода «легализация». Наиболее ярко эти процессы наблюдаются на уровне лексики как самого динамичного слоя общенационального языка, а той средой, через которую происходит «усвоение» литературным языком элементов субстандарта, является разговорная речь,

напрямую связывающая нормативную и ненормативную сферы и во многом формирующая базу стандартного языка» [130, с. 3].

С другой стороны, Э. Партридж [434], Р. Спирс [448], В. А. Хомяков [339; 340] придерживаются мнения, что субстандартный пласт лексики это сложная и многогранная социально-стилистическая категория, в состав которой, с одной стороны, входит социально-профессиональное просторечие (жаргон, сленг), с другой – экспрессивное просторечие (вульгаризмы, коллоквиализмы, сленгизмы).

Основываясь на приведенных выше определениях субстандартного пласта лексики различных лингвистов, в настоящем исследовании *субстандарт* рассматривается в широком понимании как сложная многогранная лексическая подсистема национального языка, которая является симбиозом социально и культурно детерминированных (жаргоны, арг), экспрессивных лексических подсистем (вульгаризмы, коллоквиализмы, просторечие, сленг и т.д.) и стилистически-сниженных лексических пластов (бранные слова, мат), в которые входят также необщепотребительные и социально немаркированные окказионализмы. Данное понятие объединяет разные формы национального языка, которые находятся за пределами литературной нормы и имеют фиксируемые в соответствующих словарях пометы, в противовес стандарту, включающему в себя совокупность языковых явлений, представляющих и входящих в норму.

Добавим, что среди ученых до сих пор ведутся споры по поводу природы субстандарта, его структуры и функций, роли в жизни социума.

Также остро стоит проблема определения таких терминов как «*арго*», «*жаргон*», «*сленг*» и «*разговорный язык*». Одни ученые в своих исследованиях позиционируют их как синонимичные понятия [273; 295–297; 434; 437], другие разграничивают и противопоставляют друг другу [80; 110; 155; 192].

До сих пор не существует единообразного определения «*разговорного языка*» (*Umgangssprache, spoken language*); мнения ученых по этому вопросу расходятся.

Й. Радтке, например, для определения разговорного языка использует 20 терминов, толкования которых связаны, в первую очередь, с различными дефиниционными подходами. Для одних на первом плане стоят критерии социолингвистического характера («деловой язык» (*Geschäftssprache*), «рабочий язык» (*Arbeitssprache*), «интеръязык» (*gemeinsame Verkehrssprache*), «разговорный образованный социолект» (*gebildete Umgangssprache*), «средний язык» (*Durchschnittssprache*)), для других – их региональные особенности («местный обиходный язык» (*landschaftliche Umgangssprache*), «региональный общий язык» (*regionale Gemeinsprache*)) [437, с. 28].

В. Д. Девкин считает, что в функциональном плане «разговорная речь» применима представителями различных социальных слоев и профессий в быту, в неформальной обстановке; имеет всеобщий и неспециальный характер. Автор отмечает: «...с одной стороны, разговорная речь, применяемая в повседневном обиходе, противопоставляется языку подчеркнуто литературному, книжному, научному, публицистическому, официально-деловому. С другой стороны, разговорная речь противостоит диалекту [99, с. 6]. «В разговорной речи есть свои закономерности, не совпадающие с нормами литературного языка... В лексической сфере наблюдается большой удельный вес неполнозначенных слов, ... наличие специфических пластов словаря – слов с постоянной (эмоциональной или иной) окраской: коллоквиализмов, жаргонизмов, диалектизмов, территориально ограниченных вариантов, разных словарных единиц сниженного стилистического тона, своеобразных словообразований, а также словоупотреблений, рассчитанных на возникновение ассоциативных связей (ирония, намеки, игра слов и т. п.), большая употребительность семантически ёмких слов..., наличие образных словоупотреблений, фразеологизмов, модных слов и слов-паразитов» [99, с. 9].

В социолингвистике термин «разговорный язык» понимается как социолект, используемый в любой ситуации частного, неофициального общения [106]. Многообразие проявлений этого социального варианта языка

обусловлено, с одной стороны, многообразием коммуникативных ситуаций, в которых он используется, а с другой – его постоянным взаимодействием с другими социальными стилями. Таким образом, разговорный язык отличается от всех социолектов прежде всего функционально, так как он не противопоставляет, а объединяет представителей разных социальных групп. Это проявляется, с одной стороны, в непринужденности общения, низкой степени подготовленности коммуникантов, с другой, в сохранении общих правил литературного языка [369, с. 39].

Х. Кюппер рассматривает «разговорный язык» («*Umgangssprache*») как промежуточную форму между литературным языком и диалектом. Разговорный язык по своей сути является устным средством общения, т.е. устной речью. Поэтому в его словаре (“*Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*”) можно встретить сленгизмы, арготизмы, жаргонизмы и др. субстандартные слова [532].

В свете современной дискуссии о плюрицентричности немецкого языка такой подход является, по мнению некоторых лингвистов, несколько упрощенным. Предлагается рассматривать разговорный язык как многоаспектный феномен, характер которого определяется такими факторами как функциональным (ситуационным), региональным (территориальным) и этико-стилистическим [422, с. 19; 456, с. 94]. В пределах каждого из указанных аспектов разговорный язык тесно взаимодействует не только с литературным стандартом и диалектами, но и с другими языковыми вариантами (сленгом, жаргоном, арго и др.).

Т. В. Матвеева в полном словаре лингвистических терминов предлагает следующее толкование для термина «*арго*»: «язык, применяемый какой-либо социальной или профессиональной группой людей, главным образом, в целях маскировки, тайного обмена информацией, обособления от непосвященных. В строгом смысле термина арго – это один из *социолектов*, условный тайный язык той или иной социальной группы: арго: мелких торговцев, ремесленников... В более широком истолковании арго – то же, что *жаргон*, но

без сниженного смысла, который сопровождает второе понятие: цирковое, спортивное... Арго формируется на базе естественного русского языка, полностью использует его фонетику, грамматику, во многом словообразование, а вот лексику шифрует, прибегая к переосмыслениям, своим собственным заимствованиям, специальным способам шифровки (используются усечения, перестановки и добавки слогов)...» [198, с. 22].

Термин «*жаргон*» определяется как «разновидность языка, характерная для устного общения в определенной социальной или профессиональной среде (молодежный, армейский, музыкальный...). Один из социальных диалектов, жаргон служит средством распознавания «своих»... Он используется также для установления близкой дистанции общения, языковой игры, за счет чего со стороны кажется, что в жаргоне принято исключительно легкое, шутливое отражение действительности...» [198, с. 101]. В своем определении Т. В. Матвеева также отмечает: «В общем языкознании термин часто связывается с критикой речи, жаргон понимается при этом как грубая, искаженная, примитивная речь. Если говорящий хочет избежать этих оттенков, имея в виду социально ограниченный язык, вместо данного термина используются другие: сленг, арго» [198, с. 102].

Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб и М. А. Телинкова в своем словаре лингвистических терминов дают следующие определения данным терминам: «*Арго* (франц. *argot* – жаргон). Речь отдельных социальных групп, сообществ, искусственно создаваемая с целью языкового обособления (иногда "потайной" язык), отличающийся, главным образом, наличием слов, непонятных людям непосвященным. Школьное аргю. Студенческое аргю. Спортивное аргю. Аргю картежников. Воровское аргю» [273, с. 30]; «*Жаргон* (франц. *jargon*). То же, что аргю, но с оттенком уничижения» [273, с. 115]; «*Сленг*. Слова и выражения, употребляемые лицами определенных профессий или социальных прослоек. Сленг художников. Сленг моряков» [273, с. 451].

Партридж [434], Р. Спирс [448, с. 8] отмечают, что термин «сленг» сильно расширил свое значение и применяется для обозначения такого количества различных понятий, что крайне затруднительно провести разграничительную линию между тем, что является сленгом, а что нет, и часто слово *slang* используется просто как синоним жаргона, аргю, коллоквиальных образований, диалектизмов и вульгаризмов.

Л. А. Ставицкая также считает, что сленг активно заимствует единицы жаргона и аргю, но при этом переосмысливает их, расширяя их значение [296, с. 3]. В тоже время такие черты сленга как фамильярность и оценочность приближают его к аргю и жаргону и дают возможность использовать его в качестве синонима к этим терминам.

В понимании З. Кестер-Тома сленг, жаргон и просторечие представляют собой одну и ту же языковую формацию. В современном русском языке существует достаточно много лексических единиц, принадлежность которых к жаргону или просторечию бывает трудно разграничить [137]. Размытость границ между лексико-стилистическими пластами делает их подвижными и допускает проникновение тех или иных языковых единиц в другой пласт и, следовательно, в другую разновидность речи [212, с. 5].

Таким образом, термины *аргю*, *жаргон* и *сленг* представляют собой социально ограниченные, взаимопроникаемые и синонимичные явления, которые находятся за пределами литературного (стандартного) языка и представляют собой параллельный неформальный способ общения.

Проанализировав различные подходы в определении содержания рассматриваемых понятий, можно сделать вывод, что между стандартной (литературной, нормированной) и субстандартной лексикой и соответственно их языковыми формами – стандартным литературным и субстандартным (сленгом, жаргоном, просторечием, аргю, вульгаризмами и др.) нет жесткой и непреодолимой границы [106; 123; 159; 267; 309]. О взаимопроницаемости и динамичности данной лексики в исследуемых социалектах свидетельствует и

лексикографическая практика, в частности, толковых словарей, закрепляющая многие СМНР, вошедшие в общеупотребительный фонд литературного языка (ср.: англ. *savior sibling, trophy wife*; нем. *Erzeuger, Helikoptermutter*; русск. *детка, жёнка*; укр. *батя, бахур*) [6; 24; 38; 159; 184; 306; 336 и др.]

1.6 Методика изучения стилистически маркированных наименований родственников

Доминирующим направлением современного языкознания является лингвистический антропоцентризм, в исследовательском ракурсе которого находится человек (антропос), языковая личность и его роль в языке. В качестве объекта антропоцентрической лингвистики могут выступать различные наименования человека, в том числе и наименования родственников.

Подобные наименования представляют особый лингвистический интерес, так как их появление и функционирование в языке обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Первые связаны, в частности, со структурными особенностями того или иного языка, с системой его словообразования, а вторые отражают, среди прочего, процессы, происходящие в современном обществе, мировоззрение, традиции, обычаи, культуру носителей данного языка.

НР обладают, таким образом, значительным культурологическим потенциалом, являются, с одной стороны, своего рода «лексическими маркерами времени», отражающими наиболее важные семейные ценности и ориентиры, сложившиеся в определенной лингвокультуре в определённый период времени, а с другой – уникальными фрагментами национальных языковых картин мира, свидетельствующими о специфике языковых систем и неповторимости национальных культур.

Для наиболее полного и адекватного описания особенностей структуры, семантики и функционирования СМНР в настоящей работе применялись методы и приемы лингвистического анализа.

Основная задача комплексной методики анализа СМНР заключалась, прежде всего, в определении критериев отбора языкового материала. Основным критерием отбора языковых единиц является формально-семантический. Согласно данному критерию в исследование включались однословные (непроизводные и производные) и многословные (композиции, словосочетания) языковые единицы, номинирующие лиц по родственным отношениям.

К анализу привлекались т.о. нестандартные (сленговые, жаргонные, арготические, узуальные, окказиональные, региональные, разговорные) СМНР, обладающие различной стилистической окраской (шутливая, ироничная, ласкательная, фамильярная, грубая и т.п.).

В случае полисемии СМНР, за единицу семантического и количественного анализа был взят один лексико-семантический вариант (ЛСВ) данного многозначного слова. При этом различные ЛСВ полисемного СМНР были отнесены к различным тематическим группам (ТГ).

Так, например, в немецком языке у леммы *Regierung* (букв. 'родители') отмечены следующие ЛСВ:

1. <Ehefrau eines energieschwachen Mannes> <супруга неэнергичного мужа> разг. 'жена',

2. <meine Regierung = meine Eltern> <мое правительство = мои родители> разг. 'родители',

СМНР с первым ЛСВ отнесен в ТГ «Родители», а со вторым – в ТГ «Супруги».

Функциональный аспект СМНР рассматривается на примерах микродиалогов семейно-бытового и дружеского общения, а также на базе примеров из художественной литературы и публицистики, полученных из лексикографических и Интернет-источников, Национальных корпусов исследуемых языков.

На этапе обработки собранного эмпирического материала в работе применялись общие и частные методы и приемы системного анализа,

позволяющие охарактеризовать структуру, семантику и функционирование СМНР, а именно:

1. *Описательный метод* (инвентаризации, наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации языкового материала) направлен на фиксацию и анализ фактов языка при помощи статических моделей, позволил выявить все сходства и различия в структуре, семантике и функционировании СМНР исследуемых языков, инвентаризировать словообразовательные способы, которые принимают участие в деривации СМНР, выделить общие семы в семантической структуре СМНР и объединять их в тематические группы и подгруппы, идентифицировать коммуникативные функции данных языковых единиц.

2. *Морфемный анализ* позволил установить морфемный состав производных СМНР, т.е. идентифицировать и выделить в их структуре входящие в их состав морфемы (корень, префикс, суффикс и т.п.) [162–163].

3. *Словообразовательный анализ* СМНР предполагает описание их словообразовательной структуры, выявление производящих основ и словообразовательных элементов, определение способа образования исследуемых языковых единиц. При этом анализу подвергается не вся деривационная история производного СМНР, а последний словообразовательный акт, в ходе которого появляется анализируемое СМНР [357]. В результате словообразовательного анализа определяется также словообразовательная модель СМНР, состоящая из производящей основы, деривационного форманта и деривационного значения (производного слова, отличающего его от производящего слова).

Так, немецкий композит *Bauchbewohner* букв. ‘тот, кто живет в животе’ разг. ‘ребёнок’ с точки зрения морфологического анализа представляет собой четырехчленную структуру (*Bauch/be/wohn/er*), в то время как его словообразовательный анализ свидетельствует о том, что данный СМНР является двухкомпонентным композитом (*Bauch + Bewohner*), ср. аналогичный процесс словопроизводства у английского СМНР *grass/-/widow/er* сленг.

‘соломенный вдовец’ (*grass + widower*); русск. разг. *под/кустар/н/ик* (←*зачать (ребёнка) под кустом*) ‘незаконнорожденный ребёнок’.

4. *Метод непосредственно составляющих* представляет словообразовательную структуру СМНР в виде иерархии более простых элементов – его непосредственно составляющих, которые способны самостоятельно употребляться вне данной структуры. Подобный метод используется, например, при изучении СМНР-композигов, СМНР-словосочетаний и СМНР-сращений для вычленения в их структуре базового и зависимого компонентов. [7; 21;22; 82; 337; 376; 401; 433].

5. *Трансформационный метод* позволяет вывести сложные синтаксические структуры из более простых (ядерных) с помощью правил преобразования (трансформаций). В основе данного метода лежит утверждение о том, что основной единицей синтаксического уровня является тип простого (ядерного) предложения, который с помощью набора трансформаций может быть преобразован в сложный синтаксический тип, не меняя своего содержания. Данный метод применяется для построения перифраз при анализе лексико-семантических связей композитных СМНР и СМНР-словосочетаний.

6. *Этимологический метод* направлен на выявление источников происхождения некоторых СМНР, в том числе заимствованных СМНР, позволяет проникнуть в слои их коннотативного значения, выявить мотивирующую базу, проследить историю их развития и формирования.

7. При исследовании семантической структуры СМНР использовался *метод компонентного анализа*, позволяющий разложить значение языковой единицы на минимальные семантические составляющие (семы): архисемы (интегрирующие родовое значение), дифференциальные семы (дифференцирующие видовое значение) и потенциальные семы, формирующие переносное значение [170; 431].

Так, в семантической структуре СМНР *monkey-man* <a weak and servile husband> сленг. <слабый и безвольный муж> (букв. ‘обезьяна-мужчина’)

архисемой является *husband* ‘муж’, а дифференциальными семами – *weak* ‘слабый’ и *servile* ‘безвольный’. Данное СМНР отнесено, т.о., в подгруппу «Муж» ТГ «Супруги» с субмиссивным НМП.

Данный метод и связанная с ним методика словарных дефиниций позволили, с учетом выделенных сем, провести тематическую классификацию СМНР, а также определить тип аксиологической оценки, выявить метафорические и метонимические модели СМНР.

8. *Метод контекстуального анализа* используется для изучения функциональных особенностей СМНР.

Добавим, что в ряде случаев для проверки примеров употребления привлекались информанты-носители английского и немецкого языков (5 информантов в английском и 5 информантов в немецком; информантами были лица мужского и женского пола в возрасте от 30 до 80 лет).

9. Для более рельефного отображения внутренней формы СМНР, выявления лингвокультурологических особенностей и своеобразия метафорического и метонимического переносов в сопоставляемых языках в работе использовался *буквальный перевод*.

10. Применение *сопоставительного метода* позволяет выявить отличительные особенности в структуре, семантике и функционировании СМНР близкородственных славянских (русского и украинского) и отдалённо родственных германских языков, один из которых (английский) является языком аналитического типа, а другой (немецкий) – флективно-синтетическим языком.

11. На всех этапах сопоставительного анализа СМНР используется *прием количественного анализа*, позволяющий определить продуктивность структурных типов, аффиксов и тематических групп СМНР, метафорических и метонимических моделей в сопоставляемых языках.

12. Для определения взаимосвязи английских, немецких, русских и украинских СМНР с сознанием, мышлением, духовной жизнью человека,

национальной психологией, историей в работе используется *лингвокультурологический анализ*.

Таким образом, в диссертации представлен комплексный подход к изучению английских, немецких, русских и украинских СМНР, интегрирующий структурно-семантический ракурс с идеями когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Такой подход обеспечивает наиболее полное и системное представление особенностей структурной и семантической организации исследуемых СМНР, а также особенностей их функционирования, как в отдельно взятом языке, так и в сопоставительном аспекте, выявляет общие и дифференциальные свойства изучаемых языковых единиц.

Выводы к главе 1

1. Основными научными направлениями в исследовании наименований лиц по родственным отношениям являются лингвистический и этнографический подходы.

1.1. Лингвисты рассматривают термины родства как языковое явление, предметом их исследования являются, прежде всего, семантические, формальные и фонетические особенности, а также этимология данных языковых единиц. Этнографы и социальные антропологи рассматривают наименования родства как термины, используемые для номинации социальных ролей. Предмет их изучения – специфика организации и статус отношений в системе родства.

2. С точки зрения взаимоотношений коммуникантов и обстановки общения выделяется официальное и неофициальное (частное) общение.

2.1. Неофициальное общение является непринужденным, интимным, фамильярным, неподготовленным, произвольным, осуществляется как в устной, так и в письменной форме, ему свойственна конситуативность, в нем всегда присутствует обращение к личному адресату, независимо от количества коммуникантов.

2.2. В неофициальной коммуникации выделяются следующие типы общения: семейное общение, общение родственников и дружеское общение. Каждому из данных типов общения присущи как общие черты, так и специфические черты, отличающие один тип общения от другого.

3. Семья как объект лингвистических исследований начинает привлекать внимание лингвистов лишь в начале XXI века. Фокус исследовательского внимания смещается на семейную коммуникацию и семейную речь, которые изучаются в русле антропоцентрического, прагматического и социолингвистического направлений.

4. В современной лингвистике явление стилистической маркированности понимают по-разному. Одни лингвисты рассматривают ее в соотношении с понятием языковой нормы (И. Р. Гальперин, М. А. К. Хэллидей), другие исследователи связывают ее со стилистическим значением и наличием в языковой единице различных коннотаций (И. В. Арнольд, О. С. Ахманова, В. Н. Телия). Некоторые исследователи стилистическую окраску определяют как принадлежность слова к одному из функциональных стилей, а также наличие у него дополнительных смысловых и эмоциональных оттенков (И. Б. Голуб, М. Н. Кожина).

4.1. В лингвистической литературе термины «стилистически окрашенная лексика», «стилистически маркированная лексика», «эмоционально-оценочная лексика» обычно используются как синонимы, которые отражают различные подходы к явлению маркированной лексики.

4.2. Стилистическая маркированность (окраска) понимается в настоящей работе как: 1) способность языковых единиц вызывать определенный стилистический эффект, наделять речь коммуникантов различными оттенками (ироничность, фамильярность, шутливость и др.); 2) дополнительная (коннотативная) информация к ее основному (номинативному, предметно-логическому и грамматическому) значению; 4) экспрессивные, функциональные и эмоционально-оценочные свойства данных единиц, употребление которых

ограничивают различные экстралингвистические (стилеобразующие) факторы (взаимоотношения между участниками коммуникации, условия общения, сфера речевого общения, функциональные стили, жанры и др.).

4.3. Коннотативная информация, содержащаяся в стилистически маркированных единицах, может носить узуальный (закрепленный за языковой системой) иokkaзиональный (случайный, индивидуально-авторский) характер; соответственно, вся стилистически маркированная лексика делится на узуально закрепленные иokkaзиональные лексические единицы.

5. Стандартный (литературный) язык представляет собой кодифицированную, универсальную, нормированную, относительно стабильную и устойчивую разновидность национального языка, в рамках которого выделяются различные функциональные стили (художественный, научный, официально-деловой, публицистический), обслуживающие различные коммуникативные потребности общества. Для него характерны: обязательность для членов всего языкового сообщества, автономность, иерархичность, соответствие кодифицированным нормам.

5.1. До настоящего времени в социолингвистике отсутствует единое, четкое и однозначное определение субстандарта, его границ и состава, взаимоотношения с другими формами существования языка (литературным, разговорным и др.).

5.2. Согласно целям и задачам настоящего исследования субстандарт рассматривается в широком смысле как сложная, динамичная и ненормативная лексическая подсистема языка, которая состоит из стилистически сниженной и социально-детерминированной лексики, и которая противопоставляется кодифицированному литературному стандарту.

6. В работе используется комплексная методика исследования английских, немецких, русских и украинских СМНР, включающая поэтапное изучение данных языковых единиц (формирование корпуса СМНР; структурная характеристика СМНР; установление набора номинативно-мотивирующих признаков СМНР, тематическая классификация СМНР,

рассмотрение особенностей функционирования СМНР на примерах микротекстов и микродиалогов семейно-бытового и дружеского общения, а также на примерах художественной литературы.

6.1. Системное описание в работе структуры, семантики и функционирования СМНР представляет собой комплексный подход, интегрирующий структурно-семантический ракурс с идеями когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

6.2. Данный подход обеспечивается применением соответствующих методов и приемов анализа (морфемный и словообразовательный анализы, метод непосредственно составляющих, трансформационный метод, метод компонентного анализа, лингвокультурологический анализ, метод контекстуального анализа, описательный метод и др.).

ГЛАВА 2

СТРУКТУРА СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО РОДСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ (СМНР) В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

2.1 Способы и пути образования СМНР в сопоставляемых языках

Образование английских, немецких, русских и украинских СМНР осуществляется различными способами и путями. По типу словообразовательной формы СМНР сопоставляемых языков распадаются на производные и непроизводные.

Первые характеризуются членимостью своей структуры и состоят из корня и словообразовательного форманта (аффикса), отражая, таким образом, процесс деривации на уровне морфологии. Производные СМНР образуются путем аффиксации (суффиксации и префиксации) и полуаффиксации (полусуффиксации и полупрефиксации). Особым типом производных СМНР являются такие образования, которые не обладают признаком производности, т. е. не могут быть расчленены на морфемы. К ним относятся СМНР, образованные путем конверсии и усечения.

К непроизводным относятся корневые СМНР (симплексы). Отдельно рассматриваются словосложение, сращение, сокращение, синтаксический способ, семантическая деривация, редупликация, а также заимствование.

2.1.1 Непроизводные (корневые) СМНР

Непроизводные (корневые) СМНР или симплексы представлены односложными или двусложными словами, в которых невозможно выделить словообразовательные форманты и выявить корневую морфему.

Этот структурный тип в германских и славянских языках обладает в целом низкой продуктивностью, хотя в германских языках он более многочисленный (англ. – 15 ед.; нем. – 12 ед.; русск. – 6 ед.; укр. – 5 ед.).

СМНР-симплексы в английском, немецком, русском и украинском языках могут состоять как из одного слога: (1) англ. сленг. *brat* ‘ребёнок, особенно

балованный'; нем. разг. *Kerl* 'муж'; русск. разг. *ded*; укр. разг. *did* 'дедушка', так и двух слогов: (2) англ. сленг. *maduke(s)* 'мать'; нем. разг. *Schwöte* 'сестра'; русск. разг. *предок* 'отец'; укр. разг. *бастий* 'отец'.

Как в германских, так и в славянских языках отмечены корневые СМНР с затемнённой этимологией, ср.: (3) англ. сленг. *bub* 'ребёнок' (←*bubby* (возможно, происходит из детского языка от *brother* 'брат' или от немецкого *bube* 'мальчик') [527, с. 218]; нем. разг. *Fiez* (*Fitz*) 'старший брат' (возможно, происходит от *Vize* 'заместитель') [532, с. 234]; русск. разг. *грымза* 'сварливая жена' (←*грымать* 'сердито говорить, браниться', что неизбежно повлекло бы за собой вывод о южном, украинском источнике распространения слова, ср. характерность рефлекса *-ры-* < *-рь-* именно для украинского языка; или ←*грызть* в значении 'изводить попреками') [313]; укр. разг. *байстри́ок* 'незаконнорожденный ребёнок' [513] (возможно через польское посредничество является заимствованием из свн. *bastart* (нвн. *Bástart*) 'внебрачный ребёнок', что, в свою очередь, происходит от фр. *fille de bast* 'ребёнок, зачатый в седле').

2.1.2 Аффиксальные СМНР

Аффикация – это создание новых слов путем добавления определенного аффикса к мотивирующей основе. Помимо аффиксов (суффиксов и префиксов), в образовании СМНР участвуют и полуаффиксы (полусуффиксы и полупрефиксы) [150, с. 65].

Семантика аффиксов привлекала к себе внимание многих зарубежных и отечественных лингвистов [10; 28–29; 75; 90–91; 95; 101; 126; 134–135; 145; 179–180; 203; 211; 316–318; 361; 373; 376; 397; 399; 421]. На этот счет высказываются самые разные мнения, которые в итоге сводятся к четырем основным утверждениям: 1) аффикс не несет в себе самостоятельного лексического значения, а только помогает сформировать внешнюю сторону слова; 2) аффикс выполняет лишь роль проводника, переводя слово из одного лексико-грамматического класса в другой; 3) аффикс выражает широкий спектр

лексических и грамматических значений; 4) аффикс обладает серийностью (повторяемость в словообразовательных конструкциях).

Аффиксация является самым продуктивным способом образования СМНР в славянских языках (укр. – 204 ед.; русск. – 197 ед.) и вторым по продуктивности в германских языках (нем. – 63 ед.; англ. – 39 ед.).

Категориальными производящими основами СМНР могут выступать:

1) прилагательные: (4) англ. *grumpy* ‘несдержанный, раздражительный, сварливый’ → сленг. *grumpus* ‘сварливая жена’; нем. *oll* ‘старый’ → разг. *Olsche/ Ollsche* ‘жена’; русск. *старый* → разг. *старушка* ‘мать’; укр. *старий* → разг. *старики* ‘родители’; 2) существительные: (5) англ. сленг. *mum* ‘мать’ → разг. ласк. *mumsie/mumsy* ‘мамочка’; нем. *Mutter* ‘мать’ → разг. ласк. *Mütterlein* ‘мамочка’; русск. *брат* → разг.-сниж. *братуха* ‘брат’; укр. *сестра* → сленг. *сеструха* ‘сестра’; 3) глаголы: (6) англ. *to nip* ‘щипать, кусать’ → сленг. *nipper* ‘ребёнок’; нем. *erzeugen* ‘порождать’ → разг. *Erzeuger* ‘отец’; русск. *грызть* → разг. *грызун* ‘ребёнок’; укр. *нюньчити* ‘плакать/капризничать’ → разг. *нюньчичка* ‘дочь’).

Самой продуктивной категориальной основой СМНР во всех сопоставляемых языках является существительное (русск. – 143 ед.; укр. – 105 ед.; нем. – 36 ед.; англ. – 22 ед.).

2.1.2.1 Суффиксальные СМНР

Наиболее продуктивным способом образования СМНР в рамках аффиксации в сопоставляемых языках является суффиксация.

Под суффиксацией понимается способ словообразования с помощью присоединения к производящей основе суффиксов, т.е. морфем, расположенных после корня слова [82, с. 120].

2.1.2.1.1 Морфемный анализ производных СМНР в английском языке позволил выделить следующие суффиксы: **-y (-ie)**, **-sie (-sy)**, **-er**, **-us** (всего 4 суф.).

Наиболее продуктивным суффиксом английских СМНР является диминутивный суффикс **-y (-ie)** (19 ед.), например: (7) сленг. ласк. *bratty*

‘братец/братик’ (←*brother* ‘брат’), разг. ласк. *mammy* ‘мамочка’ (←*mama* ‘мать’), разг. ласк. *wifey/wifie* ‘женушка’ (←*wifie* ‘жена’).

Согласно Д. Локьеру, английские морфологические показатели диминутивов *-y/ -ie* появляются крайне редко в письменных источниках, однако становятся все более употребительными при неформальном общении и в детской речи (*baby-talk*) [421, с. 70–71].

Суффикс *-er* также обладает большой словообразовательной активностью и присоединяется к мотивирующей глагольной основе (11 ед.): (8) сленг. *tacker* ‘ребёнок’ (←*to tacke* ‘брать’). Часто присоединение данного суффикса сопровождается удвоением конечной корневой морфемы: (9) сленг. *kipper* ‘ребёнок’ (←*to kip* ‘спать, идти спать’).

Зафиксированы единичные СМНР с мотивирующей субстантивной основой: (10) сленг. груб. *gooser* ‘незаконнорожденный ребёнок’ (←*goose* ‘гусь; гусыня’) и прилагательным: (11) сленг. *chisler* ‘ребёнок’ (←*chisley* ‘галечный, гравистый, каменистый’).

Малопродуктивными суффиксами английских СМНР являются *-sie/-sy* (3 ед.) и *-us* (1 ед.), например: (12) разг. ласк. *mumsie/mumsy* ‘мамочка’ (←*mum* разг. ‘мать’), разг. ласк. *poopsie/poopsy* ‘ребёнок’ (←*poop* ‘испражняться’), разг. *grumpus* ‘сварливая жена’ (←*grumpy* ‘несдержанный, раздражительный, сварливый’).

2.1.2.1.2 В деривации немецких СМНР участвуют следующие суффиксы: *-sche (-sch), -chen, -el, -i (-li), -in, -lein, -er, -e, -ent, -rich, -ling* (всего 11 суф.).

Наиболее продуктивным является суффикс *-i* (19 ед.), который придает производным словам уменьшительно-ласкательную форму, часто с эмоционально-экспрессивной оценкой объекта номинации, например: (13) разг. ласк. *Männi* ‘муженёк’ (←*Mann* ‘мужчина, муж’), юж.-нем. разг. ласк. *Weibi* ‘женушка’ (←*Weib* ‘женщина, жена’), разг. ласк. *Vati/Vatti* ‘папочка’ (←*Vater* ‘папа’).

СМНР, образованные при помощи данного суффикса, могут также иметь пейоративную оценку, выражать негативное, презрительное или фамильярное

отношение говорящего к объекту номинации: (14) разг. фам. *Knackis* ‘старики, родители’ (← *knacken* ‘трещать хрустеть’).

В качестве мотивирующей основы чаще выступают существительные (см. (13)), реже глаголы (см. (14)).

Суффиксальная деривация может сопровождаться чередованием корневой гласной (a→ä), например: (15) разг. ласк. *Männi* ‘муженёк’ (← *Mann* ‘мужчина, муж’), усечением финальных сегментов *e* и *er* (разг. ласк. *Vati/Vatti* ‘папочка’ (← *Vater* ‘папа’), разг. ласк. *Bubi* ‘ребёнок, сынок’ (← *Bube* ‘мальчик, сын’).

Следующими по продуктивности являются суффиксы **-er** (13 ед.) и **-chen** (12 ед.).

Суффикс **-er** служит для обозначения лиц мужского пола, например: (16) разг. *Hersteller* ‘отец’ (← *herstellen* ‘производить’), разг. груб. *Scheißer* ‘ребёнок’ (← *scheißen* груб. ‘испражняться’).

Самую многочисленную группу составляют отглагольные СМНР (11 ед.) (см. (16)), низкой продуктивностью обладают отыменные суффиксальные СМНР (2 ед.), иногда с индивидуальным формальным изменением производящей основы: (17) разг. груб. *Schieter* ‘ребёнок’ (← *Schiet* груб. ‘дерьмо, испражнения, навоз’).

Суффикс **-chen** выражает субъективное отношения говорящего к человеку, объекту номинации (ласкательность, ирония, пренебрежение) [503, с. 98], ср.: (18) разг. ласк. *Muttchen* ‘мамочка’ (← *Mutter* ‘мать’), разг. *Püñktchen* ‘властная жена’ (← *Punkt* ‘точка’), (19) разг. ирон. *Schnubbelchen* ‘муж’ (← *schnübbeln* разг. ‘спотыкаться, оступаться’).

СМНР с данным суффиксом в ходе семейного и дружеского общения выполняют часто эмоционально-оценочную функцию (см. подробнее глава 3, п. 4.3):

(20) нем. разг. ласк. *Mein liebes gutes Muttchen* [551] ‘Моя дорогая любимая мамочка’;

(21) нем. разг. *Ich geh jetzt, sonst gibts wieder Ärger mit meinem Püñktchen* ‘Мне пора, а то мой пунктик (т.е. ‘жена) снова устроит скандал’;

(22) разг. ласк. *Du bist kein Häschen oder Kätzchen, und Tigerin – da ist was drin, was Böses, was du auch nicht bist* [551] ‘Ты не зайчик или котик, и не тигрица – это не про тебя, это все злое, а ты не такая’.

Мотивирующей основой выступает, как правило, имя существительное (см. (18)). Единичным случаем отмечен отглагольный СМНР с суффиксом **-chen**: (см. (19)).

Присоединение суффикса часто сопровождается чередованием корневой гласной (o→ö, u→ü, a→ä): (23) разг. ласк. *Söhnchen* ‘сыночек’ (←*Sohn* ‘сын’), разг. ласк. *Mütterchen* ‘мамочка’ (←*Mutter* ‘мать’); усечением неударных исходных *er*, *e* и *n*: (24) разг. ласк. *Muttchen* ‘мамочка’ (←*Mutter* ‘мать’); либо то и другое вместе: (25) разг. *Häschen* ‘муж’ (←*Hase* ‘заяц’).

Наименее продуктивными оказались суффиксы **-sche (-sch)** (4 ед.), **-el** (4 ед.), **-rich** (2 ед.), ср.: (26) разг. *Olsche/Ollsche* ‘жена’ (←*oll* ‘старый’), разг. *Bengel* ‘балованный ребёнок’ (←*bengeln* ‘бить, лупить, колотить’), разг. *Gatterich* ‘муж’ (←*Gatte* ‘супруг’).

Единичные СМНР образуются с помощью суффиксов **-in**, **-lein**, **-e**, **-ent**, **-ling**, например: (27) разг. перен. *Säugerin* ‘мать’ (←*säugen* ‘кормить грудью’), разг. ласк. *Mütterlein* ‘мамочка’ (←*Mutter* ‘мать’), разг. ласк. *Männe* ‘муженёк’ (←*Mann* ‘мужчина, муж’), разг. *Produzent* (букв. ‘тот, кто производит’) ‘отец’ (←*produzieren* ‘производить’), разг. *Säuglinge* ‘грудные дети’ (←*säugen* ‘кормить грудью’).

2.1.2.1.3 В русском языке суффиксация является самым продуктивным способом образования СМНР (197 ед.). У производных СМНР выявлен большой набор суффиксов: **-ин, -ик, -ус (-усь), -ен, -он, -оч, -ош, -ар, -енок (-онок), -ов, -ок, -к, -еньш, -уш, -аш (-яш), -очк, -уш (-юш), -ушек, -ыч, -чик, -енк (-еньк), -ул (-юл), -от, -ак (-як), -яв, -яш (-аш), -ил, -ан (-ян), -ичк, -ух, -овк, -ыч (-ич), -нищ, -ош, -ун (-юн), -ец, -ек, -ал, -н, -оч, -от, -ц, -ищ (-ыш)** (45 суфф.)

Наиболее продуктивным является суффикс **-ик** (45 ед.), с помощью которого образуются уменьшительно-ласкательные СМНР: (28) разг. ласк. *клопик* ‘ребёнок’ (←*клон*), сленг. *папик* ‘отец’ (←*papa*).

При добавлении к производящей основе прилагательного появляются СМНР со значением лицо по свойству или признаку, которые определяют его отношение к предмету: (29) разг. ласк. *щекастик* ‘упитанный, полный ребёнок’ (←*щекастный*), разг. ласк. *ушастик* ‘ребёнок’ (←*ушастый*).

Следующим по продуктивности является суффикс **-к** (38 ед.). Он участвует в образовании существительных:

1) женского рода с окончанием **-а (-я)**: (30) разг. ласк. *голубка* ‘жена’ (←*голубь*), разг. *конфетка* ‘жена’ (←*конфета*);

2) мужского рода с окончанием **-а (-я)**: (31) разг. *старик|аиш|ка* ‘дедушка’ (←*старый*).

Менее активно в деривации суффиксальных СМНР участвуют суффиксы **-ул (-юл)** (12 ед.), **-енок (-онок)** (11 ед.), **-енк (-еньк)** (9 ед.), **-чик** (9 ед.), **-ан (-ян)** (9 ед.), **-ек** (8 ед.), **-уш (-юш)** (7 ед.), **-ок** (7 ед.), **-аиш (-яиш)** (6 ед.), **-очк** (5 ед.), например: (32) разг. ласк. *папуля* ‘папочка’ (←*папа*); разг. *чертёнок* ‘жена/ребёнок’ (←*черт*), ласк. обращение к мужу/жене *масенька* (←*мась*), ласк. обращение к мужу/жене *попугайчик* (←*попугай*), разг. *дедан* ‘дедушка’ (←*дед*), ласк. обращение к жене *цветочек* (←*цветок*), ласк. обращение к ребёнку/жене *хохотуш|ка* (←*хохотать*), ласк. обращение к ребёнку *пирожок* (←*пирог*), ласк. обращение к мужу/жене *дурашка* (←*дурак*), ласк. обращение к жене *пиявочка* (←*пиявка*).

Суффиксы **-ак (-як)**, **-ун (-юн)**, **-ыш**, **-ус (-усь)**, **-ечк**, **-ц**, **-еныш**, **-ал**, **-ичк**, **-ен**, **-ыч (-ич)**, **-ух**, **-ош** также характеризуются низкой продуктивностью (2–4 единицы с каждым суффиксом), например: (33) ласк. обращение к мужу/жене *пузяка* (←*пузо*), разг. *грызун* ‘ребёнок’ (←*грызть*), разг. ласк. *бабуся* ‘бабушка’ (←*бабушка*), разг. *золотце* ‘жена’ (←*золото*), разг. *жабеныш* ‘жена’ (←*жаба*), ласк. *папул|ичка* ‘папочка’ (←*папа*), разг. *гулена* ‘ребёнок’ (←*гулять*), разг.-сниж. *братуха* ‘брат’ (←*брат*).

Единичные СМНР в русском языке образуются с помощью суффиксов **-ар**, **-иш**, **-он**, **-ат**, **-от**, **-оч**, **-ил**, **-ниш**, **-тус**, **-ов**, **-ячик**, **-овк**, **-ец**, например:

(34) разг. *волчара* ‘муж’ (←*волк*), разг. *львище* ‘муж’ (←*лев*), разг. *свинтус* ‘муж’ (←*свинья*), разг. ласк. *мамул|ячик* ‘мамочка’ (←*мама*); разг. *череповка* ‘мать’ (←*череп*), разг. *пеструнец* ‘ребёнок’ (←*пеструн*).

В украинском языке суффиксация также играет ведущую роль при образовании СМНР (199 ед.). В деривации суффиксальных СМНР участвует 41 суффикс, а именно: *-к, -ик (-ік), -ан (-ян), -ин (-ін), -ен, -ок, -як, -юк, -ічк (-ичк), -ят, -ун (-юн), -очк, -єш, -ець, -ючк, -уш (-юш), -ин (-ін), -с, -ій, -ил, -л, -ел (-ель), -єж, -чик, -яш (-аш), -яй, -єнц, -ниц, -ул (-уль, -юл), -ус, -ишн, -ечк, -ятк, -ух, -юр, -уг, -ей, -янк, -ник, -ейд, -вус*.

Среди украинских суффиксов наиболее продуктивными являются суффиксы *-ик (-ік)* (56 ед.) и *-к* (35 ед.). Суффикс *-ик (-ік)* является диминутивным и участвует в образовании уменьшительно-ласкательных СМНР мужского рода, например: (35) разг. ласк. *кексик* ‘ребёнок’ (←*кекс*), разг. ласк. *пупсик* ‘жена/ребёнок’ (←*пупс*).

Диминутивный суффикс *-к* присоединяется непосредственно к мотивирующей основе либо образует комбинацию из двух или более суффиксов: (36) разг. ласк. *бджілка* ‘жена’ (←*бджола* ‘пчела’), разг. ласк. *пісял|ка* ‘ребёнок’ (←*пісяти*).

Менее активно в деривации СМНР участвуют суффиксы *-ок* (12 ед.), *-ен* (11 ед.), *-л* (11 ед.), *-ятк* (10 ед.), *-ан (-ян)* (8 ед.), *-ун (-юн)* (6 ед.), *-ел (-ель)* (6 ед.), *-ух* (6 ед.), например: (37) разг. *їжачок* ‘муж’ (←*їжак* букв. ‘еж’), разг. *жабеня* ‘ребёнок’ (←*жаба*), разг. ласк. *брателятко* ‘брат’ (←*братело*), разг. *батяня* ‘отец’ (←*батя*); разг. ласк. *заюня* ‘жена’ (←*заєць*); разг. *сеструха* ‘сестра’ (←*сестра*).

Низкой продуктивностью (2-3 ед. с каждым суффиксом) характеризуются следующие суффиксы: *-юк, -ічк (-ичк), -очк, -ючк, -яш (-аш), -ечк, -ул (-уль, -юл), -уш (-юш), -ин (-ін), -вус*, ср.: (38) разг. *малюк* ‘ребёнок’ (←*малий*, разг. *нюньчичка* ‘дочь’ (←*нюньчити* ‘плакать/капризничать’), разг. *лялечка* ‘жена’ (←*ляля*), разг. *тигрюля* ‘жена’ (←*тигр*), разг. *внукевус* ‘внук’ (←*внук*).

Единичные СМНР в украинском языке образуются с помощью суффиксов *-еш*, *-ят*, *-ець*, *-с*, *-і*, *-ил*, *-еж*, *-чик*, *-яй*, *-ени*, *-ниці*, *-ус*, *-ишин*, *-юр*, *-уг*, *-ей*, *-янк*, *-ник*, *-ейд*, например: (39) разг. *батєша* ‘отец’ (←*батя*); разг. *поганець* ‘ребёнок’ (←*погань* ‘гадость/пакость’), разг. *плакса* ‘ребёнок’ (←*плакати*), разг. *женило* ‘муж’ (←*женитися*), разг. *бабенця* ‘жена’ (←*баба*), разг. *супружниця* ‘жена’ (←*супруга*), разг. *брацюра* ‘брат’ (←*брат*), разг. *лобзейка* ‘тетя’ (←*лобзати* ‘целовать’), разг. *синейд* ‘сын’ (←*син*).

2.1.2.2 Префиксальные СМНР

Префиксальный способ образования СМНР является слабо продуктивным и представлен лишь в германских языках (англ. – 4 ед.; нем. – 3 ед.).

В образовании префиксальных СМНР в английском языке участвует лишь префикс *grand-* (4 ед.). Появление префикса *grand-* датируется началом 13-го века и восходит к англо-французскому слову *graund* как перевод латинского слова *magnus* ‘большой, крупный, старый’. При добавлении префикса *grand-* к производящей основе образуются СМНР со значением прямого родства определённой степени по восходящей или нисходящей линии [392], например: (40) разг. *grandmamma* ‘бабушка’ (←*mamma* ‘мать’), разг. *grandpappu* ‘дедушка’ (←*pappu* ‘отец’).

До сих пор нет однозначного мнения по поводу статуса в немецком языке морфемы *schwieger-* (3 ед.), которая выражает признак родства через брак, а не по крови, например: (41) разг. *Schwiegerpapa* ‘свекр/тесть’ (←*Papa* ‘отец’), разг. *Schwiegermama* ‘свекровь/теща’ (←*Mama* ‘мать’), разг. *Schwiegermonster* ‘свекровь/теща’ (←*Monster* букв. ‘монстр’).

В. Флейшер относит данную морфему к конфиксам, т.е. к связанным корням, способным выступать в качестве производящей основы (*Basisfähigkeit*) или в качестве одного из компонентов сложного слова (*Kompositionsfähigkeit*) [399, с. 50]. Он подчеркивает, что «автохтонные конфиксы *stief-*, *schwieger-*, *zimper-* не являются продуктивными, а занимают маргинальное положение и представляют собой конечный пункт языкового развития» [399, с. 62].

Напротив, В. Н. Ерхов, Р. Хотценкехерле справедливо рассматривают морфему *schwieger-* как аффикс, т. к. данная морфема не употребляется как свободно функционирующее слово, а выполняет словообразовательную функцию в структуре слова и в современном языке не соотносится с отдельным словом, поэтому его следует рассматривать как аффикс [112, с. 4; 412, с. 330].

2.1.2.3 Префиксально-суффиксальные СМНР

В образовании префиксально-суффиксальных СМНР участвуют одновременно как суффикс, так и префикс. Данный способ образования СМНР является малопродуктивным во всех сопоставляемых языках (русск./укр. – по 5 ед.; англ./нем. – по 1 СМНР), ср: (42) англ. разг. *granddaddy* ‘дедушка’ (←*dad* ‘отец’); нем. разг. *Gemahlin* ‘жена’ (←*Mahl* ‘трапеза/еда; уст. судебный процесс, договор, контракт’); русск. груб. *выблядок* (←*блядовать*) ‘незаконорожденный ребёнок’, разг. *подкидыш* ‘незаконорожденный ребёнок’ (←*кидать*); укр. груб. *нагулянець* ‘незаконорожденный ребёнок’ (←*гуляти*), груб. *підстилка* (←*стелити* ‘стлать’) ‘жена, которая изменяет мужу’.

2.1.3 Полуаффиксальные СМНР

Несмотря на то, что исследованию особенностей переходных формантов посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных лингвистов [11; 13; 84; 85; 89–91; 109; 112; 153; 165; 167; 169; 193–194; 200; 202; 204; 216–217; 276; 283; 291; 302–305; 343–344; 350; 397; 399; 430; 453], проблема «полуаффиксации» до сих пор остается спорной и не до конца разрешенной.

Среди лингвистов нет единого мнения относительно объема понятия «полуаффикс», а также места переходных формантов и производных образований с ними в словообразовательной системе английского, немецкого, русского и украинского языков. Полуаффиксация находится на границе между аффиксацией и словосложением. С одной стороны, функционально-семантически она связана с аффиксацией, т. к. носит регулярный характер, формируется на основе второго компонента композита с более абстрактным значением, выполняет словообразовательную функцию. С другой стороны,

структурно-генетически она связана со словосложением, т. к. имеет формальное сходство со свободно употребляющимся корневым словом, утратившим конкретное лексическое значение.

Некоторые лингвисты подвергают сомнению наличие у полуаффиксации специфики, отличающей ее от словосложения и словопроизводства [93; 189]; другими лингвистами были предложены иные термины для обозначения данных морфем: *аффиксоиды* [28–29; 85; 94; 203; 204; 211; 356; 443], *относительно свободные (связанные) морфемы* [165], *суффигированные элементы* [93], *единицы особого статуса* [126], *субаффиксы (субсуффиксы и субпрефиксы)* [157], *полнозначные слова, выступающие в роли суффиксов, префиксов* [202].

Вслед за Е. С. Кубряковой [165], М. Д. Степановой [302], Г. Маршаном [431], М. В. Черепановым [349], В. В. Лопатиным [185–186] в настоящей работе образование СМНР при помощи переходных формантов рассматривается как самостоятельный способ словообразования и используется термин «*полуаффикс*» (словообразовательный формант для которого характерна серийность, который по форме совпадает с основой свободно употребляющегося слова, сохраняет семантические и генетические с ним связи, но выполняет функции словообразовательных средств) как более или менее устоявшийся и наиболее точно мотивированный, указывающий на неполноту аффиксальной природы и правильно отражающий промежуточное положение рассматриваемых словообразовательных элементов.

В настоящем исследовании для разграничения аффиксов и полуаффиксов и отнесения словообразовательного элемента СМНР к числу последних были использованы критерии, предложенные М. Д. Степановой: «1) безусловное формальное совпадение с основой (редко словоформой) свободно функционирующего слова; 2) этимологическая связь с данным словом, что исключает случайное совпадение по звучанию с неродственной основой; 3) большая или меньшая серийность, т. е. употребление не в одном, а в нескольких

(часто многих) словах; 4) семантическое сходство с соответствующим словом при большей или меньшей степени переосмысления» [503, с. 529].

2.1.3.1 Полупрефиксальные СМНР

К полупрефиксам существительных относятся первые компоненты, соотносимые с существительными, прилагательными и предлогами. Согласно О. В. Русаковой, «префиксы и полупрефиксы имеют общие черты: значимость и минимальность обеих морфем, выполнение ими словообразовательной функции, занимаемое препозиционное положение, наличие классификационных категорий по частотности и продуктивности» [276, с. 16]. Между ними есть и ряд отличий: «...генетическая и семантическая связь полупрефиксов с «исконными корнями, способность префиксов изменять грамматическое значение слов и выступать в роли формообразующей морфемы, неоднородная структура полупрефиксов, способность префиксов употребляться в простых и сложных словах, наличие у полупрефиксов аналогов среди словосочетаний с опорным корневым компонентом» [276, с. 16].

Полупрефиксальные СМНР представлены лишь в германских языках; в отличие от префиксов, полупрефиксы играют активную роль в образовании СМНР (англ. – 25 ед., нем. – 23 ед.).

В немецком языке в образовании СМНР участвуют 7 полупрефиксов, соотносимых с существительными (*Laus-/Lause-, Schwieger-, Gold-, Dreck-/Drecks, Bier-, Bonus-, Satans-*) и 3 полупрефикса, соотносимые с предлогами (*Vor-, Nach-, Gegen-*).

Самыми продуктивными являются полупрефиксы **Gold-** (6 ед.) и **Laus-/Lause-** (6 ед.). Полупрефикс **Gold-** придает производящим основам экспрессивно-оценочное мелиоративное значение, как правило, с шутливым оттенком [503, с. 180], например: (43) разг. шутл. **Goldkind** ‘милый/славный/очаровательный/ прелестный ребёнок’ (←*Kind* ‘ребёнок/дитя’), разг. шутл. **Goldsohn** ‘любимый/дорогой сын’ (←*Sohn* ‘сын’), разг. шутл. **Goldstück**

‘любимая дочь/избалованная девочка/дочь богатых родителей’ (←*Stück* разг. ‘золотая монета’), разг. шутил. *Goldköpfer* ‘любимые, дорогие родители’.

Полупрефикс *Laus-/Lause-* подвергает мотивирующую основу табуирующим трансформациям, придает СМНР экспрессивно-оценочное уничижительное значение (с разговорной окраской) [503, с. 273], например: (44) разг. *Lausbub/Lausebube* ‘несносный, балованный ребёнок/озорник’ (←*Bube* ‘мальчик/мальчишка’), разг. *Laus(e)bengel* ‘несносный, балованный ребёнок/озорник’ (←*Bengel* ‘мальчик, мальчишка’), разг. *Laus(e)igel* ‘несносный, балованный ребёнок/паршивец’ (←*Igel* ‘ёж’). Отметим, что данные СМНР часто имеют пейоративную окраску и используются как бранные слова.

Менее продуктивными являются полупрефиксы *Dreck-/Drecks-, Bonus-, Vor-* и *Nach-* (по 2 единицы каждый).

Полупрефикс *Dreck-/Drecks-* также участвует в образовании производных с пейоративной коннотацией; в качестве производных выступают существительные, обозначающие людей [503, с. 107], например: (45) разг. *Dreckfink* ‘неряха/грязнуля, чаще в обращении к ребёнку’ (←*Fink* ‘зяблик’), разг. *Dreckspatz* ‘неряха/грязнуля; грязный, вечно мусорящий ребёнок’ (←*Spatz* ‘воробей’).

Полупрефикс *Vor-* обозначает пространственное или временное предшествование чему-либо [503, с. 450–451], например: (46) разг. *Vorkind* ‘ребёнок одного из супругов от первого брака’ (←*Kind* ‘ребёнок/дитя’), разг. *Vormenschen* ‘родители’ (←*Menschen* ‘люди’).

Полупрефикс *Nach-*, напротив, обозначает пространственное или временное следование за чем-либо [503, с. 318–319]: (47) разг. *Nachmensch* ‘ребёнок’ (←*Mensch* ‘человек’), разг. *Nachkind* ‘ребёнок от второго брака’ (←*Kind* ‘ребёнок/дитя’).

Полупрефикс *Bonus-* имеет значение дополнительной выгоды, вознаграждения и придает производящим основам экспрессивно-оценочное мелиоративное значение, как правило, с шутивым оттенком: (48) разг. *Bonuspara*

‘тесть/свекор/отчим’ (←*Papa* ‘отец’), разг. **Bonusmama** ‘теща/свекровь/мачеха’ (←*Mama* букв. ‘мать’).

Единичные СМНР в немецком языке образуются с помощью полупрефиксов **Bier-**, **Satans-** и **Gegen-**.

Полупрефиксы **Bier-** и **Satans-** сообщают существительным экспрессивно-оценочное, уничижительное значение с разговорной окраской [503, с. 86], например: (49) разг. унич. **Bierenkelin** ‘дочь студента-первокурсника’ (←*Enkelin* ‘внучка’), разг. **Satansbraten** ‘сварливая, невыносимая жена, которая за свои деяния будет жариться в аду сатаной’ (←*Braten* ‘жарение/обжаривание/жаркое’).

Полупрефикс **Gegen-** имеет значение противоположности, противонаправленности [503, с. 173]: (50) разг. **Gegenteil** ‘муж’ (←*Teil* ‘часть’).

Полупрефиксы английского языка также представлены 4 формантами: **old-**, **bonus-**, **step-** и **after-**.

Полупрефикс **old-** является самым продуктивным (15 ед.), он придает мотивирующей основе значение фамиллярности, длительного близкого знакомства или родства: (51) разг. **old people** ‘родители’ (←*people* ‘люди’), разг. **old gram** ‘мать’ (←*gram* разг. ‘бабушка/бабуля, старушка’).

Следующими по продуктивности являются полупрефикс **step-** (5 ед.) и полупрефикс **bonus-** (4 ед.). Морфема **step-** обозначает связь между членами семьи путем повторного брака родителя, а не по крови, например: (52) разг. **stepdad** ‘отчим’ (←*dad* ‘отец’), разг. **stepmonster** ‘мачеха’ (←*monster* букв. ‘монстр’). Как и в немецком языке, формант **bonus-** придает производящим основам экспрессивно-оценочное мелиоративное значение, как правило, с шутливым оттенком и имеет значение дополнительной выгоды, вознаграждения: (53) разг. **bonuspara** ‘тесть/свекор/отчим’ (←*para* букв. ‘отец’), разг. **bonusmama** ‘теща/свекровь/мачеха’ (←*mama* ‘мать’).

Полупрефикс **after-** является малопродуктивным в английском языке, обозначает пространственное или временное следование за чем-либо, участвует в

образовании единичного СМНР: (54) сленг. *afterthought* ‘ребёнок, который родился в результате незапланированной беременности’ (←*thought* ‘мысль’).

2.1.3.2 Полусуффиксальные СМНР

К полусуффиксам существительных относятся элементы, которые имеют признаки суффикса и второго компонента композита. В немецком языке в образовании СМНР участвуют 12 полусуффиксов, формально соотносимых с существительными: *-tier*, *-geist*, *-weib*, *-lappen*, *-suse*, *-teufel*, *-mann*, *-frau*, *-hammel*, *-muffel*, *-held*, *-früulein*.

Среди них самыми продуктивными являются полусуффиксы *-mann* и *-frau* (по 4 ед. каждый).

Полусуффикс *-mann* сочетается как с существительными, так и с глаголами и обозначает [503, с. 300-301]: 1) род занятий, деятельность: (55) разг. *Hausmann* ‘муж, который занимается домашней работой’ (←*Haus* ‘дом’), разг. *Zahlemann* ‘отец, который оплачивает семейные расходы’ (←*zahlen* ‘платить, оплачивать’); 2) уменьшительность: (56) разг. ласк. *Sohnemann* ‘сын/сынишка’ (←*Sohn* ‘сын’).

Полусуффикс *-frau* служит для обозначения лиц женского пола по роду занятий [503, с. 164], например: (57) разг. *Dienstfrau* ‘жена, которая посвящает всю себя домашней работе и кухне, и у которой нет времени на свою семью’ (←*Dienst* ‘служба, должность, обязанности’/*dienen* ‘служить, находиться на службе’), разг. *Gebärfrau* ‘мать’ (←*gebären* ‘рожать’).

Менее активно в деривации полусуффиксальных СМНР участвует полусуффикс *-weib* (3 ед.). Присоединяясь к глаголам и существительным, он придает значение лица женского пола, обладающего отрицательными качествами [503, с. 456]: (58) разг. *Keppelweib* ‘сварливая баба/жена’ (←*keppeln* ‘бранить, ругать’), разг. *Teufelsweib* ‘чертовка, ведьма, сварливая баба/жена’ (←*Teufel* ‘черт’).

Малопродуктивным являются полусуффиксы *-geist*, *-suse*, и *-hammel* (по 2 ед. каждый). Они несут в себе значение "лицо с отрицательными чертами характера"; мотивирующими основами могут выступать глаголы и существительные. Образованные с их помощью производные имеют негативную коннотацию [503 с. 178,

269, 404]. Например: (59) разг. *Quälgeister* ‘родители’ (←*quälen* ‘мучить, терзать’), разг. *Poltergeist* ‘шумливый человек/ребёнок, крикун, горлан’ (←*poltern* ‘громыхать, шуметь, стучать’), разг. *Tränensuse* ‘плаксивый ребёнок/плакса’ (←*Träne* ‘слеза’), груб. *Blödhammel* обращение к мужу ‘идиот, кретин’ (←*blöd* ‘слабоумный, тупоумный, тупой, глупый’).

Единичные СМНР в немецком языке образуются с помощью полусуффиксов **-tier**, **-muffel**, **-held**, **-fräulein**, **-lappen**.

Полусуффикс **-tier** присоединяется к адъективной мотивирующей основе, служит для обозначения лица, характеризующегося качествами и свойствами, обозначенными производящей основой с разговорной окраской [503, с. 410]: (60) разг. *Jungtier* ‘ребёнок’ (←*jung* ‘молодой’).

Полусуффикс **-muffel** служит для обозначения лица, безразлично или презрительно относящегося к чему-либо [503, с. 406]: (61) разг. *Ehemuffel* ‘молчаливый/нелюбезный муж’ (←*Ehe* ‘брак’).

Полусуффиксы **-held** и **-lappen** используются для обозначения лиц с отрицательными склонностями, качествами (часто с разговорной окраской и с пренебрежительным оттенком) [503, с. 200, 269]: (62) разг. пренебр. *Pantoffelheld* ‘муж, находящийся под башмаком у своей жены’ (←*Pantoffel* букв. ‘домашняя туфля’), разг. презр. *Waschlappen* ‘муж, находящийся под башмаком у своей жены; безвольный человек/тряпка’ (←*waschen* ‘мыть, стирать’).

Полусуффикс **-fräulein** служит для обозначения лиц женского пола по роду занятий [503, с. 164]: (63) разг. *Ehefräulein* ‘жена’ (←*Ehe* ‘брак’).

В деривации английских СМНР участвуют 6 полусуффиксов, соотносимых с существительными: **-man**, **-woman**, **-lady**, **-boy**, **-girl**, **-fellow**.

Самым продуктивным является полусуффикс **-man** (5 ед.). Он служит для обозначения лиц мужского пола, обладающих определенными свойствами, качествами при мотивирующих основах существительных и прилагательных, коррелирует с суффиксами **-er**, **-ist**: (64) разг. *old man* ‘отец’ (←*old* ‘старый’), разг. *auntie man* ‘муж, находящийся под каблуком у своей жены’ (←*auntie* ‘тетушка’).

Следующими по продуктивности являются полусуффиксы *-woman* (4 ед.), *-lady* (3 ед.) и *-girl* (2 ед.). Данные форманты служат для обозначения лиц женского пола, обладающих определенными свойствами, качествами производных основ: (65) разг. *boss-woman*/разг. *boss-lady* ‘властная жена’ (←*boss* ‘босс, начальник’), разг. *old girl* ‘мать’ (←*old* ‘старый’).

Полупрефиксы *-boy* и *-fellow/-fella* участвуют в образовании лиц мужского пола и представлены единичными примерами: (66) разг. *old boy* ‘отец’ (←*old* ‘старый’), разг. *old fellow/oul fella* ‘отец’ (←*old* ‘старый’).

2.1.4 СМНР-компози́ты

Словосложение в современных славянских и германских языках имеет давнюю историю изучения, обусловленную большой продуктивностью композитообразования, особенно в сфере детерминативных субстантивных композитов. Изучению особенностей словосложения посвящено значительное количество работ [127; 177–178; 201; 303; 305; 376; 384; 386; 398; 399; 433]. Исследование коллоквиального аспекта словосложения СМНР опирается на работы по проблемам разговорного словообразования в русском [93; 122; 124; 230; 310], немецком [98–99; 101; 154; 193–194; 230; 388; 376], английском [15; 35; 202; 203; 291; 335; 342; 389; 393; 430] и украинском языках [139–141; 271; 297].

В данном исследовании под композитом (сложным словом) понимается производное слово, образованное в результате словосложения, производящая база которого представлена двумя или более корнями (основами), находящимися между собой в определенных структурно-семантических отношениях, сходных отношениям словосочетаний и предложений. Таким образом, словосложение занимает промежуточное положение между морфологическим и синтаксическим способами словообразования и его не всегда можно четко разграничить со словосочетанием. В этой связи лингвистами разработаны критерии, которые используются для разграничения композитов и словосочетаний, а именно:

1. **Орфографический критерий**, согласно которому сложные слова имеют несколько графических вариантов написания слова (слитное и дефисное написание), в то время как для словосочетаний характерно только раздельное написание [201, с. 68]. Данный критерий применим в немецком, русском и украинском языках, которые являются языками флективного строя, и для СМНР-композигов которых характерно слитное и дефисное написание: (67) нем. разг. *Problem-Eltern* ‘трудные родители’, разг. *Kronprinz* ‘старший сын’; русск. разг. *благоверный* ‘муж’, разг. *круть-верть* ‘ребёнок’; укр. разг. вульг. ирон. *бик-заплідник* (букв. ‘бык-осеменитель’) ‘мужчина, от которого жена может быстро забеременеть’. Орфография не является критерием в английском языке, который является языком аналитического строя, и в котором композиты могут иметь три варианта написания: слитное, раздельное и через дефис: (68) англ. сленг. *stinkpot* ‘маленький ребёнок/младенец’, сленг. *trophy wife* ‘трофейная жена’, сленг. *grass-widower* ‘соломенный вдовец’.

Добавим, что у некоторых английских и немецких СМНР-композигов возможна вариантивная орфография: слитная, раздельная и через дефис, ср.: (69) нем. разг. *Sandwichkind/Sandwich-Kind* (букв. ‘ребёнок-сэндвич’) ‘средний ребёнок в семье’; англ. сленг. *pinch-wife/pinch wife* ‘ревнивый муж, который живет в страхе стать рогоносцем, считает, что он владеет своей женой, из-за чего становится жестоким и злым’.

2. **Морфологический критерий** – грамматическая цельнооформленность композита, т.е. композит, в отличие от словосочетания, изменяется как единое целое, для которого характерно отсутствие изменяемости у первого компонента [291, с. 33], например: (70) англ. разг. *fake dad* ‘отчим’ и *fake dads* ‘отчимы’; нем. разг. *Sonntagsvater* ‘воскресный отец’ и *Sonntagsväter* ‘воскресные отцы’; русск. разг. *благоверный* ‘муж’ и *благоверные* ‘мужья’; укр. разг. *кіндер-сюрприз* ‘незапланированный ребёнок’ и *кіндер-сюрпризи* ‘незапланированные дети’. Отметим, что данный критерий, позволяющий однозначно разграничивать сложные слова и словосочетания в немецком, русском и

украинском языках, практически не действует в английском языке, для которого характерно небольшое количество морфологических средств [14, с. 114].

3. Фонетический критерий. В отличие от словосочетания, для которого характерно двойное ударение (˘), сложное слово имеет одно главное ударение, как правило, на первом компоненте. Фонетический критерий является надежным в немецком, русском и украинском языках, ср.: (71) русск. разг. *˘круть-верть* ‘ребёнок’; укр. разг. *˘бобасік-колбасік* ‘ребёнок’; нем. разг. *˘Ehetrottel*) [430, с. 23], в отличие от английских сложных слов, в которых ударение может быть лексически или семантически обусловленным, что не исключает наличие нескольких орфоэпических вариантов: (72) англ. сленг. *˘rug ˘rat* ‘не умеющий ходить, ползающий по ковру маленький ребёнок’ (ударны оба компонента композита), сленг. *a˘larm ˘clock* ‘невыносимая, сварливая жена’ (ударение на первом компоненте) [377, с. 104–112].

4. Синтаксический критерий, предполагающий определенную сочетаемость, фиксированный порядок компонентов сложного слова, изменение которого приводит к изменению значения всего композита [514, с. 469]. Однако не все исследователи признают данный критерий, т.к. он не позволяет провести четкую грань между сложным словом и идиомой, обладающей схожими синтаксическими свойствами [14, с. 115].

5. Семантический критерий, согласно которому композит выражает единое понятие, т.е. не равен сумме значений его составляющих в их самостоятельном употреблении [514, с. 469]. Данный критерий, особенно в английском языке, не позволяет также четко разграничить сложное слово и словосочетание, идиому, которые также состоят из нескольких компонентов и выражают цельное понятие [14, с. 114].

Итак, анализ различных критериев и подходов к идентификации раздельнооформленных сложных комплексов композитов позволяет заключить, что при разграничении сложных слов и словосочетаний следует учитывать не один критерий, а их комбинацию, а также принимать во внимание

лексикографические пометы, указывающие частеречную принадлежность подобных образований.

Добавим, что в английском языке зафиксированы СМНР, которые в лексикографических источниках имеют две пометы – существительное и словосочетание, ср.: (73) англ. разг. *latchkey child* n; phr ‘безнадзорный ребёнок, которому родители, занятые на производстве, оставляют ключи от квартиры’. Возможно, данные сочетания располагаются на границе сложного слова и словосочетания. т.е. находятся на стадии перехода из словосочетания в сложное слово, и ни один из критериев не является в полной мере удовлетворительным для однозначной идентификации подобных языковых единиц.

Производство СМНР путем словосложения является самым продуктивным в германских языках (англ. – 152 ед.; нем. – 149 ед.), напротив, низкопродуктивным в славянских языках (русск./укр. – по 3 ед.).

В зависимости от способа соединения компонентов сложных слов СМНР-композицы распадаются на:

1) *полносложные* (без соединительного элемента), ср.: (74) англ. сленг. *new arrival* (букв. ‘новоприбывший’) ‘новорожденный ребёнок’; нем. разг. *Haus/drache* (букв. ‘домашний дракон’) ‘сварливая жена’; русск. разг. *благо/верный* ‘муж’;

2) *неполносложные* (с соединительным элементом). В роли соединительного элемента выступают: а) *(e)n:* (75) нем. разг. *Familie/n/managerin* ‘мать’; б) *s:* (76) нем. *Sonntag/s/vater* ‘отец, который проводит свое время с семьей только по воскресеньям’; в) *дефис:* см. (67), (68), (69) и (70).

По количеству компонентов в структуре сложного слова композицы подразделяются на двухкомпонентные и многокомпонентные [154, с. 10]. К двухкомпонентным композицам относятся те, в структуру которых входят две непосредственно составляющих, независимо от того, являются ли эти составляющие простыми или сложными словами по своей структуре, например: (77) англ. разг. *doorstep child* ‘незаконнорожденный ребёнок’; нем. разг.

Ehehälfte ‘жена’. Композит считается многокомпонентным, если он мотивирован одновременно тремя и более производящими основами, ср.: (78) англ. рифм. сленг *hot cross bun* ‘сын’; нем. разг. груб. *Sahne-Butter-Hupfdohle* ‘толстый ребёнок’.

В славянских языках СМНР-компози́ты представлены лишь двухкомпонентными образованиями (см. (79), (88)), а в германских языках – двух (см. (79-87)) и трехкомпонентными (см. (89-91)). Отметим, что по своей продуктивности трехкомпонентные СМНР-компози́ты (англ. – 8 ед., нем. – 3 ед.) значительно уступают двухкомпонентным (англ. – 144 ед., нем. – 146 ед.).

Во всех сопоставляемых языках двухкомпонентные СМНР-компози́ты представлены разными структурными моделями с различной частеречной принадлежностью их непосредственных составляющих.

Так, для всех исследуемых языков общей является бисубстантивная модель **N + N** (нем. – 116 ед.; англ. – 83 ед.; укр. – 3 ед.; русск. – 2 ед.), ср.: (79) англ. сленг. *field rabbit* (‘полевой кролик’) ‘незаконнорожденный ребёнок’; нем. разг. *Ehe/knochen* (букв. ‘брачная кость’) ‘муж, которому изменяет жена’, русск. разг. шутл. *мама-папа* ‘родители’; укр. *бик-заплідник* ‘мужчина, от которого жена может быстро забеременеть’.

Кроме того, в германских языках общими являются следующие категориальные типы двухкомпонентных СМНР-компози́тов: 1) **Adj + N** (англ. – 41 ед.; нем. – 8 ед.) ср.: (82) англ. сленг. *lawful blanket* (букв. ‘законное шерстяное одеяло’) ‘жена’; нем. разг. *Grün/schnabel* (букв. ‘зеленый нос’) ‘ребёнок’; 2) **V + N** (нем. – 19 ед.; англ. – 10 ед.), ср.: (81) англ. сленг. *catch colt* (букв. ‘ловить + жеребёнок’) ‘незаконнорожденный ребёнок’; нем. разг. *Gebär/maschine* (букв. ‘рожать+машина’) ‘многодетная мать’; 3) **Pron + N** (нем. – 2 ед.; англ. – 1 СМНР), ср.: (80) англ. разг. *other half* (букв. ‘другая половина’) ‘жена’; нем. разг. *Sie/mann* (букв. ‘она + мужчина’) ‘муж, которому изменяет жена’;

Только в английском языке обнаружены двухкомпонентные СМНР-компози́ты, которые построены по следующим категориальным моделям: 1) **Ger +**

N (7 ед.): (83) сленг. *linging vine* (букв. ‘цепкая виноградная лоза’) ‘зависящая от своего мужа жена’; 2) **Num + N** (1 ед.): (84) сленг. *first sergeant* (букв. ‘первый сержант’) ‘жена’; 3) **P II + N** (1 ед.): (85) *crooked rib* (букв. ‘перекошенное ребро’) ‘жена’; 4) **Pron + Adv** (1 ед.): (86) сленг. *her indoors* ‘жена-доминант’.

Отметим, что уникальными моделями двухкомпонентных СМНР-композигов (по одному примеру в каждом из языков) в немецком является модель **Neg Part + N** ((87): нем. разг. *Nicht/nichte* (букв. ‘не + племянница’) ‘племянник’), в русском языке – **N + Adj** ((88) русск. разг. *благо|верный* ‘муж’).

Трехкомпонентные СМНР-композигов обнаружены только в германских языках; общей моделью является модель **N + N + N** (нем. – 3 ед.; англ. – 2 СМНР), ср.: (89) англ. рифм. сленг. *fence-corner child* (‘ребёнок в углу забора’) ‘незаконнорожденный ребёнок’; нем. разг. *Hip-Hop-Produzent* (букв. ‘хип + хоп + производитель’) ‘отец, который воспитывает своего ребёнка в духе гангста-рэпера’.

Добавим, что только в английском языке отмечены следующие модели трехкомпонентных СМНР-композигов: 1) **Adj + N + N** (3 ед.): (90) англ. рифм. сленг *old grabem pudden* (букв. ‘старый + гравий + крапец’) ‘мать’; 2) **Adj + Adj + N** (2 ед.): (91) англ. рифм. сленг *hot cross bun* (букв. ‘горячая поперечная сдобная булочка’) ‘сын’.

С точки зрения семантико-синтаксической связи между структурными компонентами сложных слов выделяют:

1) *детерминативные СМНР-композигов* (имеют бинарную структуру, компоненты которых связаны подчинительной связью, т.е. первый компонент является определительным (А), который конкретизирует, уточняет второй компонент – определяемый (базовый) (В)). Данный тип композитивных СМНР представлен только в английском, немецком и русском языках, ср.: (92) англ. сленг. *gilt(A)-(B)horn* (букв. ‘позолоченный рог’) ‘самодовольный муж-рогоносец, которому платят за пользование женой’; нем. разг. *(A)Raben(B)eltern* (букв. ‘родители-вороны’) ‘беззаботные родители, бросающие своих детей’; русск. разг. *благ(A)о(B)верный* ‘муж’;

2) *копулятивные СМНР-компози́ты* (состоят из двух грамматически равноценных компонентов, связанных между собой соединительной связью, принадлежащих к одной и той же части речи, в равной степени определяющие лексическое значение всего композита). Данный тип композитов представлен лишь в славянских языках (см. (71)).

Отличительной чертой разговорных СМНР-компози́тов является то, что их образование в большинстве случаев сопровождается одновременно семантической деривацией – метафорическим или метонимическим переносом. Метафоризированные и метонимизированные композиты относятся к экзоцентрическим образованиям, значение которых невозможно вывести из значения их компонентов, необычная сочетаемость которых обуславливает образность и экспрессивность всего композита. Отметим, что СМНР-компози́ты встречаются как с полным ((93) англ. сленг. *holy terror* ‘очень непослушный ребёнок’; нем. перен. разг. *Bißgure/Bissgure/Bischgurre* ‘злобная баба/сварливая жена’), так и с частичным переосмыслением его составляющих ((94) англ. сленг. *savior sibling* <ребёнок, зачатый с целью предоставления органа или клеток, способных вылечить старшего брата или сестру от смертельной болезни>; нем. разг. *Massenvater* ‘многодетный отец’).

2.1.5 СМНР-сращения

Отдельную подгруппу среди композитов составляют СМНР, образованные при одновременном участии двух способов: словосложении и аффиксации.

Среди дериватологов есть как сторонники, так и противники выделения данных сложных слов в отдельный способ словообразования. Так, М. Д. Степанова [305, с. 217], И. Барц [376], В. Флейшер [399, с. 47], Г. Пауль [435, с. 88], Л. Ортнер [433] именуют такие образования «сращениями (*Zusammenbildungen*)», Г. Маршан «синтетическими сложными словами (*synthetic compounds*)» [430, с. 15–19], И. В. Арнольд [14] и С. С. Хидекель «сложнопроизводными словами (*derivational compounds*)» [335, с. 259], В. Дресслер «субстантивированными словосочетаниями (*nominalizations of verb*

phrases)» [389, с. 35–36]. Противниками такого подхода являются Л. Блумфилд [46], З. Харрис [408], которые не проводят строгого разграничения между сложными и сложнопроизводными образованиями и относят их к композитам.

В настоящей работе сращение рассматривается как усложненный способ словообразования, характеризующийся одновременным словосложением и суффиксацией, иными словами, новое слово (сращение) образуется с помощью аффиксации или субстантивации на базе целого (разложимого или неразложимого) словосочетания [305, с. 192]. СМНР, полученные в результате данного способа словообразования, рассматриваются отдельной подгруппой и являются малопродуктивным во всех сопоставляемых языках (русск. – 16 ед.; укр. – 10 ед.; англ. – 9 ед.; нем. – 5 ед.).

Как в германских, так и в славянских языках отмечены СМНР, которые мотивируются глагольно-субстантивными словосочетаниями, ср.: (95) англ. сленг. груб. *ball-cutter* ‘жена-доминант’ (←*to cut somebody's balls* груб. ‘отрезать кому-то яйца’); нем. разг. *Brötchengeber* ‘отец’ (←*Brot geben* разг. ‘кормить’); русск. разг. *стиногрыз* ‘ребёнок’ (←*грызть спину*); укр. разг. груб. *поблядушка* ‘неверная жена’ (←*ходити по блядям/блядувати* разг. ‘совершать супружескую измену’).

В русском и украинском языках отмечены СМНР, мотивированные сочетанием существительного с прилагательным, ср.: (96) русск. разг. *голопопик* (←*голая попа*)/укр. разг. *голопопик* ‘ребёнок’ (←*гола попа*).

В русском языке СМНР мотивируются также сочетанием существительного с предлогами, ср.: (97) русск. разг. *внепапочный* (←*вне папы*) ‘внебрачный ребёнок’.

Помимо отмеченных выше сращений к немецким производным СМНР относятся существительные со вторым компонентом *-macher* (2 ед.) [503, с. 295]: (98) разг. *Büchsenmacher/Taschenmacher* (←*Büchsen/Taschen machen* разг. ‘делать девочек’) ‘отец, у которого много дочерей, но нет сыновей’.

Отметим, что СМНР-сращения в германских и славянских языках обладают оценочной характеристикой и носят в основном ироничный оттенок.

2.1.6 СМНР-словосочетания

Изучение словосочетаний как синтаксических единиц языка способствовало пониманию связи между синтаксисом и номинацией. Несмотря на то, что способность синтаксических единиц употребляться в номинативной функции подобно слову отмечают многие лингвисты, не все исследователи признают способность данных образований одновременно выражать синтаксические отношения и быть способом номинации.

Фразообразование как один из способ вторичной номинации выделяется в работах зарубежных [376, с. 25; 399, с. 47] и отечественных исследователей [77 с. 211; с. 123; 352, с. 77; 195]. Синтаксическая номинация рассматривается обычно в сфере терминообразования [114; 200; 207]. Однако, существуют исследования, в которых словосочетания изучаются в рамках коллоквиального словообразования [74; 191].

Среди СМНР сопоставляемых языков словосочетания образуют значительный пласт (англ. – 43 ед.; русск. – 29 ед.; укр. – 24 ед.; нем. – 18 ед.).

В данном исследовании под СМНР-словосочетанием (ср. другие термины «несамостоятельное грамматическое единство», «непредикативная синтагма», «синтагма», «словесная группа», «сочетание», «*word-combination*», «*word-group*», «*collocation*», «*Wortgruppe*», «*Wortverbindung*») понимается «соединение двух или более знаменательных слов (вместе с относящимися к ним служебными словами или без них), служащее для выражения единого, но расчлененного понятия или представления» [460, с. 426].

Исходя из количества структурных компонентов среди производных со структурой словосочетания выделяют простые и сложные словосочетания. К *простым* относят словосочетания, в состав которых входят два структурных компонента, а к *сложным* – словосочетания, которые имеют в своем составе три и более компонента. В английском языке СМНР-словосочетания представлены двух-, трех- и четырехкомпонентными словосочетаниями, в немецком, русском и украинском – двух- и трехкомпонентными словосочетаниями.

Двухкомпонентные СМНР-словосочетания построены в германских и славянских языках по моделям подчинительной связи своих компонентов; общей для всех языков является модель **Pron + N** (русск. – 14 ед., укр. – 8 ед., нем. – 4 ед., англ. – 1 СМНР), которая часто употребляется в общении и выступает в функции обращений, ср.: (99) англ. разг. *our kid* ‘младший брат/сестра’; нем. разг. *mein Chef* ‘обращение к жене’; русск. разг. *мое золотице* ‘обращение к мужу/жене/ребёнку’; аналогично: укр. разг. *мій скарб*.

Немецкие, русские и украинские СМНР-словосочетания образуются также по модели **Adj + N** (нем. – 11 ед., русск. – 4 ед.; укр. – 3 ед.), ср.: (100) нем. разг. *die bessere Hälfte* ‘жена’; русск. разг. *пушистая крокозябра* ‘жена’; укр. разг. *мамине диво* ‘ребёнок’.

Для славянских языков общими являются следующие модели СМНР: 1) **Pron + Adj** (укр. – 8 ед., русск. – 4 ед.), ср.: (101) русск. разг. *мой/моя милая/ий* ‘обращение к мужу/жене’; укр. разг. *мій/моя люба/ий* ‘обращение к мужу/жене’; 2) **N + Adj** (русск. – 4 ед., укр. – 1 СМНР), ср.: (102) укр. сленг. *батарéї гарячі* ‘родители’; русск. разг. *скатик электрический* ‘обращение к мужу’.

Выявлены также структурные типы СМНР-словосочетаний, отмеченные лишь в одном из сопоставляемых языков. Так, в английском языке обнаружены СМНР-словосочетания типа **N + N** (англ. – 3 ед.): (103) англ. разг. *tata's boss* ‘отец’.

Лишь в немецком языке выявлены СМНР, образованные по моделям: 1) **Neg Part + N** (1 СМНР): (104) нем. разг. *nicht die Mama* ‘отец’; 2) **P II + N** (1 СМНР): (105) нем. разг. *ausgekochtes Schlitzohr* ‘ребёнок’.

Добавим, что модель двухкомпонентных СМНР-словосочетаний **Adv + Adj** выявлена только в украинском языке и представлена единичным примером: (106) разг., ирон. *десь там зроблений* ‘незаконнорожденный ребёнок’.

Общей моделью трехкомпонентных словосочетаний для английских, немецких, русских и украинских СМНР-словосочетаний является модель **N + Prep + N** (англ. – 13 ед.; укр. – 3 ед. нем./русск. – 1 СМНР): (107) англ. сленг. *colt over the fence* ‘незаконнорожденный ребёнок’; нем. разг. *Regierung zu Haus*

‘родители’; русск. разг. *шло в попе* ‘ребёнок’; укр. разг. неув. ирон. *баба з яйцями* ‘властная жена’.

В английском языке трехкомпонентные СМНР-словосочетания представляют собой рифмованные сленгизмы, которые строятся по следующим моделям: 1) **N + Conj + N** (9 ед.): (108) рифм. сленг *finger and thumb* (букв. ‘палец и большой палец’) ‘мать’, рифм. сленг *soap and water* (букв. ‘мыло и вода’) ‘дочь’; 2) **N + Conj + V** (2 ед.): (109) рифм. сленг *strangle and smother* (букв. ‘удушить и душить’) ‘мать’, рифм. сленг *slide and slither* (букв. ‘скольжение и скользить’) ‘муж’; 3) **N + Conj + Num** (2 ед.): (110) рифм. сленг *drum and fife* (букв. ‘барабан и пять’) ‘жена’, риф. сленг *pie and one* (букв. ‘пирог и один’) ‘сын’; 4) **N + Prep + Num** (1 СМНР): (111) рифм. сленг *duchess of fife* (букв. ‘герцогиня пяти’) ‘жена’; 5) **N + V + Pron** (1 СМНР): (112) рифм. сленг *god love her* (букв. ‘Бог любит её’) ‘жена’; 6) **V + Adj + N** (1 ед.): (113) рифм. сленг *chip off the old block* (букв. ‘отламывать старую колоду’) ‘жена’; 7) **N + Adj + N** (1 СМНР): (114) сленг. *mommy's mini boss* (букв. ‘мамин мини босс’) ‘ребёнок, сын’; 8) **Num + Conj + N** (1 СМНР): (115) рифм. сленг *one and t'other* (букв. ‘один и другой’) ‘мать’; 9) **Adj + N + N** (1 СМНР): (116) рифм. сленг *old strike-a-light* (букв. ‘старый + удар + свет’) ‘отец’; 10) **V + Neg Part + V** (1 СМНР): (117) рифм. сленг *didn't oughter* (букв. ‘не должен’) ‘дочь’; 11) **Adj + Conj + Adj** (1 СМНР): (118) рифм. сленг *old and bitter* (букв. ‘старый и горький’) ‘свекровь/теща’.

Единичные русские трехкомпонентные СМНР-словосочетания строятся по моделям: 1) **Pron + Adj + N** (1 СМНР): (119) разг. *мое теплое солнышко* ‘муж/жена’; 2) **Adj + Pron + N** (1 СМНР): (120) разг. *золотое мое солнышко* ‘муж/жена’.

Трехкомпонентные СМНР-словосочетания в немецком, русском и украинском языках построены по моделям подчинительной связи своих компонентов. СМНР-словосочетания с сочинительной связью выявлены лишь в английском языке (20 ед.), однако доминируют СМНР-словосочетания, построенные по моделям подчинительной связи (23 ед.).

Четырехкомпонентные СМНР-словосочетания представлены лишь в германских языках:

1) **N + Prep + Pron + N** (2 ед.): (122) англ. рифм. сленг *joy of my life* (букв. ‘радость моей жизни’) ‘жена’, рифм. сленг *light of my life* (букв. ‘свет моей жизни’) ‘жена’; 2) **Adj + N + Prep + N** (1 СМНР): (121) нем. разг. *die beste Kuh im Stall* (букв. ‘лучшая корова в хлеву’) ‘самая успешная дочь в семье’; 3) **Adj + N + V + Prep** (1 СМНР): (123) англ. рифм. сленг *black man kissed her* (букв. ‘черный человек поцеловал ее’) ‘сестра’; 4) **N + N + Prep + N** (1 СМНР): (124) англ. рифм. сленг *half ounce of baccy* (букв. ‘пол унции табака’) ‘ребёнок’.

2.1.7 СМНР-сокращения

Сокращение простых и сложных слов посредством усечения их компонентов или отдельных сегментов является характерным явлением для нестандартной (субстандартной) лексики.

Как словообразовательное явление, аббревиация известна давно и достаточно подробно описана в лингвистической литературе [51; 167; 272; 286; 302; 304; 399; 411; 417; 449].

Вслед за В. В. Лопатиным [185–186], А. Штейхауер [449] и Н. А. Антроповой [6], в настоящей работе сокращение (или аббревиатура) понимается как продукт аббревиации, способ словообразования, заключающийся в сокращении материальной оболочки и приводящей к образованию сокращенного структурного варианта исходной номинативной единицы (слова или словосочетания).

Анализ СМНР-аббревиатур в германских и славянских языках позволил выделить следующие типы сокращений:

1) *слоговые СМНР*, образованные в результате усечения материальной оболочки слова;

2) *инициальные СМНР*, образованные из начальных букв/звуков слова или словосочетания;

3) *контаминционные СМНР*, которые являются результатом объединения двух мотивирующих слов в рамках одной производной единицы.

Во всех сопоставляемых языках подавляющее большинство сокращений являются слоговыми (усеченными) СМНР (англ. – 40 ед.; русск. – 15 ед.; укр./нем. – по 8 ед.). В зависимости от того, какой сегмент отсекается от производящего слова, слоговые СМНР подразделяются на следующие подтипы: 1) *анкопа* (усечение в конце слова); 2) *синкопа* (усечение в середине слова); 3) *аффераза* (усечение в начале слова); 4) *стяжения* (усечения, в которых сохраняются слоги из начальных и конечных частей исходного слова).

2.1.7.1 Анкопа является наиболее многочисленным типом слоговых СМНР в германских (англ. – 29 ед.; нем. – 6 ед.) и славянских языках (русск. – 13 ед.; укр. – 7 ед.), ср.: (125) англ. сленг. *bro* ‘брат’ (←*bro[ther]*); нем. разг. *Mut* ‘мать’ (←*Mu[tter]*); русск. разг. *ба* ‘бабушка’ (←*ба[бушка]*); укр. разг. *ба* ‘бабушка’ (←*ба[буся]*).

Добавим, что в сопоставляемых субстандартных языках для номинации матери и отца используются сходные слоговые СМНР с сокращением финальной части производящего слова, ср.: (126) англ. сленг. *ma* ‘мать’ (←*ma[ma]* ‘мать’), сленг. *pa* ‘отец’ (←*pa[pa]*); нем. разг. *Ma* ‘мать’ (←*Ma[ma]* ‘мать’), разг. *Pa* ‘отец’ (←*Pa[pa]*); русск. разг. *ма* ‘мать’ (←*ма[ма]*), разг. *па* ‘отец’ (←*па[па]*); укр. разг. *ма* ‘мать’ (←*ма[ма]*), разг. *па* ‘отец’ (←*па[па]*).

2.1.7.2 СМНР с сокращением начальной части производящего слова являются малопродуктивным типом во всех сопоставляемых языках (англ. – 5 ед.; нем./русск./ укр. – по 1 СМНР), ср.: (127) англ. сленг. *rents* ‘родители’ (←*[pa]rents*); *timer* ‘отец’ (←*[old-]timer*); нем. разг. *Blag* ‘балованный ребёнок’ (←*[Wechsel]balg*); русск. разг. *доки* ‘родители’ (←*[po]даки*), укр. разг. *доки* ‘родители’ (←*[po]даки*).

2.1.7.3 Лишь в английском языке (6 ед.), немецком (1 СМНР) и русском (1 СМНР) языках представлены усеченные СМНР с сокращением в середине слова, ср.: (128) англ. сленг. *relies* ‘родители’ (←*rel[at]i[v]es*), сленг. *granfer*

‘дедушка’ (←*gran[d]f[ath]er*); нем. разг. *Schwie.mu* ‘свекровь / теща’ (←*Schwie[ger]mu[tter]*); русск. жарг. *маха* ‘мать’ (←*ма[му]ха*).

2.1.7.4 СМНР, образованные в результате стяжения, обнаружены лишь в немецком языке (2 ед.): (129) разг. *Oma/Omma/Otama* ‘бабушка’ (←*Goßtama*), разг. *Opa/Oppe/Opapa/Oppe* ‘дедушка’ (←*Großpapa*).

Инициальные аббревиатуры (акронимы) представлены лишь в английском (12 ед.) и немецком (2 ед.) языках, ср.: (130) англ. сленг. *хут* ‘муж’ (←*ex young man* ‘бывший молодой мужчина’), сленг. *o.g.* ‘мать’ (←*old girl* ‘старая девочка’); нем. руг. *AE* ‘отец’ (←*Arschloch-Erzeuger* руг. ‘тот, кто воспитывает скотину/придурка/сволочь’), разг. *S.M.* ‘свекровь/теща’ (←*Schwiegermutter* ‘свекровь/теща’).

В английском языке инициальные аббревиатуры представлены двух-, трех- и четырехкомпонентными акронимами: (131) англ. сленг. *o.m./om* (←*old man*) ‘отец’, сленг. *MILF/milf* (←*mother I'd like to fuck*) груб. ‘сексуально привлекательная мать’. В немецком языке выявлены исключительно двухкомпонентные аббревиатуры (см. (130)).

Что касается разновидности инициальной аббревиации, то к этому типу в английском языке можно отнести частично сокращенные инициальные сокращения, первый элемент которых представлен одной буквой аббревиации, часто произносимой как буква алфавита: (132) англ. сленг. *old D* ‘мать’ (←*old dame*), сленг. ирон. *T-Jones* ‘мать’, сленг. *T-grams* ‘бабушка’.

Разновидностью аббревиатур является контаминация (амальгамация, междусловное наложение/совмещение, телескопия). В лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой дается следующее определение контаминации: «Контаминация (от лат. *contaminatio* – соприкосновение, смешение) – объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости. В результате происходит «обмен» компонентами таких единиц» [514, с. 238]. Согласно

Л. А. Митрофановой: «принципиальное отличие контаминации от других словообразовательных процессов заключается в создании номинативной единицы – результата двустороннего деривационного процесса сложения и усечения любой из исходных единиц (часть слова-слитка)» [207, с. 99], т.е. контаминация является комбинаторным словообразовательным типом, результатом одновременного сложения и усечения производного слова. В разговорном языке контаминация используется для создания комического, иронического или шуточного эффекта.

СМНР, образованные путем контаминации, малопродуктивны и обнаружены в немецком (3 ед.), русском (2 ед.) и украинском (2 ед.) языках и являются одними из самых малочисленных, ср.: (133) нем. разг. *Momager* ‘мать, которая занимается продвижением карьеры своего ребёнка’ (←*Mama* + [*Mama*]*ger*); разг. *Mamandant* ‘мать’ (←*Mama* + [*Komma*]*dant*); *Mamma* ‘родители’ (←*Mam[a]* + *Pa[pa]*); русск. перен. разг. *батон* ‘отец’ (←*ба[тя]* + [*ба*]*тон*) [465, с. 60], русск. перен. разг. *ботинок*/укр. перен. разг. *ботінок* ‘отец’ (←*ба[тя]* + [*боти*]*нок*/ [*боті*]*нок*) [465, с. 80]; укр. сленг. шутол. *коркодитель* ‘родитель’ (←*корка* + *родитель*).

Добавим, что благодаря активному использованию различных видов сокращений в сопоставляемых языках достигаются две основные цели: 1) усеченные СМНР ярко передают эмоциональные намерения говорящего; 2) их употребление позволяет сэкономить усилия и время говорящего.

2.1.8 СМНР-заимствования

Заимствования составляют в общем корпусе СМНР сопоставляемых языков различный удельный вес, бóльший – в русском и немецком языках (русск. – 7,9 %; нем. – 7,5 %), мёньший в украинском и английском языках (укр. – 5,7%; англ. – 2,8 %).

Среди ученых-лингвистов не существует единого определения термина «заимствование», хотя вопрос о целесообразности использования иностранных слов привлекал их внимание уже давно [39; 48; 57; 116; 125; 187; 191; 390].

В данной работе под термином «заимствование» понимается как сам процесс заимствования, так и заимствованные элементы, ср. в этой связи дефиницию данного понятия в лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой: «Заимствование – элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой...» [514, с. 158].

В ходе исследования СМНР английского, немецкого, украинского и русского языков были установлены следующие виды заимствований:

2.1.8.1 Прямое заимствование – иноязычное слово или фразеологический оборот, вошедшее в новую языковую систему с сохранением своих звуковых особенностей [460, с. 150–151].

Вслед за Д. С. Лотте, мы разделяем прямые заимствования на буквальные заимствования и трансформируемые заимствования [187, с. 10–14]. Буквальными заимствованиями являются термины, заимствованные в той же форме, в которой они существуют в языке-источнике, ср.: (134) англ. разг. *pater* ‘папа’ (←лат. *pater* ‘отец’), нем. разг. *fake dad* ‘отчим’ (←англ. *fake dad* ‘отчим’), русск. разг. *фазер* ‘отец’ (←англ. *father* ‘отец’), укр. разг. *бразер* ‘брат’ (←англ. *brother* ‘брат’).

Буквальные, в свою очередь, распадаются на транскрибированные и транслитерированные заимствования.

Транскрипция – заимствование лексемы с сохранением ее звуковой формы, иногда она может претерпевать определенные изменения согласно фонетическим особенностям языка-источника, ср.: (135) англ. сленг. *chavvy/chavy/chavvie* ‘ребёнок’ (←цыг. *chavi* ‘ребёнок’); нем. разг. *Mamitschka* ‘мамочка’ (←чеш. *tamička* разг. ‘мамочка’); укр. разг. *бейбі* ‘ребёнок’ (←англ. *baby* ‘ребёнок’); русск. разг. *вайф* ‘жена’ (←англ. *wife* ‘жена’).

Транслитерация – точная передача знаков одной письменности посредством знаков другой письменности, ср.: (136) англ. сленг. *pater* ‘папа’

(←лат. *pater* ‘отец’), нем. разг. *Establishment* ‘родители’ (←англ. *Establishment* ‘учреждение, организация, правящие круги’), укр. жарг. *андрус* ‘брат’ (←пол. *andrus* ‘вор’); русск. сленг. *систер* ‘сестра’ (←англ. *sister* ‘сестра’).

Трансформируемые (или гибридные) заимствования образуются по правилам словообразования языка-реципиента, т.е. путем прибавления к производящей основе заимствованных слов исконных аффиксов, суффиксов, окончаний и т.п., ср.: (137) англ. разг. *piccaninny* ‘ребёнок’ (←исп. *pequeño* ‘маленький’ или ←порт. *pequeno* ‘маленький’, *pequenino* ‘крошечный’ + -у); нем. разг. *Papsilein* ‘папочка’ (←англ. *Papsi* ‘папочка’ + *-lein*), русск. жарг. *перенси* ‘родители’ (←англ. *parents* ‘родители’ + *и*), русск. разг. *вайфица* ‘жена’ (←англ. *wife* ‘жена’ + *ица*)

2.1.8.2 Кальки – новые слова или выражения, образованные путем буквального перевода соответствующей языковой единицы [483, с. 156]: (138) русск. разг. *детка* ‘жена, подруга’ (←англ. *baby* разг. ‘жена, подруга’).

2.1.8.3 Языки-источники заимствований в СМНР германских и славянских языков

В исследуемых германских и славянских СМНР обнаружены заимствования из 18 языков-источников (см. Приложение А, табл. 6). Отметим, что лишь латинский язык является универсальным источником для СМНР-заимствований всех четырех сопоставляемых языков.

2.1.8.3.1 Наибольшее количество заимствованных слов из четырех языков-источников обнаружено среди русских СМНР (33 ед.), что обусловлено, в целом, общественными, историческими и другими процессами развития русского языка. При этом наибольший приток заимствований наблюдался среди них из английского языка (22 ед.), например: (139) разг. *мазер* ‘мать’ (←англ. *mother* ‘мать’), разг. *бэбик* ‘ребёнок’ (←англ. *baby* ‘ребёнок’), разг. *фазер-мазер* ‘родители’ (←англ. *father* ‘отец’ + *mother* ‘мать’). В три раза им уступают заимствования из немецкого языка (8 ед.): (140) разг. *мутер* ‘мать’ (←нем. *Mutter* ‘мать’), разг. *фатер* ‘отец’ (←нем. *Vater* ‘отец’), разг. *бруда* ‘брат’ (←нем. *Bruder*

‘брат’). Малочисленными являются заимствования из латинского (2 ед.) и персидского (1 СМНР) языков: (141) разг. *бача* ‘ребёнок’ (←пер. фарси, *فازسی* или пер. дари *دري* ‘пацан, мальчик’); разг. *пате́р* ‘отец’ (←лат. *pater* ‘отец’).

2.1.8.3.2 Вторым по количеству заимствований в сопоставляемых СМНР является немецкий язык (31 ед.). Языками-источниками немецких СМНР выступают английский (19 ед.), латинский (4 ед.), французский (3 ед.), чешский (2 ед.), идиш (1 СМНР), итальянский (1 СМНР), арамейский (1 СМНР) с явным доминированием английского языка, ср.: (143) разг. *Daddy* ‘отец’ (←англ. *daddy* ‘отец’), разг. перен. *Establishment* ‘родители’ (←англ. *establishment* ‘учреждение, организация, правящие круги’), разг. *Bro* ‘брат’ (←англ. *bro* разг. ‘брат’); разг. *Pappa* ‘отец’ (←фр. *papa* разг. ‘отец’), разг. *Mama (Ma'ma)* ‘мать’ (←фр. *mama* разг. ‘мать’); разг. *Pater* ‘папа’ (←лат. *pater* ‘отец’), разг. *Paternoster* ‘папа’ (←лат. *Pater noster* ‘Отче Наш’), разг. *der Junior* ‘младший сын’ (←лат. *jūnior* ‘младше’); разг. *Mamuschka* ‘мамочка’ (←чеш. *tamička* разг. ‘мамочка’), разг. *Mamitschka* ‘мамочка’ (←чеш. *tamička* разг. ‘мамочка’); разг. *Abba* ‘отец’ (←арам. *Abba* ‘отец, мой отец’); перен. разг. *Donna* ‘жена’ (←ит. *donna* ‘женщина’), разг. *Ische* ‘жена’ (←ид. *Ische* ‘женщина, жена’).

2.1.8.3.3 Украинский язык занимает третье место по количеству заимствованных СМНР (19 ед.). СМНР-заимствования представлены в основном английским языком (8 ед.): (144) разг. *чїлдрен* ‘дети’ (←англ. *children* ‘дети’), разг. *бразер* ‘брат’ (←англ. *brother* ‘брат’), разг. *пренты/пэренты/паренты* ‘родители’ (←англ. *parents* ‘родители’). Польский (4 ед.), немецкий (3 ед.), русский (2 ед.), древнееврейский (1 СМНР) и латинский (1 СМНР) языки представлены в украинских СМНР слабо: (145) руг. *курва* ‘жена’ (←пол. *kurwa* ‘потаскуха, шлюха’), разг. *кобіта/кобѣта* ‘жена’ (←пол. *kobieta* ‘женщина’), жарг. *андрус* ‘брат’ (←пол. *andrus* ‘вор’); разг. *папінька* ‘папочка’ (←русс. *папенька* разг. ‘папочка’), разг. *мамінька* ‘мамочка’ (←русс. *маменька* разг. ‘мамочка’); нем. груб. *бёнькарт* ‘незаконорожденный ребёнок’ (←нем. *Bankert* ‘внебрачный ребёнок’), груб. *гадра* ‘злая, сварливая жена’ (←нем. *Hader* ‘ссора,

распря’), разг. *бахур* ‘ребёнок’ (←др.-евр. *bāchūr* ‘парень/юноша’), разг. *ветерán* ‘дед-пенсионер’ (←лат. *veteranus* от *vetus, veteris* ‘старый’). Заимствования из польского и русского языков в украинском языке объясняются ареальным контактированием этих языков (географическое положение, исторические, торговые, экономические, культурные связи и т.п.).

2.1.8.3.4 Стилистически маркированная лексика английского языка является более консервативной, чем остальные сопоставляемые языки. Для стилистически маркированной номинации родственников в английском языке в меньшей степени используются заимствования из других языков (всего 13 ед.). В качестве языков-доноров выступают немецкий (3 ед.), испанский (2 ед.) и латинский языки (2 ед.), например: (146) англ. сленг. *frau* ‘жена’ (←нем. *Frau* ‘женщина, жена’), сленг. *hausfrau* ‘жена, домохозяйка’ (←нем. *Hausfrau* ‘домохозяйка’), груб. *bantling* ‘незаконорожденный ребёнок’ (←нем. *Bänkling* ‘внебрачный ребёнок’); сленг. *chicko/chico* ‘ребёнок’ (←исп. разг. *chico* ‘мальчик’), сленг. *ruso* ‘муж’ (←исп. *ruso* разг. ‘старый, дряхлый’); сленг. *pater* ‘папа’ (←лат. *pater* ‘отец’), сленг. *pate* ‘папа’ (←лат. *pater* ‘отец’). Единичными заимствованиями в английских СМНР представлены итальянский, японский, чинукский и цыганский языки, африкаанс (бурский язык) и чинукский жаргон Пиджин (упрощенный язык межнационального общения индейцев и белых торговцев Северо-Запада США и Тихоокеанского побережья Канады и Аляски), например: (147) разг. *bambino* ‘ребёнок’ (←ит. *bambino* ‘ребёнок; младенец, дитя’); разг. *moose* ‘дочь’ (←яп. *musume* 娘 ‘дочь’); разг. *snookums* ‘ребёнок/лапуля’ (←чин. *snookum* ‘солнце’); разг. *chavvy/chavy/chavvie* ‘ребёнок’ (←цыг. *chavi* ‘ребёнок’); разг. *pikki/pikkie* ‘ребёнок’ (←афр. *pikkie* ‘цыпленок’), разг. *klooch/klootch* ‘жена’ (←чин. жарг. ‘жена’). В английском языке встречается СМНР с затемненной этимологией: (148) разг. *piccaninny* ‘ребёнок’ (←исп. *pequeño* ‘маленький’ или ←порт. *pequeno* ‘маленький’, *pequenino* ‘крошечный’).

Количественное преобладание среди СМНР немецкого, русского и украинского языков заимствований из английского обусловлено, в целом, возросшей

ролью английского языка в мировом сообществе как языка международного средства общения, поэтому сохранить национальные языки от проникновения англицизмов практически невозможно. Нельзя не учитывать и социально-психологические факторы, влияющие на использования английских заимствований в речи носителей немецкого, русского и украинского языков, позволяющие более точно и ярко номинировать то или иное явление, передать его оттенки.

2.1.9 СМНР-конверсивы

Субстандартные германские и славянские языки характеризуются рядом активных словообразовательных процессов, среди которых важную роль играет конверсия, т.е. образование СМНР без присоединения к основе мотивирующего слова аффикса – (нем. – 22 ед.; укр. – 20 ед.; русск. – 18 ед.; англ. – 9 ед.).

Вопросы конверсии постоянно были в центре внимания многих лингвистов [15; 105; 146; 164; 292; 305; 385; 399; 402; 416].

Одной из проблем, связанных с конверсией, является проблема отнесенности ее к тому или иному способу словообразования. Некоторые лингвисты используют термин конверсия для обозначения способа словообразования с нулевой морфемой [375; 384; 413]. П. Фаррелл рассматривает конверсию как явление синтаксического порядка [396]. Другая группа ученых игнорирует понятие конверсии и при ее описании использует термины: «*безаффиксальное словообразование*» [11; 12, 277; 321], «*имплицитное словопроизводство*» [305; 404], «*внутреннее словопроизводство*» («*internal derivation*») [428].

Особенно активно конверсия исследуется последние десятилетия в немецкоязычной дериватологии, где вместо термина «*конверсия*» используется термин «*имплицитное словопроизводство*» [230; 292; 301; 399; 400; 435].

В настоящей работе термин «*конверсия*» используется для обозначения способа словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов.

Среди германских и славянских СМНР-конверсивов наиболее продуктивной является модель **Adj**→**N** (укр. – 20 ед.; нем. – 19 ед.; русск. –

18 ед.; англ. – 5 ед.), ср.: (149) англ. разг. *tiny* ‘ребёнок’ (←*tiny* ‘крошечный’), сленг. *olds* ‘родители’ (←*old* ‘старый’); нем. разг. *Antike* ‘мать’ (←*antik* ‘старый/античный/древний’), разг. *Gesetzlicher* ‘муж’ (←*gesetzlich* ‘законный; легальный’); русск. разг. *дорогая* ‘жена’ (←*дорогая*), разг. *древние* ‘родители’ (←*древний*); укр. разг. *малий* ‘младший брат’ (←*малий*), разг. *старі* ‘родители’ (←*старий*).

В немецком и английском языках отмечена конверсивная модель СМНР V→N. При этом в английском языке такие СМНР-конверсивы мотивируются инфинитивом: (150) англ. сленг. *raise* ‘родители’ (←*raise* ‘поднимать, воспитывать’), сленг. *scamp* ‘маленький ребёнок’ (←*scamp* ‘разбойничать’), а в немецком языке – причастием II: (151) нем. разг. *Vertrocknete* ‘родители’ (←*vertrocknet* ‘высохший, чёрствый’), разг. *Angetraute* ‘жена’ (←*angetraut* ‘венчанный/венчанная’). Добавим, что СМНР данной модели являются малопродуктивными в обоих сопоставляемых языках (нем. – 3 ед., англ. – 2 ед.).

В английском языке в сферу конверсии втягиваются также наречие и предлог: (152) сленг. *tad* ‘маленький ребёнок’ (←*tad* ‘немного’), сленг. *ex* ‘бывший муж’ (←*ex* ‘без’).

2.1.10 СМНР-редупликанты

Немногочисленной по своему составу является группа СМНР, образованная посредством редупликации – повторения слога, сегмента слова или целого слова (нем. – 7 ед.; англ./русск. – по 6 ед.; укр. – 3 ед.). Проблемы редупликации неоднократно освещались в лингвистике [36; 56; 128; 206; 284; 326; 360; 385; 399; 410; 411; 414; 430; 452].

Во всех сопоставляемых языках отмечены СМНР-редупликанты, образованные путем простого удвоения слогов, которые пришли из детской речи, ср.: (153) англ. разг. *papa* ‘отец’, разг. *tata* ‘мать’; нем. разг. *Papa* ‘отец’, разг. *Mama* ‘мать’; русск. разг. *баба* ‘бабушка/жена’; укр. разг. *баба* ‘бабушка/жена’.

СМНР-редупликанты отличаются более или менее выраженной экспрессивностью и диминутивностью.

В английском и русском языках выявлены удвоения с чередованием гласных звуков; данные редупликаны носят шуточный оттенок ср.:

- 1) [o-a]: (154) англ. сленг. *poppa* ‘отец’;
- 2) [ю-я]: (155) русск. разг. *люля* ‘муж/жена’, разг. *нюня* ‘ребёнок’;
- 3) [y-a]: (156) русск. разг. *чуча* ‘муж/жена’.

В английском языке обнаружены также рифмованные редупликаны, ср.: (157) англ. сленг. фам. *уитту титту* ‘сексуальная мамочка’ [519, с. 858], англ. сленг. фам. *уирриэ рирриэ* ‘ребёнок сексуальной мамочки, чей основной интерес заключается в том, чтобы продемонстрировать свою способность рожать в возрасте около 40 лет. Отец не обязателен, если он существует’ [491]. СМНР-редупликанты данного типа являются пейоративно окрашенными и носят фамильярный характер.

2.1.11 СМНР-семантические дериваты

В материале исследования обнаружены СМНР, образованные в результате переосмысления прямого и/или буквального значения исходного (производящего) слова, т.е. семантической деривации (метафоризации или метонимизации).

Семантическая деривация – это сложный многогранный процесс порождения новых значений слов, который приводит к перестройке их семантической структуры и влияет в целом на всю лексико-семантическую систему языка, что связано с когнитивными процессами человеческого мышления и коллективными стереотипами, которые существуют в определенной лингвокультурной общности. Так, проблемы семантической деривации как средства пополнения словарного состава языка в своих исследованиях освещали различные отечественные и зарубежные лингвисты, среди которых Л.В. Балашова [25], Ш. Р. Басыров [31-34], А. К. Бирих [43], М. Ю. Варламова [61], Е. С. Кубрякова [162; 166; 168], Г. И. Кустова [172], Дж. Лакофф [175], М. В. Москалёва [209], Р. И. Розина [274], А. Г. Удинская [315], Е. В. Шустрова [365].

Семейная коммуникация уникальна, для нее характерно наличие эмоционально-экспрессивных оценок и ярких образных номинаций – определенного языкового кода (языка), на котором говорят члены определенной семьи. Различные образные средства (метафоры и метонимии), используемые в ходе семейного общения, отражают отношения членов семьи друг к другу, выполняют эмоционально-оценочную функцию, например, дают субъективную оценку привычкам, поведению, особенностям характера членов семьи: (158) англ. сленг. *deadbeat* ‘родитель, который не платит алименты на ребёнка после развода’, нем. разг. *Zange* (‘щипцы, клещи’) ‘сварливая женщина’; русск. разг. *выдра* ‘жена’; укр. разг. *чортяка* ‘муж’.

В структурном плане СМНР-метафоры и СМНР-метонимы сопоставляемых языков распадаются на *однословные*: (159) англ. сленг. *evil* (‘зло’) ‘жена-доминант’; нем. разг. *Brut* (‘выводок, приплод’) ‘ребёнок’; русск. разг. *черепа* ‘отец’; укр. *курка* (‘курица’) ‘глупая жена’ и *многословные*: (160) англ. разг. *small fry* (‘мелкая рыбёшка/сошка’) ‘маленький ребёнок’; нем. разг. *Teppich-Ratten* (‘ковровые крысы’) ‘маленькие дети’.

Для выявления метафорических и метонимических моделей и установления их продуктивности ниже рассматриваются как СМНР, образованные исключительно путем семантической деривации (англ. – 85 ед.; русск. – 84 ед.; нем. – 45 ед.; укр. – 38 ед.), так и СМНР других способов образования (словосложение, суффиксация, сращение и т.д.), деривация которых сопровождалась метафорическим и метонимическим переосмыслением.

Общее количество семантически переосмысленных СМНР составило в английском языке – 156 ед., в немецком – 147 ед., в русском – 121 ед., в украинском – 73 ед.

2.1.11.1 СМНР-метафоры и их типы

Метафора представляет собой языковое явление, которое отражает определенные закономерности человеческой психики, особенности мировосприятия, а также фиксирует целый ряд культурно-исторических фактов

жизни определенного общества и является одним из самых продуктивных инструментов пополнения лексического состава языка. Существует большое количество определений и толкований метафоры, однако в настоящем исследовании мы используем определение, данное О. С. Ахмановой: «Метафора (переносное значение) англ. *metaphor*, фр. *metaphore*, нем. *Metapher*, *Übertragung*, исп. *metafora*. Троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.» [460, с. 231].

В сопоставляемых языках выявлены следующие метафорические типы СМНР (см. ниже п.п. 2.1.11.1.1–2.1.11.1.10).

2.1.11.1.1 Зоонимный тип, который характеризуется переносом свойств животного на родственников (русск. – 29 ед.; нем./укр. – по 20 ед.; англ. – 18 ед.). Данный тип метафорических СМНР является самым многочисленным в украинском и русском языках и третьим по продуктивности в немецком и английском языках.

В зависимости от степени распространенности образов животных, отраженных в номинации родственников исследуемых языков, выделяются *универсальные (общеупотребительные)* и *уникальные (специфические)* *зооморфные номинации* (далее ЗН).

В германских и славянских лингвокультурах для номинации мужа-рогоносца используется схожий анималистический образ крупного рогатого животного – лося в германской лингвокультуре и оленя в славянской, ср.: (161) англ. разг. *moose*; нем. разг. *Elch*; русск. разг. *олень*; укр. разг. *олень*.

Кроме того, во всех сопоставляемых языках выявлен и другой универсальный анималистический образ – барана, используемый для номинации мужа-подкаблучника, т.е. мужа, находящегося в полном подчинении у жены, ср.: (162) англ. разг. *tup*; нем. разг. *Haushammel*; русск. разг. *баран*; укр. разг. *баран*.

Наличие универсальных ЗН в сопоставляемых языках обусловлено пресуппозициями общечеловеческого характера, т.е. выбор того или иного

анималистического образа для объекта номинации определяется жизненным опытом говорящего, его наблюдениями за поведением животных и людей и закреплением т.о. в сознании определенных схожих ассоциативных связей. Существование универсальных зооморфных номинаций родственников (далее ЗНР) свидетельствует об универсальности метафорического мышления людей, частичной общности образного фонда сравниваемых славянских и германских культур.

По данным словарей, уникальными ЗНР, встречающимися только в английском языке и обусловленными экстралингвистическими факторами (географическими условиями), являются: (163) амер. сленг. *alligator* (букв. ‘аллигатор’) ‘жена артиста цирка’; австрал. сленг. *joeу* (букв. ‘детеныш сумчатых’) ‘маленький ребёнок’.

2.1.11.1.2 Артефактный тип СМНР-метафор является самой многочисленной группой в германских языках (англ. – 39 ед.; нем. – 32 ед.), им в 2-3 раза уступают аналогичные СМНР-метафоры в славянских языках (русск. – 15 ед.; укр. – 13 ед.). Сферой-источником рассматриваемых метафор выступают различные предметы, а именно:

1) **транспортные средства и их оснастка**, ср.: (164) австр. *handbrake* (‘ручной тормоз’) ‘жена, которая мешает мужу хорошо проводить время’; нем. разг. *Seitenwagen* (‘боковая коляска мотоцикла’) ‘жена’;

2) **игрушки**, ср.: (165) англ. сленг. *muppet* (‘кукла’); нем. разг. *Puppe* (‘кукла’), русск. разг. *лялька* ‘ребёнок’, укр. разг. *пупс* ‘ребёнок’;

3) **предметы быта**, ср.: (166) англ. сленг. *plaster* (‘пластырь’) ‘жена-доминант’; нем. разг. прен. *Hausbesen* (‘домашний веник’) ‘жена’; русск. *прищепка* ‘надоедливая/властная жена’; укр. перен. разг. *клизма* ‘жена, которая вечно всем недовольна’;

4) **инструменты**, ср.: (167) англ. сленг. *old blade* (‘старое лезвие’) ‘сварливая женщина’; нем. разг. перен. *Beißzange* (‘клещи, кусачки’) ‘сварливая женщина’; русск. разг. перен. *шило* ‘гиперактивный ребёнок’;

2.1.11.1.3 Социальный тип СМНР-метафор, в котором поведение и функции родственников в повседневной и общественной жизни, а также их черты характера ассоциируются с контролирующими (управляющими) функциями должностных лиц (руководителей), государственных учреждений, титулованных особ (нем. – 31 ед.; русск. – 21 ед.; англ. – 19 ед.; укр. – 10 ед.), ср.: (168) англ. сленг. *head quarters* ('главное управление') 'жена'; нем. разг. *Cheferei* ('руководство') 'родители'; русск. жарг. *начальство* 'родители'; укр. разг. *королева* 'жена'.

2.1.11.1.4 Глюттонимный тип СМНР-метафор восходит к наименованиям кондитерских изделий, еды, а также их свойствам и качествам (англ. – 12 ед.; русск. – 11 ед.; укр. – 9 ед.; нем. – 7 ед.): (169) англ. разг. *honey* ('мед') 'обращение к жене', *sweetie* ('конфетка, леденец') 'обращение к жене/мужу'; нем. разг. *Süßer* 'обращение к мужу', разг. *Rindfleisch* ('говядина') 'жена'; русск. разг. *конфетка/мармеладка* 'обращение к жене', разг. *сахарный* 'обращение к мужу'; укр. разг. *цукерка/іриска* 'обращение к жене', разг. *шладенький* 'обращение к мужу'.

2.1.11.1.5 Сказочно-мифический тип СМНР-метафор. Сферой-источником данного типа метафор выступают различные наименования сверхъестественных существ (нем. – 17 ед., русск. – 11 ед.; англ. – 6 ед.; укр. – 4 ед.): (170) англ. сленг. *devil's daughter* (букв. 'дочь дьявола')/сленг. *old hige* (букв. 'старая ведьма') 'невыносимая жена'; нем. разг. *Weibsteufel* (букв. 'женщина-черт') 'невыносимая жена', разг. *Schwiegermonster* (букв. 'свекровь/теща-монстр') 'невыносимая свекровь/теща', русск. разг. *кикимирова* 'жена', разг. *монстр* 'теща', укр. разг. *чортеня* 'гиперактивный, балованный ребёнок', разг. *відьма* 'сварливая жена'.

2.1.11.1.6 Вегетативный тип СМНР-метафор связан с наименованиями флоры и преобладает при номинации родителей и детей (англ. – 9 ед.; нем. – 4 ед.; укр. – 2 ед.; русск. – 1 СМНР), ср. универсальные образы: (171) англ. сленг. *hayseed* ('семя трав')/сленг. *sprog* ('отросток') 'ребёнок'; нем. разг. *Sprössling*

(букв. ‘отросток/побег’)/русск. разг. *отросток* ‘ребёнок’. В украинском языке отмечен СМНР с уникальным вегетоимом: (172) укр. разг. *корні* ‘родители’, в немецком языке – (173) *Alimentenfrucht* (букв. ‘алиментный фрукт’) ‘незаконнорожденный ребёнок’.

2.1.11.1.7 Природный тип СМНР-метафор связан с природными явлениями и объектами космического пространства. В сопоставляемых языках, за исключением английского, выявлены единичные примеры данного типа метафор: (174) нем. разг. *Gewitter* (‘гроза’) ‘неистовая/яростная жена’, русск. разг. *солнце* ‘обращение к жене/ребёнку’; укр. разг. *сонечко* ‘обращение к жене/ребёнку’.

2.1.11.1.8 В основе СМНР-метафор **мордиального типа** лежит перенос с наименований болезней на человека (англ./русск./нем. – по 2 ед.), ср.: (175) англ. сленг. *headache* (‘головная боль’) ‘сварливая жена’, *sore-head* (‘распухшая голова’) ‘сварливая жена’; нем. разг. *Knubbel* (‘опухоль, нарост’) ‘ребёнок’, разг. *Ehestandskrüppel* (‘брачный калека’) ‘муж-подкаблучник, находящийся в полном подчинении у жены’; русск. разг. *болячка/язва* ‘невыносимая/надоедливая жена’.

2.1.11.1.9 Соматический тип СМНР-метафор связан с переносом наименований частей тела на родственника: (176) англ. разг. *sweetheart* (‘сладкое сердце’) ‘муж/жена’; нем. разг. перен. *Nacktarsch* (‘голая задница’) ‘жена-бесприданница’; русск. разг. *кости* ‘родители’, разг. *череп* ‘отец’.

2.1.11.1.10 Ассоциативный тип СМНР-метафор номинирует родственников, выполняющих определенные действия, ведущих определенный образ жизни, вызывающих и производящих определенный эффект, ср.: (177) англ. сленг. *sparring partner* (‘спарринг-партнер’) ‘муж/жена’, *tenant at will* (‘бессрочный арендатор’) ‘муж, чья жена приходит в пивную, чтобы забрать его и увести домой’; нем. разг. перен. *Hauskreuz* (‘домашний крест’) ‘невыносимая/сварливая жена’, разг. перен. *Pünktchen* (‘маленькие пунктик/и’)

‘жена’; русск. разг. *дорогой* ‘муж’, жарг. неодобр./ укр. жарг. неодобр. *мажор/ка* ‘сын/дочь богатых родителей’.

2.1.11.2 СМНР-метонимии

Особенности метонимического переноса издавна находятся в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов [17; 18; 31; 33–34; 43–44; 174; 175; 315; 404–405]. Под метонимией в настоящей работе понимается регулярный или ocasionальный перенос с одного объекта или класса объектов на другой на основе реально имеющейся между ними внешней или внутренней связи (пространственной, временной, причинно-следственной, логической и т.д.).

М. А. Косычева в своем диссертационном исследовании приходит к выводу о том, что: «особенности метонимии по сравнению с метафорой заключаются в том, что метонимия, создавая образ, при расшифровке образа сохраняет его, в метафоре же расшифровка образа фактически уничтожает, разрушает этот образ. Метонимия обычно используется также, как и метафора, в целях образного изображения фактов действительности, создания чувственных, зрительно более осязаемых представлений об описываемом явлении, выражая субъективно-оценочное отношение автора к описываемому явлению» [156, с. 89].

Основными типами метонимических переносов СМНР в сопоставляемых языках являются следующие (см. ниже п.п. 2.1.11.2.1 – 2.1.11.2.3).

2.1.11.2.1 Атрибутивный тип СМНР-метонимий, которые реализуются по модели «имя собственное → СМНР» (англ. – 10 ед.; нем. – 6 ед.; русск. – 4 ед.; укр. – 1 СМНР), ср.: (178) англ. сленг. *Calamity Jane* ‘сварливая жена’; нем. разг. *Gabriele* ‘незаконнорожденная дочь’; русск. разг. *батый* ‘отец’, укр. разг. *Горпина* ‘сварливая/невыносимая жена’.

2.1.11.2.2 Партитивный (синекдохический) тип СМНР-метонимий, в котором выделяются два подтипа: 1) соматический подтип, в основе которого лежит перенос с органа человека на родственника. Данный подтип отмечен в английском и немецком языках (англ. – 12 ед.; нем. – 1 СМНР), ср.: (179) англ.

сленг. *mamma* ('грудь/ молочная железа') 'мать'; нем. разг. *Mamma* ('грудь/ молочная железа') 'мать'; 2) «одежда/атрибут одежды → наименование родственника» (англ. – 6 ед.; русск. – 5 ед.; нем. – 2 ед.; укр. – 1 СМНР), ср.: (180) нем. разг. *Wickelkind* ('запеленованный ребёнок') 'ребёнок'; русск. разг. *паранджа* 'жена'; англ. сленг. *apron* ('фартук') 'жена'; укр. разг. *підгузок* ('подгузник') 'ребёнок'.

2.1.11.2.3 Локальный тип СМНР-метонимий строится по модели «место → наименование родственника» (англ./русск. – 9 ед.; укр. – 4 ед.; нем. – 1 СМНР), ср.: (181) англ. сленг. груб. *backyard cousin* ('кузен с заднего двора')/русск. разг. прен. *подкустарник*/укр. груб. *бёнькарт* (←нем. *Bankert* 'внебрачный ребёнок; ребёнок, зачатый на твердой лавке') 'незаконнорожденный ребёнок'; нем. разг. *Homies* (от англ. *home* 'дом') 'родители'.

2.1.11.3 Комбинированный тип переносов

В данную группу наименований родственников входят лексемы, значения которых подвергаются одновременно как метафорическому, так и метонимическому переосмыслению:

2.1.11.3.1 СМНР локально-зоонимного типа, сочетающие метонимический перенос локального типа (перенос определенного места на человека) и метафорический перенос зоонимного типа (сравнение ребёнка и детеныша животного) (англ. – 11 ед., нем. – 3 ед.), ср.: (182) англ. сленг. *brush colt* ('жеребёнок, который не был специально выведен') 'незаконнорожденный ребёнок'; нем. разг. *Teppich-Ratten* ('ковровые крысы') 'маленькие дети'.

2.1.11.3.2 СМНР локально-соматического типа сочетают в себе, с одной стороны, перенос с места нахождения субъекта на него самого, а, с другой стороны – перенос с наименования части объекта (органа) на субъект (русск. – 3 ед.; нем. – 1 СМНР): (183) нем. разг. *Brustkind*/русск. разг. *грудничок/грудняк* (т.е. 'тот, кто находится у груди') 'ребёнок'.

Выводы к главе 2

Словообразовательный анализ СМНР английского, немецкого, русского и украинского языков позволяет сделать следующие выводы.

1. Способы образования СМНР в английском, немецком, русском и украинском языках в целом не отличаются от системы словообразования стилистически немаркированных слов. Образование СМНР в германских и славянских языках осуществляется путем аффиксации, словосложения, сращения, аббревиации (сокращения), редупликации, синтаксической и семантической деривации и заимствования. Кроме того, в сфере СМНР обнаружены непроемные структурные типы, представляющие симплексы, конверсию, имплицитные слова (см. Приложение А, табл. 1).

2. Продуктивность выявленных способов образования и структурных типов СМНР в сопоставляемых языках в целом неодинаковая (см. Приложение А, табл. 1).

2.1. Наиболее продуктивно в германских языках СМНР образуются путем словосложения (англ. – 152 ед.; нем. – 149 ед.), в то время как в славянских языках данный способ обнаруживает низкую продуктивность (русс./укр. – по 3 ед.). В славянских языках самым многочисленными оказались СМНР, образованные аффиксальным способом (укр. – 204 ед.; русск. – 197 ед.). Напротив, германские СМНР данного способа словообразования уступают им более чем в 3-4 раза (нем. – 63 ед.; англ. – 39 ед.).

2.2. СМНР-композиаты обнаруживают в сопоставляемых языках различия не только в степени продуктивности, но и в компонентном составе, т.е. различия в формальной и семантической связи компонентов в структуре композиатов (см. Приложение А, табл. 2 и 3).

2.2.1. В славянских языках СМНР-композиаты представлены исключительно двухкомпонентными сложными словами, а в германских языках – также трехкомпонентными композиатами (англ. – 8 ед.; нем. – 3 ед.),

хотя по продуктивности они заметно уступают двухкомпонентным образованиям (англ. – 144 ед.; нем. – 146 ед.).

2.2.2. В образовании двухкомпонентных СМНР-композитов сопоставляемых языков участвует различный набор структурных моделей (англ. – 9; нем. – 5; русск. – 2; укр. – 1). Общей структурной моделью образования двухкомпонентных СМНР-композитов во всех сопоставляемых языках является бисубстантивная модель N + N (см. Приложение А, табл. 3).

2.2.3. В семантико-синтаксическом плане компоненты германских и славянских СМНР-композитов обнаруживают определенные сходства и отличия. Английские и немецкие СМНР-композиты являются исключительно детерминативными сложными словами, украинские СМНР-композиты – исключительно копулятивными, а в русском языке обнаружены копулятивные и детерминативные СМНР-композиты с преобладанием вторых над первыми.

2.2.4. Для немецких, русских и украинских СМНР-композитов характерно слитное либо дефисное соединение компонентов, а для английских еще и раздельное написание, что свидетельствует, в частности, о большей аналитичности английского языка.

2.2.5. СМНР-композиты сопоставляемых языков характеризуются метафоризацией и метонимизацией как отдельных компонентов, так и всего сложного слова, а также образностью и экспрессией.

3. Большинство аффиксальных СМНР во всех сопоставляемых языках образуются суффиксальным способом (укр. – 199 ед.; русск. – 192 ед.; нем. – 59 ед.; англ. – 34 ед.). Заметное преобладание аффиксального словопроизводства (включая и суффиксальное) славянских СМНР над аналогичными дериватами в германских языках объясняется более высоким уровнем развития аффиксации во флективных языках, наличием в них широкого инвентаря аффиксов, их высокой активностью, а также более широкой категориальной базой мотивирующих основ (англ. – глагол, существительное; русск, нем. и укр. – глагол, существительное и прилагательное).

3.1. Активность аффиксов в деривации СМНР в сопоставляемых языках неодинаковая. Особенно высокую продуктивность обнаруживают диминутивные суффиксы, среди них в английском языке – суффикс *-y(ie)* (19 ед.), в немецком языке – *-i* (19), в русском – *-ик* (45 ед.); украинском – *-ик (-ік)* (56 ед.).

3.2. Образование коллоквиальных СМНР с помощью полуаффиксов отмечено только в германских языках. Среди них преобладают полупрефиксальные дериваты (англ. – 25 ед.; нем. – 23 ед.). В сфере полупрефиксальных СМНР, помимо известных стандартному (литературному) словообразованию полуаффиксов (англ. *after-, old-, step-*; нем. *Bier-, Dreck-/Drecks, Gegen-, Gold-, Laus-/Lause-, Nach-, Schwieger-, Satans-, Vor-*) обнаружен также полупрефикс *bonus-/Bonus-*.

4. СМНР-словосочетания, возникшие синтаксическим способом, обнаруживают относительно высокую продуктивность в английском языке, где аналитические тенденции более развиты, чем в других сопоставляемых языках (англ. – 43 ед.; русск. – 29 ед.; укр. – 24 ед.; нем. – 18 ед.).

4.1. Общей для всех сопоставляемых языков является двухкомпонентная модель СМНР-словосочетаний *Prop + N*, которая часто употребляется в семейном общении и выступает в функции обращения, а также трехкомпонентная модель *N + Prep + N*. В русском и украинском языках СМНР-словосочетания характеризуются вариативностью сочетания своих компонентов и представлены двух- и трехкомпонентными образованиями, а в немецком и английском – двух-, трех- и четырехкомпонентными (см. Приложение А, табл. 4).

4.2. Двух- и трехкомпонентные СМНР-словосочетания в немецком, русском и украинском языках построены по моделям подчинительной связи своих компонентов. СМНР-словосочетания с сочинительной связью выявлены лишь в английском языке (20 ед.).

5. Промежуточное положение между СМНР-композициями суффиксальными СМНР занимают СМНР-сращения (русск. – 16 ед.; укр. – 10 ед.; англ. – 9 ед.; нем. – 5 ед.). Среди них в сопоставляемых языках отмечены СМНР, которые мотивируются

глагольно-субстантивными словосочетаниями, в русском и украинском языках – адъективно-субстантивными словосочетаниями, в русском – предложно-субстантивными словосочетаниями.

6. Заметную роль в образовании СМНР сопоставляемых языков играет семантическая деривация (метафоры и метонимии), занимающая по производности второе место в английском языке, русском и украинском языках (англ. – 85 ед.: русск. – 84 ед.; укр. – 38 ед.) и третье место – в немецком (англ. – 45 ед.) (см. Приложение А, табл. 7 и 8).

6.1. Главным средством вторичной номинации СМНР во всех сопоставляемых языках выступает метафора, которая представлена 10 типами переносов, 8 из которых в сопоставляемых языках являются общими. Самым продуктивным типом СМНР-метафор в германских языках является артефактный тип (англ. – 39 ед.; нем. – 32 ед.), в славянских языках – зоонимный тип (русск. – 29 ед.; укр. – 20 ед.). Преобладание артефактных и зоонимных метафор в семейном и дружеском общении обусловлено близостью животных и предметов быта к человеку.

6.2. В каждом из сопоставляемых языков выявлено 3 типа метонимических переносов. Самым продуктивным типом СМНР-метонимов в английском языке является партитивный тип (17 ед.), в немецком языке – атрибутивный тип (6 ед.), в русском (9 ед.) и украинском (4 ед.) языках – локальный тип. Неодинаковую активность метонимических переносов в германских и славянских языках можно объяснить различиями в их образном фонде, индивидуальными особенностями ассоциативного мышления представителей различных лингвокультур.

7. Заимствования составляют в общем корпусе СМНР английского языка 2,8%, немецкого – 7,5%, русского – 7,9%, украинского – 5,7%. Наибольшее количество заимствованных слов (33 ед.) с четырьмя языками-источниками обнаружено в русском языке. Вторым по количеству заимствований в сопоставляемых СМНР является немецкий язык (31 ед.) с семью языками-

донорами. Украинский занимает среди сравниваемых языков третье место по количеству заимствованных СМНР (19 ед.) с шестью языками-источниками. Меньше всего заимствований зафиксировано в английском языке (13 ед.) с девятью языками-донорами (см. Приложение А, табл. 6).

7.1. Общим языком-источником для всех сопоставляемых языков является латинский язык. В немецком, русском и украинском языках наибольшее количество заимствований выявлено из английского языка, а в английском – из немецкого (см. Приложение А, табл. 6).

8. Сокращение СМНР (аббревиация) является в большинстве языков (кроме английского) малопродуктивным способом образования (англ. – 52 ед.; русск. – 17 ед.; нем. – 15 ед.; укр. – 10 ед.). В сопоставляемых языках подавляющее большинство составляют слоговые (усеченные) СМНР (см. Приложение А, табл. 5).

9. Невысокую продуктивность при образовании СМНР в сопоставляемых языках проявляет конверсия (нем. – 22 ед.; укр. – 20 ед.; русск. – 18 ед.; англ. – 9 ед.), наиболее продуктивной моделью которой является конверсивная модель Adj→N.

10. Низкую продуктивность при образовании СМНР сопоставляемых языков обнаруживает редупликация (нем. – 7 ед.; англ./русск. – по 6 ед.; укр. – 3 ед.). Во всех сопоставляемых языках отмечены СМНР-редупликанты, образованные путем простого удвоения слогов.

Основные положения данной главы отражены в публикациях [239–245; 247; 252].

ГЛАВА 3

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ РОДСТВЕННИКОВ В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

В настоящей главе исследуются семантика и функционирование английских, немецких, русских и украинских СМНР. Семантическая классификация СМНР производится с опорой на словарные толкования, лексическое значение анализируемых языковых единиц и их номинативно-мотивирующие признаки. В работе определяется продуктивность тематических групп и подгрупп (далее ТГ) СМНР, выявляются их функциональные особенности в неофициальном общении (семейном и дружеском), определяются коннотативные значения СМНР в сопоставляемых языках.

СМНР и примеры их употребления были получены из словарей разного типа (толковых, переводных, разговорных, жаргонных, сленговых, арго и др.), национальных корпусов данных языков. В материал исследования включались как узуальные СМНР, так и окказиональные СМНР. Общий корпус проанализированных СМНР составил 1722 единицы (англ. – 498 ед.; нем. – 434 ед.; русск. – 424 ед.; укр. – 366 ед.) и 1782 примера их контекстуального употребления. В ряде случаев для проверки составленных примеров употребления СМНР привлекались информанты-носители английского и немецкого языков.

Единицей семантического и количественного анализа выступает каждый лексико-семантический вариант СМНР.

Сопоставительное исследование семантики СМНР базируется на следующих типах родственных отношений, которые позволили соответственно выделить следующие ТГ, обозначающие:

1) *кровное родство* (ТГ «Мать и отец», «Дети», «Братья и сестры», «Дедушка и бабушка», «Внуки», «Братья и сестры родителя», «Дети брата или сестры»);

2) *брачные отношения*, возникшие в результате брачного союза, отношения одного из супругов с родственниками другого и отношения между родственниками обоих супругов (ТГ «Супруги», «Родители супругов»);

3) *отношения по родству при усыновлении/удочерении* (ТГ «Отчим», «Мачеха»).

Рассмотрим выделенные типы родственных отношений и их ТГ.

3.1 Тематическая группа (ТГ) «Мать и отец»

Данная ТГ является одной из самых продуктивных в исследуемых германских и славянских языках (нем. – 140 ед.; русск. – 126 ед.; англ. – 97 ед.; укр. – 65 ед.). Она распадается на три ТП: 1) «Родители»; 2) «Отец»; 3) «Мать». Рассмотрим подробнее каждую из выделенных подгрупп.

3.1.1 ТП «Родители»

В семье ребёнок получает воспитание, знакомится с семейными традициями и получает жизненный опыт. Для ребёнка главные люди в жизни – родители, подарившие ему жизнь, воспитавшие его. Они играют чрезвычайно важную роль в формировании личности ребёнка, обеспечивают его материально-бытовыми благами, передают ему свои знания, умения, принципы, учат правилам поведения в обществе.

Неслучайно, что рассматриваемые стилистически маркированные наименования (далее СМН) «Родители» обнаруживают разнообразный набор НМП, а также семейных функций в сопоставляемых языках. Данные НМП обычно осложняются различными видами метафорических и метонимических переносов, что нередко представляет определенные трудности при типологизации СМНР и их однозначной интерпретации.

У СМН «Родители» выделены следующие НМП:

3.1.1.1 Геронтологический НМП, который в рассматриваемых номинатамах ассоциируется у молодых людей (детей), с одной стороны, с пожилым возрастом родителей, а, с другой, с идеями прошлого, консервативного, отсталого и т.д. Данный признак распределяется в

английских, немецких, русских и украинских СМНР с неодинаковой активностью (нем. – 12 ед.; русск. – 7 ед.; англ. – 5 ед.; укр. – 3 ед.), ср: англ. разг. *oldies* ('стариками') 'родители (вне зависимости от возраста)' [519, с. 564]; нем. разг. *Altsippe* ('старый род') 'родители' [532, 25]; русск. жарг. *предки* 'родители' [465, стр. 432]; укр. жарг. *стари* 'родители' [505, 310]. Например:

(1) англ. разг. Dirk: *Ahh cunt u coming down to the beach for a quick scoob?* Nolzie: *Yeah nah mate I've gotta get back home aye, the oldies are havin a barbie tonight* [491] Дирк: 'Ах, ты идешь на пляж, подцепим девчонок по-быстрому?' Нолзи: 'Да, нет, приятель. Мне пора возвращаться домой, старики сегодня вечером устраивают барбекю';

(2) нем. разг. *Meine Alten haben mir Hausarrest gegeben* [489] 'Мои старики посадили меня под домашний арест';

(3) русск. жарг. *А куда мы, собственно, идем? – наконец спросила Юлька. – Ко мне. Знакомиться с предками* [465, стр. 432];

(4) укр. жарг. *Ходім, – кажу Катрі, – ходім до Марусі, що нам, що стари посварились, – ми того не знаємо* [553] 'Пойдем, – говорю Кате, – пойдем к Марусе, какое нам дело до того, что старики поссорились, – мы этого не знаем'.

Среди немецких, русских и украинских СМН «Родители» геронтологический НМП представлен часто заимствованиями из английского языка, ср.: нем. сленг. *Oldies* (←англ. *old* 'старый') 'родители' [489], русск. жарг. *олды* 'родители' [465, с. 361], укр. жарг. *олди* 'родители' [505, с. 243]. Например:

(5) нем. сленг. *Meine Oldies sind heute Abend nicht da* [489] 'Моих стариков сегодня вечером не будет дома';

(6) русск. жарг. *Олды уедут, тогда придешь* [465, с. 361].

Различные СМНР-метафоры и метонимии выражают идею архаичных "допотопных" взглядов родителей, которые воспринимаются своими детьми как нечто старое, обыденное, изжитое, утратившее свое актуальность. Так, в германских языках для наименования родителей используется схожий метафорический образ – ископаемые (нем. разг. *Fossilien*, англ. сленг. *fossil*).

Останки животных/растительных организмов, сохранившиеся в земной коре с древних времен, метафорически ассоциируются в языковом сознании детей с отсталостью взглядов их родителей, мешающих взаимопониманию с ними:

(7) нем. разг. *Meine Geldschaffer sind beide totale Fossilien* [523, с. 67] ‘Мои оба родителя (букв. ‘добытки денег’) абсолютно древние люди (букв. ‘ископаемые’)’;

(8) англ. сленг. *Why do I have to listen to this old fossil?* ‘Почему я должен слушать этих старых ископаемых (т.е. ‘родителей’)?’ [490].

В немецком и русском языках отмечен также метафорический перенос с физических свойств предмета на внутренние свойства человека, его взгляды, жизненные привычки, принципы, ср.: нем. разг. *Vertrocknete* (букв. ‘высохшие’) ‘родители’ [532, с. 888], русск. жарг. *сухари* ‘родители’ [465, с. 205].

Для передачи консервативных (устаревших) взглядов родителей в немецкой лингвокультуре используются мифоним *Mumie* <die Eltern. Aus jugendlicher Sicht gelten sie leicht als überaltert und als geistig vertrocknet> ‘Родители. В понимании подростков родители немного устарели и духовно отстали’ [532, с. 552] и зооним *Dino(s)* (сокращение от *Dinosaurier* букв. ‘динозавр’) жарг. ‘родители’ [530, с. 55], например:

(9) нем. жарг. *Frag doch mal deine Dinos, ob die Aussage von gestern noch stimmt* [530, с. 55] ‘Спроси-ка своих динозавров (т.е. ‘родителей’), в силе ли их вчерашние слова’;

(10) нем. разг. *Was wollen denn die Mumien hier in der Disco?* [530, с. 93] ‘Чего этим мумиям (т.е. ‘родителям’) надо здесь на дискотеке?’.

В немецком языке отмечены СМН, которые возникли в результате комбинированного переноса, а именно: атрибутивного типа метонимического переноса, который метафорически комбинируется с отсталостью родителей, тем самым сравнивая их с мумией: нем. жарг. *Otzis/Ötzis* (букв. ‘Этци – мумия древнего человека, найденная в 1991 на одном из ледников горной гряды Карвендель. Возраст останков ок. 5300 лет’) ‘родители’ [528, с. 82].

В русском языке "идея останков человека" положена в основу соматической метафоры, ср.: жарг. *череп* ‘родители’ [465, с. 616].

Сравним также нем. разг. *Vormenschen* ‘родители’ [490], в котором полупрефикс *vor-* сообщает корневой мотивирующей основе *Menschen* ‘люди’ [119, с. 87] смысл предшествования во времени (букв. ‘те, кто был до людей’).

3.1.1.2 Автократический НМП в структуре СМНР выражает давление, власть, контроль и доминирование родителей над детьми. Данный признак представлен во всех сопоставляемых языках, хотя наиболее активно он проявляет себя в немецком языке (нем. – 10 ед.; русск. – 4 ед.; англ. – 3 ед.; укр. – 2 ед.). Родители – источник финансовых и материальных благ детей. В основе данных номенов часто лежит социальная метафора (см. глава 2, п. 2.1.11, п.п. 2.1.11.1.3). Родители, подобно государственным учреждениям, наделены силой и властью, в их компетенции распоряжаться материальными и денежными ресурсами, ср.: нем. разг. *meine vorgesetzte Behörde* <meine Eltern. An die Stelle des Verwandtschaftsverhältnisses tritt ein Dienstverhältnis; man wird nicht geliebt, sondern verwaltet> (‘мой высший орган власти’) <мои родители. Служебные отношения заменяют родственные, т.е. тебя не любят, а тобой управляют> [532, с. 87]; англ. сленг. *law* ‘родители’ [519, с. 594]; русск. жарг. *ханы* ‘родители’ [479, с. 423]; укр. сленг. *пахани* ‘родители’ [513], например:

(11) русск. жарг. *Завтра ханы* (т.е. ‘родители’) *отвалят на юг, тогда и раскрутимся* [479, с. 423];

(12) англ. сленг. *She can't sneak out, the law's prowling* [491] ‘Она не может выскользнуть, родители бродят’.

3.1.1.3 СМНР с НМП «экономическая функция». К экономической функции родителей относится создание материальных условий семейной жизни, снабжение своих близких средствами к существованию, финансовая и материальная поддержка детей едой, одеждой, денежными средствами, ср.: англ. сленг. *raise* <parent or parents (someone who has "raised" you since childhood)> (←raise a child ‘поднимать ребёнка/растить ребёнка’) ‘родитель/родители’ [491]; русск. сленг. *спонсоры* ‘родители’ [482, с. 546], укр. разг. *спонсори* ‘родители’

[504]; нем. разг. *Kohlenbeschaffer* (*Kohle* разг. ‘бабки (деньги)’ + *Beschaffer* букв. ‘поставщик’; ‘поставщики денег’) ‘родители’ [523, с. 72]. Например:

(13) англ. сленг. *I am having Thanksgiving dinner with the **raise** this year* [491] ‘У меня ужин в честь Дня Благодарения с родителями в этом году’;

(14) нем. сленг. *Bekommst du nun Kinogeld von deinen **Kohlenbeschaffern**?* [523, с. 72] ‘А твои спонсоры (т. е. ‘родители’) дают тебе деньги на карманные расходы?’;

(15) русск. разг. *Когда **спонсоры** (т.е. ‘родители’) возвращаются? Надо квартиру убирать* [512, с. 275].

Добавим, что лишь в германских языках отмечены двухкомпонентные СМНР-композиции, которые номинируют родителей, которые уклоняются от денежного обеспечения своих детей, ср.: англ. сленг. *deadbeat parent* <a person who won't pay his debts, especially one who does not pay child support after divorce. In modern use, often construed with ‘dad’ or ‘parent’> ‘родитель, который не платит алименты на ребёнка после развода’ [519, с. 189]; нем. разг. *Alimentenflüchtling* <Mann, der seiner Unterhaltspflicht nicht nachkommt> (букв. ‘беглец от алиментов’) <родитель, который не выполняет свои обязанности по содержанию ребёнка> [532, с. 23], например:

(16) англ. сленг. *June is a **dead beat parent** and always will be* [491] ‘Джун не платит алименты, и не собирается’.

В украинском языке для номинации родителей используется метафорический образ корней дерева (укр. *корні*), которые осуществляют закрепление всего растения в почве, питают его водой и необходимыми минеральными веществами, благодаря чему дерево растет. Аналогично и ребёнок, получая необходимую ему поддержку и заботу родителей, вырастает счастливой, гармоничной и полноценной личностью:

(17) укр. разг. *У мене класні **корні**, але іноді трохи нудять* [473, с. 169] ‘У меня классные корни (т. е. ‘родители’), но иногда немного нудят’.

3.1.1.4 Репродуктивный НМП, указывающий на детородные свойства родителей, воспроизводство/продолжение рода. СМНР с данным НМП являются немногочисленными (нем. – 4 ед.; англ./русск. – по 1 СМНР).

В английском языке данный признак положен в основу зооморфной метафоры *empty-nesters* <parents whose children have grown and moved out> (букв. ‘пустые гнёзда’) [475, с. 35]. Эта лексема номинирует родителей, чьи дети выросли и покинули отчий дом, подобно птенцам, научившимся летать и покинувшим родное гнездо, чтобы начать свой собственный путь в жизни. Она также используется по отношению к одному из супругов бездетной пары:

(18) англ. сленг. *Since the children emigrated to Australia, Mary has been very lonely and depressed. I suppose this is the experience of many empty-nesters* ‘С тех пор, как её дети эмигрировали в Австралию, Мэри чувствовала себя очень одинокой и находилась в состоянии депрессии. Я думаю, что многие родители выросших детей испытывают подобное’.

В немецком языке рассматриваемый НМП реализуют суффиксальные СМНР, мотивированные глаголами: *Hersteller/Erzeuger* <Vater. Er „produziert“ Kinder wie der Unternehmer Waren, Film> (букв. ‘изготовитель, т.е. отец как бы «изготавливает» детей подобно предпринимателю, который выпускает товары, фильмы и т.п.’) (←*herstellen/erzeugen* ‘производить/выпускать’) [532, с. 342, 214].

Добавим, что в немецком языке отглагольное существительное *Erzeuger* употребляется в двух значениях:

1) <Vater>/<lieblicher Vater eines Kindes> ‘отец; родной отец’ [532, с. 214; 523, с. 58], например: (19) нем. разг. *Dein Erzeuger ist ein totaler Unterdrücker* [523, с. 58] ‘Твой отец настоящий деспот’;

2) <Eltern> ‘родители’: (20) нем. разг. *Wird sie hier zu Wien mit ihren Erzeugern (Eltern) sich endlich versöhnen* [551] ‘Здесь в Вене она наконец помирится со своими родителями’.

Интересно, что приведенные производные существительные участвуют в дальнейшей деривации, образуя метафоры-композицы социального типа со

вторым компонентом *Fraktion*: жарг. *Erzeugefraktion/Erzeugerfraktion* ‘родители’ [464, с. 585].

Социальный тип метафоры положен и в основу шуточного наименования родителей, имеющих младенцев: *Windelsklaven* (букв. ‘рабы пеленок’) [490].

В русском языке анализируемый НМП актуализируется в лексеме *генофонд* (‘вся совокупность видов живых организмов с проявившимися и потенциальными наследственными задатками’), которая употребляется в молодежном жаргоне в значении ‘родители’ [490, с. 128].

3.1.1.5 НМП «регулятивно-воспитательная функция». Данный НМП у СМНР связан со стремлением родителей оградить (защитить) своих детей от возможных опасностей, неприятностей, необдуманных поступков.

Так, в английском и немецком языках для номинации родителей, которые уделяют чрезмерно большое внимание своему ребёнку, особенно в образовательных учреждениях, следят за каждым его поступком и решением, пытаются уберечь и решить все проблемы используется артефактная метафора, построенная на переносе с транспортного средства (вертолета) на родителей [32, с. 112]. Действия родителей, их покровительство, поддержка и т. п. ассоциируется в номинативно-мотивирующей структуре СМНР с полетом вертолета, который с высоты получает всю информацию относительно наблюдаемого объекта (ребёнка/детей), сравним словарные толкования и примеры употребления следующих СМН: англ. сленг. *helicopter parent* <a parent who is overly involved in the life of their child. They tend to hover over their every movement and decision. Often times they take control and do tasks on their behalf. They also enjoy broadcasting the details and events of their child's life to anyone who will listen. Helicopter Parents do not ease up with age, in fact as the child grows up the tighter their grasp becomes> (букв. ‘родитель-вертолет’) [491] и нем. разг. *Helikopter-Eltern/Hubschrauber-Eltern* < Umgangssprachlich überfürsorgliche Eltern, die sich ständig in der Nähe ihrer Kinder aufhalten, um diese zu behüten und zu überwachen. Man verwendet die Metapher eines ständig um die Kinder kreisenden

Beobachtungs-Hubschraubers für solche Eltern, deren Erziehungsstil durch Überbehütung und exzessive Einmischung in die Angelegenheiten der Kinder oder Heranwachsenden geprägt ist> (букв. ‘родители-вертолеты’) [494]:

(19) англ. сленг. Jan: *Are Jane's **helicopter parents** back in town this weekend?*
 Judy: *Do you really have to ask that question? They're ALWAYS in town for the weekend.* Jan: *Poor, poor Jane* Джен: ‘А родители Джейн, страдающие гиперопекой (букв. ‘родители-вертолеты’), вернулись в город в эти выходные?’ Джудит: ‘Тебе действительно нужно задавать этот вопрос? Они ВСЕГДА в городе на выходные’. Джен: ‘Бедная, бедная Джейн’;

(20) нем. разг. *Meine **Helikoptereltern** machten mich zum Psychotherapiefall* [555] ‘Из-за моих родителей-вертолетов (т. е. ‘гиперзаботливых родителей’ мне пришлось проходить курс психотерапии’.

В немецком языке НМП «регулятивно-воспитательная функция» отмечена также у двухкомпонентного СМНР-композиата с метафорическим переосмыслением обоих компонентов. В основе данного СМНР лежит социальная метафора: нем. разг. *Sklavenwächter* (букв. ‘вахтеры рабов’) ‘родители’ [532, с. 772].

Данный признак также обнаружен у немецкого СМНР с пейоративной оценкой данной функции родителей, которая выражается, в частности, посредством зооморфной метафоры и мифонима. Так, плохих, беззаботных родителей, бросающих своих детей, в немецком языке именуют *Rabeneltern* <herzlose Eltern. Angeblich handeln die Raben hart und grausam gegen ihre Jungen: man sagt ihnen nach, sie würfen die Brut aus dem Nest, wenn sie des Fütterns überdrüssig seien. Die wissenschaftlich unhaltbare Behauptung geht zurück auf die Bibel, wo gesagt wird, die Raben kümmerten sich nicht um ihre Jungen> (букв. ‘родители-вороны’) [532, с. 446]. Как видно из словарного толкования, пейоративная оценка поведения родителей выражается при помощи прилагательного *herzlos* (‘бессердечный’), наречий *hart* (‘жесткий, грубый, резкий, черствый’) и *grausam* (‘жестокий, свирепый, лютый, зверский’):

(21) нем. разг. *Sie halten uns jetzt bestimmt für **Rabeneltern*** [555] ‘Вы, должно быть, думаете, что мы бессердечные родители’.

С другой стороны, ворчливость, недовольство родителей своими детьми выражает мифоним *Quälgeister* (‘мучающие духи’) мол. разг. ‘родители’ [532, с. 641]. Например:

(22) нем. мол. разг. *Du kennst doch noch diese beiden **Quälgeister** von Wilda* [555] ‘Ты же знаешь этих обоих мучителей (т.е. ‘родителей’) Вильды’.

Отметим, что в словаре В. Д. Девкина коллоквиализм *Quälgeist* употребляется и для номинации детей [468, с. 570]. Например:

(23) нем. шутл., преувелич. *Die kleinen **Qualgeister** folgten der Mutter auf Schritt und Tritt* [551] ‘Маленькие мучители следовали за матерью по пятам’.

3.1.2 ТП «Мать»

Мать олицетворяет для детей "крепость", укрытие и прибежище, в которой можно спрятаться от своих невзгод. Именно к ней чаще всего обращаются дети, если у них возникают проблемы, с ней они делятся своими горестями и радостями. Мама как "подушка безопасности", проводник между миром и детьми.

Тематическая подгруппа СМНР «Мать» (за исключением украинского языка) обнаруживает в большинстве языков высокую продуктивность (нем./русс. – 45 ед.; англ. – по 44 ед.; укр. – 28 ед.). НМП данных СМНР выступают: 1) репродуктивный НМП; 2) геронтологический НМП; 3) автократический НМП; 4) НМП «регулятивно– воспитательная функция»; 5) НМП «внешние данные»; 6) НМП «матримониальный статус». Рассмотрим подробнее данную ТП с указанными признаками.

3.1.2.1 Геронтологический НМП реализуется у СМНР «Мать» с различной активностью: в английском и немецком языках его активность заметно выше по сравнению с русским и украинским (англ. – 9 ед.; нем. – 6 ед.; русск./укр. – по 1 СМНР).

В английском языке подгруппу СМНР «Мать» с признаком возраста представляют различные структурные типы: 1) сокращения: сленг. *o.g.* ← *old*

girl ‘мать’ [527, с. 212]; 2) полуаффиксальные образования: разг. *old girl* (букв. ‘старая девочка’) ‘мать’ [519, с. 564]; 3) рифмованные сленгизмы: *old grabem pudden mother* ‘мать’ [527, с. 212].

В немецком языке в данную подгруппу входят: 1) конверсивы: разг. *Alte* (←*alt* ‘старый’) ‘мать’ [532, с. 24]; 2) суффиксальные СМНР: разг. *Altsche* (←*alt*) ‘мать’ [532, с. 24]; 3) композит: разг. *Ahnfrau* (*Ahn* ‘предок, родоначальник’ + *Frau* ‘женщина’) ‘родоначальница/мать’ [532, с. 21].

В русском языке единичным примером является суффиксальное СМНР арг. *старишка* (←*старый*) ‘мать’ [466, с. 868], в украинском – конверсив разг. *стара* (←*старый*) ‘мать’ [507].

3.1.2.2 НМП «регулятивно-воспитательная функция» (англ./нем. – по 4 ед.; русск./укр. – по 2 ед.). СМНР с данной номинативно-мотивирующим признаком называют мать, которая чрезмерно опекает своего ребёнка и не желает, чтобы тот самостоятельно отвечал за свои поступки.

Так, для номинации беспокойной, излишне опекающей своего ребёнка (детей) матери, в немецком, русском и украинском языках используют схожий анималистический образ – наседки, ср.: русск. разг. *наседка* [466, с. 582]; нем. разг. *Glucke* [532, с. 300]; укр. разг. *квочка* [507].

По аналогии с подгруппой СМНР «Родители» (см. п.п. 3.1.1), в английском и немецком языках отмечены номинатемы, в основу которых положена артефактная метафора – перенос с транспортного средства на человека, ср.: англ. сленг. *helicopter mom* (букв. ‘мать-вертолет’) [491], нем. разг. *Helikopter-Mutter/Helikoptermutter* (букв. ‘мать-вертолет’) [558]. Например:

(24) англ. сленг. *Joey moved across the country to escape his helicopter mom, but she still calls him six times a day* [491] ‘Джои переехал на другой конец страны, спасаясь от своей "мамы-вертолета" (т.е. чрезмерно контролирующей матери), но она все еще звонит ему шесть раз в день’;

(25) нем. разг. *Ich habe festgestellt, dass es für mich nicht praktikabel ist, eine Helikoptermutter zu sein. Ich bin dahingehend entspannt pragmatisch, weil ich nun*

einmal nebenbei arbeite. Ich versuche pädagogisch sinnvoll zu agieren, aber nicht überzubemuttern [551] ‘Я обнаружила, что быть "мамой-вертолетом" для меня непрактично. Я расслаблена и прагматична, потому что теперь я работаю рядом. Я стараюсь действовать педагогически разумно, но не переусердствовать’.

В английском языке для номинации матери, которая стремится контролировать своих детей и знать всё об их жизни (даже когда они покинули отчий дом), употребляется двухкомпонентный композит *smother mother* (‘мать-душительница’) [491]. Например:

(26) англ. сленг. Rachel: “*My Mom is driving me nuts!*” Tom: “*Why’s that?*” Rachel: “*I moved out 2 years ago, but she has to constantly know where I’m going, who with and for how long I’m out*”. Tom: “*Bummer, girl*”. Rachel: “*Yeah, she is a “Smother Mother”, for sure* [491] Рэйчел: “Моя мама сводит меня с ума!” Том: “Почему это?” Рэйчел: “Я съехала 2 года назад, но она должна постоянно знать, куда я иду, с кем и как долго я отсутствую”. Том: “Облом, девочка”. Рэйчел: “Да, она "мать-душительница", это точно”.

Мать, уверенную в гениальности своего ребёнка, всеми силами продвигающую его карьеру, либо мать, которая учит своего ребёнка как отвечать на вопросы врача, т.к. у нее есть предвзятое представление о диагнозе и лечении, именуется в английском языке *stage mother* (‘сценическая мать’) [527, с. 936]. Например:

(27) англ. сленг *Ethel Merman's a stage mother who really pushes her daughter* [555] ‘Этел Мерман – мать-агент, которая заставляет дочь делать карьеру...’.

Добавим, что СМН "псевдо-матерей", которые не занимаются воспитанием своих детей, а перекладывают свои функции на других людей, отмечены во всех сопоставляемых языках (нем. – 2 ед.; англ./русс./укр. – по 1 СМНР). Данные СМНР имеют оттенок неодобрения, выражают сугубо отрицательное отношение говорящего к таким "недоматерям". В русском и украинском языках для номинации беззаботной матери, которая бросает своих

детей на попечение других, используется схожий орнитоним [53, с. 83], ср.: русск. разг. *кукушка* [495], аналогично: укр. разг. *зозуля* [504], например:

(28) русск. разг. *В Якутии 29-летняя мать-кукушка бросила четверых малышей на двое суток в частном доме;*

(29) укр. разг. *У Кривому Розі мати-зозуля покинула напризволяще сімох дітей* ‘В Кривом Роге мать-кукушка бросила на произвол судьбы семерых детей’.

В немецком языке отмечено СМНР с аналогичным признаком, выраженным, однако, другим зоонимом: *Rabenmutter* <eine Mutter herabwürdigt, die ihre Kinder aus Sicht des Sprechers vernachlässigt> (букв. ‘мать-ворона’) <мать, которая не печется о своих детях> [543]. Аналогичное значение отмечено у коллоквиального СМНР *Aftermutter* груб. ‘скверная, незаботливая, плохая мать’ [543]. Например:

(30) нем. разг. *Ich weiß es nicht, ich meine, vielleicht... Du weißt schon, vielleicht liegt es daran, dass ich mich schon wie eine **Rabenmutter** fühle. Oder vielleicht weil ich eine **Rabenmutter** hatte* ‘Я не знаю, может быть... может, это потому, что я чувствую себя некудышной матерью, или может потому, что у меня самой была некудышная мать, которая не оказала мне ни малейшей поддержки в самый трудный момент моей жизни’.

В английском языке для номинации подобных матерей используется композит *runaway mom* (‘мать-беглянка’), например:

(31) англ. *Thankfully, **runaway mom** and wife Tiffany Tehan, who everyone thought had been abducted in Ohio last weekend, was found safe and sound in a car outside a hotel in Florida with her boyfriend* [551] ‘К счастью, сбежавшая мама и жена Тиффани Техан, которую все считали похищенной в Огайо в прошлые выходные, была найдена целой и невредимой в машине возле отеля во Флориде со своим бойфрендом’.

3.1.2.3 Автократический НМП. СМНР с данным признаком обнаружены в английском, немецком и русском языках (нем. – 7 ед.; русск. – 4 ед.; англ. – 1 СМНР). Как правило, воспитанием ребёнка в семье занимается мать, она

распоряжается жизненными благами, на ней лежит ответственность за наказания и поощрения в семье. Этим объясняется появление в сопоставляемых языках социальных СМНР-метафор, которые возникли в результате приписывания матери высокого социального статуса, должности, звания. Так, в английском, немецком и русском языках мать сравнивают с дамой, имеющей знатное происхождения, ср.: нем. разг. *meine alte Dame* (букв. ‘моя старая дама, госпожа’) [532, с. 155]; англ. сленг. *queen* <a mother. As the ruler of the house> (букв. ‘королева’) [519, с. 524]; русск. мол. сленг. *ханочка* (←*хан*, тюрк. *кан*; монг. *каан* ‘властитель, монарх’) [482, с. 649]. Например:

(32) нем. разг. *Meine alte Dame beschwert sich immer* [555] ‘Моя старая дама (т.е. ‘мать’) всегда жалуется’.

В немецком и русском языках мать ассоциируется также с руководителем, начальником, ср.: нем. разг. *Chefin* (букв. ‘начальница’) ‘мать’ [532, с. 150]; русск. арг. *паханка* (←*пахан* крим. жарг. ‘главарь преступной группы; преступник, имеющий власть, авторитет’) ‘мать’ [466, с. 656], арг. *махан/маханка/маханиша* ‘мать’ [466, с. 530], например:

(33) нем. разг. *Meine Chefin darf über die Party nicht erfahren* [555] ‘Моя госпожа (т.е. ‘мать’) не должна узнать о вечеринке’;

(34) русск. арг. *Сивый – отморозок, от него даже маханка отказалась* (т.е. ‘мать’) [466, с. 530].

Перенос названия высшего законодательного органа в государстве и его функций на функции, выполняемые матерью в семье, представлен лишь в немецком языке: нем. разг. *Parlament* <Mutter. Vielleicht Anspielung auf die langen Debatten, die die Kinder mit der Mutter führen müssen, oder auf die „gesetzgebende“ Funktion> (букв. ‘парламент’) ‘мать’ [532, с. 594], шутл. разг. *höhere Gewalt* <Vater, Mutter o. ä. Es sind Naturgewalten, denen man sich beugen muß. Jug 1950 ff.> (букв. ‘высшая власть’) ‘отец/мать’ [532, с. 294]. Данные номены имеют ироничный оттенок, передающие шутливо-пейоративное отношение говорящего к матери, например:

(35) нем. разг. *Nö, heute kann ich nicht kommen, höhere Gewalt ist zu Hause* ‘Нет, сегодня я не могу прийти, мать (букв. ‘высшая власть’) дома’.

В русском языке матерей именуют *матренами*. Данное СМНР восходит к женскому имени латинского происхождения *Матрена/Матрона* (←*matrona* ‘почетная дама/мать семьи/хранительница очага’), например:

(36) русск. разг. *Да на самом деле там матрена Катьки постаралась. Она, блин, хотела их еще той осенью поженить* [552].

Анализируемый признак представлен и у немецких СМНР, образованных в результате контаминации: нем. разг. ласк. *Mamandant* ‘авторитарная мать’ [490] и *Momager* ‘авторитарная мать-продюсер, основная цель которой – продвижение карьеры своего ребёнка (яркими примерами таких матерей являются, например, матери Линдсей Лохан и Бритни Спирс)’ [490]. Например:

(37) нем. разг. *Ich kann nachher nicht mitkommen Ich muss zu Hause bleiben – Mamandant sei Dank...* [490] ‘Я не смогу потом пойти с тобой, мне придется сидеть дома – спасибо моему домашнему коменданту (т.е. ‘маме’)...’;

(38) нем. разг. *Momager müsste man verbieten, da diese gegen das Gesetz der Sklaverei verstoßen* [490] ‘Матеря-продюсеры должны быть под запретом, они нарушают конвенцию о рабстве’.

В немецкой лингвокультуре у СМН «Мать» отмечена шутовская функция – менеджера домашнего хозяйства и семьи: нем. разг. *Herdmanagerin* (‘менеджер печи’) ‘мать/жена’ [490], разг. *Familienmanagerin* (‘семейный менеджер’) ‘мать’ [490]. Например:

(39) нем. разг. *Meine Mutter geht nicht arbeiten. Die ist Herdmanagerin* [490] ‘Моя мама не работает. Она менеджер печи’.

Ведущую роль матери в семье и одновременно ее паритетные права с отцом подчеркивает существительное мужского рода *Besserwisser* (букв. ‘тот, кто знает лучше’) может обозначать как отца, так и мать [532, с. 99], ср.:

(40) нем. разг. *Vater ist Besserwisser, sollte ich mich schämen? Ich bin 13 und mein Vater ist nervig, wenn irgendein Arzt sagt, das ist so und so, dann sagt mein*

Vater nein, der Arzt habe keine Ahnung, denn das ist so und so... [565] ‘Отец всезнайка, мне должно быть стыдно? Мне 13 лет, и мой отец раздражается, если какой-то врач говорит, что это так и так, тогда мой отец говорит, что нет, врач не имеет ни малейшего представления, потому что это так и так...’;

(41) нем. разг. *Meistens bleiben schreckliche **Besserwisser-Mütter** schreckliche **Besserwisser-Mütter**. Und diese Klugscheißerinnen sind einfach überall und gehen einem auf die Nerven* [565] ‘В большинстве случаев ужасные мамаше-всезнайки остаются ужасными мамашами-всезнайками. И эти умницы просто везде и действуют всем на нервы’.

3.1.2.4 НМП «внешние данные» обнаружен только в английском (2 ед.) и русском (1 СМНР) языках.

В английском языке для наименования сексуально привлекательной и ухоженной матери, которая носит модную одежду, употребляется композит с первым компонентом-глуттонимом: *yummy tummy* (букв. ‘аппетитная мамочка’) ‘сексуальная мамочка’ [519, с. 858; 527, с. 2148]:

(42) ам. сленг. *There is nothing a **yummy tummy** likes more than leaving the kids with dad and taking off for a pedi and a mini manicure* [491] ‘Больше всего сексуальным мамочкам нравится оставлять детей с папой и отправляться на педикюр и мини-маникюр’.

С аналогичным НМП отмечена обценная инициальная аббревиатура *MILF/milf* (←*mother I'd like to fuck*) ‘сексуально привлекательная мать’ [491]:

(43) ам. сленг. *Devan Andersons mom was SO hot. Shes a deff. **Milf*** [491] ‘Мама Девана Андерсона была ТАКАЯ горячая. Она определенно секси. Я бы с ней переспал’.

В русском языке для СМН матери с НМП «внешние данные» используется отрицательный персонаж славянской мифологии и фольклора *яга* <уродливая старуха, владеющая волшебными предметами и наделённая магической силой, мать всего живого>:

(44) русск. разг. груб. Я, мальчик, раздобыла немножко денег, если хочешь я. – Идите, идите, – прервал я ее в ужасной тревоге, что сейчас выйдет Соня и увидит и догадается, что эта ужасная *яга* – моя мать. – Идите же, говорю я вам, чтоб вашего духу здесь не было, – повторил я, не имея возможности здесь на улице прогнать ее силой голоса и потому назвал ее на «вы» [552].

3.1.2.5 НМП «матримониальный статус» (нем. – 2 ед.; англ. – 1 СМНР).

В английском языке для номинации незамужней матери используется композит *baby mother* (букв. ‘мать ребёнка’) [519, с. 71], а в немецком языке – *Pängmädchen* [532, с. 590]. Мать-одиночку, которая в «активном поиске», т. е. ищет себе мужа, кормильца (семьи), в немецком языке именуют *Altlastenschleuder* (букв. ‘старый груз/поклажа, подлежащая выбросу на свалку’) [490]. Например:

(45) англ. сленг. *I couldn't have robbed the 7/11 officer, I was with my **Baby Mother** all night* [491] ‘Я не мог ограбить офицера 7/11, я всю ночь был с матерью моего ребёнка’;

(46) нем. разг. *Bleib bloß von der **Altlastenschleuder** fern, die saugt dich sonst komplett aus!* [490] ‘Просто держись подальше от старой поклажи, иначе она высосет из тебя все!’.

3.1.2.6 Репродуктивный НМП. СМНР с данным НМП обнаружены лишь в германских языках (нем. – 5 ед.; англ. – 4 ед.). Добавим, что в обоих языках этот признак отмечен у двухкомпонентных композитов. В английском языке для номинации биологической матери используются композиты *birthmother/birth mother* (←*birth* ‘рождение’ + *mother* ‘мать’) [496] и сокращение *bmother* (←*b[ir]thmother*) [491]. Например:

(47) англ. сленг. *I learned the identity of my **bmother** and she was happy I found her* [491] ‘Я установил личность моей биологической матери и она была рада, что я нашел ее’.

В немецком языке данный НМП отмечен у композитов с метафорически полным и частичным переосмыслением его компонентов: нем. разг. перен.

Milchkuh (букв. ‘молочная корова’) ‘многодетная мать’, *Gebärmachine* <Frau, deren einzige Lebensberechtigung es sein soll, Kinder in die Welt zu setzen; Mutter sehr vieler Kinder> (‘машина для продолжения рода’) ‘многодетная мать’ [532, с. 273]:

(48) нем. разг. *Bei uns nebenan ist eine Milchkuh eingezogen. Ich glaub die hat schon eine Fußballmannschaft samt Ersatzbank zusammen.* ‘К нам по соседству переехала многодетная мать. Думаю, у нее уже есть футбольная команда и скамейка запасных’.

В английском и немецком языках выявлены также сходные СМНР-метонимы соматического типа, ср.: англ. сленг. *tamma/tammae* (букв. ‘грудь/молочная железа’) ‘мать’ [491], аналогично: нем. разг. *Mamma/Mamme* ‘мать’ [532, с. 510].

Такая функция матери, как вынашивание ребёнка в своем чреве/утробе, находит свое метонимическое отражение и в английском сленговом СМНР *maw* ‘мать’ (←*maw* ‘утроба/ матка’) [519, с. 507].

Отметим, что в германских языках встречаются гендерно маркированные наименования матери, репрезентирующие стереотипы общества на роль мужчины и женщины [217, с. 10]. Данные СМНР представлены в английском языке производными с полусуффиксами *-woman, -lady, -girl*: *old girl/old woman/old lady* ‘мать’ [519, с. 564–565], в немецком языке – производными с полусуффиксом *-frau*: разг. *Ahnfrau* ‘родоначальница, мать’ [532, с. 21], разг. *Gebärfrau* ‘биологическая мать; мать, которая сразу после рождения или спустя какое-то время покидает ребёнка’ [489], ср.:

(49) англ. сленг. *My old girl asked me to pick her up somthin at da store* [491] ‘Моя старушка попросила меня забрать ее в каком-то магазине’;

(50) нем. разг. *Meine Gebärfrau hat mich zur Adoption frei gegeben* ‘Моя биологическая мать отдала меня на усыновление’.

3.1.3 ТП «Отец»

В современной семье отец воспринимается как мужчина, который несет ответственность за жизнь и здоровье всех членов семьи, обеспечивает их

материальными благами, поддерживает, помогает жене. В семье образ отца ассоциируется с всемогуществом, так как он – самый сильный, самый умный, самый выносливый. Эти и другие признаки (функции) находят свое закрепление и в языке [45, с. 57–60].

Тематическая подгруппа СМНР «Отец» является продуктивной в большинстве сопоставляемых языков (за исключением украинского языка) (англ. – 48 ед.; русск. – 44 ед.; нем. – 31 ед.; укр. – 12 ед.). У СМНР со значением «Отец» выявлено семь НМП:

3.1.3.1 Геронтологический НМП у СМНР «Отец» отмечен во всех сопоставляемых языках, часто окказионально обозначает отсталость субъекта, его взглядов от современной жизни. В английском языке он представлен наибольшим количеством языковых единиц (англ. – 7 ед.; нем. – 4 ед.; русск. – 2 ед.; укр. – 1 СМНР). При этом признак возраста передается преимущественно полуаффиксальными СМНР с атрибутивным компонентом *old* (3 ед.): *old boy/old man* ‘отец’ [519, с. 564]. Геронтологический НМП отмечен также у рифмованных сленгизмов *old pot* (сокращение от *old pot and pan* (‘старый горшок и сковорода’) – *old man* ‘отец’ [519, с. 565] и у СМНР *popout* сленг. ‘отец’, образованного в результате сращения фразы (*pop out* ‘внезапно гаснуть/удалиться, выскальзываться’) [535, с. 784]. Консервативность взглядов отца, его старомодность выражает также аббревиатура *timer* (сокращение от *old-timer* (‘старый таймер/хронометр’) сленг. ‘отец’, в основе которой лежит артефактная метафора [519, с. 653], например:

(51) англ. сленг. *It ain't no use **old timer**, he won't listen to me, he won't listen to nobody* [561] ‘Это бесполезно, старик, он не будет слушать меня, он никого не будет слушать’.

В немецком разговорном языке геронтологический НМП отмечен у конверсивов: *Alter* (←*alt* ‘старый’) ‘отец’ [532, 23], *Oller* (←*oll* ‘старый’) ‘отец’ [532, 585], разг. *Antiker* (←лат. *antiquus* ‘старый’) ‘отец’ [532, 29]. Например:

(52) нем. разг. *Mein Alter hat mir das verboten* [490] ‘Мой старик запретил мне это’.

В русском языке анализируемый признак обнаружен у двух СМНР: жарг. *предок* ‘отец’ [465, с. 433], разг. *старик* (←*старый*) ‘отец’ [495]. Например:

(53) русск. разг. *Дело в том, что мой старик* (т.е. ‘отец’), *который давно уже умирает с вами встретиться, неожиданно появился в мой офис. Вряд ли у нас будет лучший шанс для того, чтобы собраться вместе* [552].

В украинском языке геронтологический признак выявлен лишь у единичного конверсива *старий* (←*старый*) жарг. ‘отец’ [505, с. 310]. Например:

(54) укр. жарг. *Мій старий, така вже він людина, усе норювить перетворити на Неабиякий Жарт. Що тут скажеш? Полюбляє людина здоровий сміх.* [553] ‘Мой старик, такой уж он человек, все норовит превратить в Изрядную Шутку. Что тут скажешь? Любит человек здоровый смех’.

3.1.3.2 Автократический НМП. Отец представляет социум внутри семьи, он выполняет функцию социального контроля, устанавливает законы и правила, определяет образ жизни домочадцев. Он также оценивает, устанавливает границы, по которым детям предстоит жить в этом мире, выдвигает требования, осуществляет санкции и наказания. Это обуславливает появление в языке социальных метафор (см. глава 2, п. 2.1.11, п.п. 2.1.11.1.3). Отец как глава семьи ассоциируется в сопоставляемых языках с руководителем, начальником, ср.: нем. разг. *Häuptling* (‘главарь/предводитель’) ‘отец’ [532, с. 331], разг. *Familienminister* (букв. ‘министр семьи’) ‘отец’ [532, с. 221]; англ. разг. *tata's boss* (букв. ‘мамин начальник’) ‘отец’ [519, с. 413], сленг. *governor* (букв. ‘правитель/начальник’) ‘отец’ [527, с. 212]. Отметим, что в русском и украинском языках обнаружены схожие метафорические образы, ср.: русск. арг. *патрон* (←исп. *Patrón* ‘хозяин, начальник, босс’) ‘отец’ [466, с. 654], жарг. *пахан* (←*пахан* крим. жарг. ‘главарь преступной группы; преступник, имеющий власть, авторитет’) ‘отец’ [465, с. 385], аналогично: укр. сленг. *пахан* ‘отец’ [505, с. 224], сленг. *бос* ‘отец’ [505, с. 66]. Например:

(55) нем. разг. *Ich muß mich jetzt verabschieden. Mein Chef ist nämlich mit den Kindern allein zu Hause* [468, с. 147] ‘Мне пора прощаться. Мой босс (т. е. ‘отец’) дома один с детьми’;

(56) русск. жарг. «Садись со мной, мне **пахан** (т. е. ‘отец’) тачку отдал, с пацанами пять на пять выскочим, потом по Ленина вверх-вниз прокатимся...» [552];

(57) укр. сленг. *Він щось побренькує й питає: – А що, пахан, не упознал? Я твоя синаша! Тому моє завдання – полегшити ваші страждання і безкорисливо допомогти вам* [553] ‘Он что-то побренькивает и спрашивает: – А что, пахан, не узнал? Я твой сынаша! Поэтому моя задача – облегчить ваши страдания и бескорыстно помочь вам’.

С отцом часто ассоциируется закон. Так, в украинском языке отца называют *бастій* (←итал. *basta*, 3 л. ед. ч. наст. вр., а также императив 2 л. ед. ч. от глагола *bastare* ‘быть достаточным’, употребляют как заявление о желании или необходимости прекратить, завершить что-то: достаточно!, аналогично в немецком: *basta!* межд. ‘Все! Конец!’). Например:

(58) укр. разг. *Після моєї останньої вилазки бастій, а щоб він скис, як справжній наглядач і кроку ступити не дає* [553] ‘После моей последней вылазки отец, а чтобы он скис, как настоящий надзиратель и шагу ступить не дает’.

В семьях отцовский авторитет воспринимается как продолжение вертикали власти, на вершине которой стоит "Небесный Правитель", а каждая вышестоящая власть выступает как символ для нижестоящих, которых он порождает, содержит, контролирует, дисциплинирует и наставляет на путь истинный, ср. в этой связи: нем. мол. разг. *Paternoster* ‘многодетный отец’ [532, с. 595]. Например:

(59) нем. мол. разг. *Mein Onkel ist ein Paternoster, er hat schon eine Fußballmannschaft zu Hause* [551] ‘Мой дядя – многодетный отец, у него дома уже есть целая футбольная команда’.

Добавим, что в английском, немецком и русском языках существуют сходные кальки с латинского *pater* ‘отец/отче’ (в широком смысле –

католический священник, ксёндз), ср.: англ. сленг. *pater*/нем. разг. *Pater*/русск. шутл. *намер* ‘отец’ и нем. устар. шутл. *Paterfamilias*. Например:

(60) англ. сленг. *Do you have any idea how extravagant that sister of mine is? The pater gives her fifty pounds a year as a dress allowance and she has nearly always spent it by the end of the first month.... The pater pays for holidays and he's about to buy her a car, though she can borrow the family car and chauffeur whenever he doesn't want them.*

[549] ‘Ты хоть представляешь, насколько экстравагантна моя сестра? Отец дает ей пятьдесят фунтов в год на одежду, и она почти всегда тратит их к концу первого месяца... Отец платит за ее отпуск, и он собирается купить ей машину, хотя она может одолжить семейный автомобиль и шофера, когда он не работает на них’;

(61) русск. шутл. *Мой намер мне новую тачку приобрел* [512, с. 217];

(62) нем. разг. *Ich könnte mir vorstellen, dass Pater im Bilde ist* [555] ‘Мне кажется, патер (т.е. ‘отец’) в курсе’.

3.1.3.3 Репродуктивный НМП. Данный признак представлен лишь у СМН «отец» германских языков. При этом в немецком языке данный НМП заметно превосходит по своей активности английский язык (нем. – 11 ед.; англ. – 1 СМНР).

Так, для номинации отца, у которого рождаются лишь дочери, в английском языке используется композит *buttonhole maker* (букв. ‘производитель петлей’) [519, с. 110], в котором репродуктивный НМП выражает его второй компонент *maker* (←*to make* ‘делать, производить’). Напротив, в немецком, в аналогичном значении, выступают производные СМНР со сложным суффиксом *-macher*: *Taschenmacher* (букв. ‘изготовитель сумок’) [532, с. 824], *Büchsenmacher* (букв. ‘изготовитель жестянок’) [532, с. 139]. В основе выше приведенных английских и немецких СМНР лежит метафорическое переосмысления именного компонента композита: *buttonhole/Tasche/Büchse* разг. ‘женский половой орган’. Например:

(63) нем. разг. *„Mein Vater bezeichnete sich selbst, nach meiner Geburt und der enttäuschenden Feststellung, daß ich ein lebendgeborenes Mädchen war, als Büchsenmacher“* [556] ‘После моего рождения и разочарования от того, что у

него родилась девочка, мой отец назвал себя оружейником (т.е. ‘отцом, у которого рождаются одни дочери’).

Кроме того, в немецком языке репродуктивная функция отца передается суффиксальными СМНР, мотивированными глаголами эффицирования (создания): *herstellen/erzeugen/produzieren* ‘производить, порождать’ → *Hersteller/Erzeuger/Produzent* (букв. ‘производитель’), т.е. ‘отец’ [532, с. 342, 629, 214]. К ним примыкает и СМНР-композит *Balkonbauer* (букв. ‘тот, кто строит балконы’) разг. ‘многодетный отец’ [532, с. 75], в котором базовый компонент (*Bauer*) также мотивируется глаголом созидательной деятельности (←*bauen* ‘строить’).

В немецкой лингвокультуре для номинации многодетного отца используют СМНР-композит *Massenvater* перен. разг. ‘многодетный отец’ [532, с. 524] и словосочетание *vielköpfiger Familienvater* (букв. ‘многоголовый семьянин’) [532, с. 221].

3.1.3.4. НМП «экономическая функция». Несмотря на то, что во многих современных обществах в силу исторических традиций роль кормильца семьи выполняет отец (добывает финансовые средства, содержит семью и т.п.), данный НМП отца отмечен лишь у английских и немецких СМНР (нем. – 5 ед.; англ. – 2 ед.), образованных в результате следующих типов метафорических переносов:

1) *социальная метафора*: англ. сленг. *relieving officer* (‘попечитель, оказывающий помощь бедным, т.е. снабжает их, дает им помощь’) ‘отец’ [527, с. 212];

2) *артефактная метафора*. Так, в английском языке отмечена лексема, называющая отца как источника финансирования студента колледжа: сленг. *wallet* (букв. ‘бумажник’) ‘отец’ [491]; в немецком языке как снабженца, который своевременно обеспечивает ребёнка материальными благами, ср.: нем. разг. *Geldgeber* (букв. ‘дающий деньги’) ‘отец’, нем. разг. *Fliesenleger* (‘тот, кто кладет денежную банкноту достоинством 100 марок’) ‘отец’ [490], например:

(64) англ. сленг. *Let me have a chat with my wallet tonight and see what he says, then I should be able to buy it!* [491] ‘Дайте мне вечером поговорить с моим кошельком (т. е. ‘отцом’) и посмотреть, что он скажет, тогда я смогу это купить!’;

(65) нем. разг. *Mein Geldgeber ist im Moment ein wenig verärgert* [555] ‘Ну, мой отец сейчас слегка не в себе’;

3) *глюттотонимная метафора*: нем. разг. *Brötchengeber* (букв. ‘тот, кто дает хлеб’) ‘отец, который дает детям карманные деньги’ [532 с. 134].

В немецком языке данный НМП выявлен также у суффиксального СМНР разг. *Ernährer* <jmd., der jmds. Wirtschaftliche Bedürfnisse bestreitet, der jmdn. unterhält> (букв. ‘кормилец’) ‘отец’ [551].

3.1.3.5 НМП «функция досуга» (англ./нем. – по 1 СМНР). В английском языке данный НМП отца реализуется у СМНР, образованного в результате локального типа метонимического переноса [318, с. 48], ср.: сленг. *zoo daddy* (букв. ‘зоопарковый папа’) ‘разведённый отец, встречающийся с детьми в зоопарке по выходным, так как не знает, что с ними делать без помощи матери’ [494]. Например:

(66) англ. сленг. *I grew up alone with my Mom and have only vague recollections of my zoo daddy buying me ice-cream on a Sunday* [494] ‘Я росла одна с мамой, и у меня остались лишь смутные воспоминания о том, как мой воскресный папа в зоопарке покупал мне мороженое по воскресеньям’.

Аналогичный НМП отца заложена в немецкий композит *Sonntagsvater* (букв. ‘воскресный папа’), т.е. ‘отец, который проводит свое время с семьей только по воскресеньям’ [532, с. 776]:

(67) нем. разг. *Damals waren die Väter nur Sonntagsväter*“, *erinnerte sich Marcks*, „*ich weiß noch, wie wütend ich war, als mein Mann einfach die Tür zu seinem Büro abschloss, um in Ruhe arbeiten zu können* [551] ‘В то время отцы были просто воскресными отцами, – вспоминала Маркс, – я помню, как я злилась, когда мой муж просто запирал дверь в свой кабинет, чтобы иметь возможность спокойно поработать’.

3.1.3.6 СМН «Отец» с НМП «внешние данные» зафиксированы только в германских языках и представлены единичными примерами в каждом языке, ср: англ. сленг. груб. *DILF/dilf* сокращение от *dad I'd like to fuck* 'сексуально привлекательный отец'. Отметим, что в немецком языке для номинации отцов (в возрасте 30 лет), которые проводят время со своей семьей в кругу других отцов в так называемых "пабах для папаш", носят одежду марки *Jack Wolfskin* и являются воплощением среднего класса, используется заимствованное из английского СМНР *Daddys* [489]. Например:

(68) англ. сленг. груб. Girl #1: *Did you see that guy with the stroller over there? He's a total dilf!* Girl #2: *Yeah, but don't go up and flirt with him. That woman with him is probably his wife* [491] 'Девушка#1: 'Ты видела вон того парня с коляской? Он просто секси!' Девушка#2: 'Да, но не вздумай с ним флиртовать. Эта женщина рядом с ним, скорее всего, его жена';

(69) нем. разг. Peter: *"Na, gestern noch unterwegs gewesen?"* Kalle: *"Jo, sind in so 'ne Daddy-Kneipe rein! Der blanke Horror!"* [489] Петер: 'Ну, что вчера еще продолжили?' Калле: 'Да, зашли с Джо в паб для папаш! Настоящий ужас!'

3.1.3.7 СМНР «регулятивно-воспитательная функция». Данный признак отмечен у немецких лексем, номинирующих отцов, которые применяют физическое насилие в отношении своих детей: нем. разг. *Keiler* (←*keilen* 'бить/колотить') [532, с. 406], нем. разг. *Dreschmaschine* (букв. 'молотилка') [532, с. 178]. Отметим, что оба наименования имеют пейоративную оценку.

3.2 ТГ «Дети»

Во многих современных обществах дети являются важной частью семьи и отражают традиционные семейные ценности. С одной стороны, дети – это заботы, трудности, крик, шум, гам, с другой – радость, надежда, счастье. Данный факт обуславливает высокую продуктивность ТГ в сопоставляемых языках (англ. – 170 ед.; нем. – 120 ед.; укр. – 99 ед.; русск. – 95 ед.).

В семантическом плане анализируемая ТГ распадается на три ТП: «Ребёнок» (англ. – 155 ед.; нем. – 97 ед.; русск. – 90; укр. – 76 ед.), «Сын» (нем. – 16 ед.; укр. – 13 ед.; англ. – 7 ед.; русск. – 2), «Дочка» (укр. – 10 ед.; англ. – 8 ед.; нем. – 7 ед.; русск. – 3 ед.).

В германской и славянской языковых картинах мира номинация детей осуществляется разнообразным набором НМП, которые непосредственно или опосредованно (например, через родителей), связаны с ними (см. п.п. 3.2.1–3.2.8).

3.2.1 НМП «возраст ребёнка». Номинация ребёнка по его возрасту происходит по шкале "очень маленький (грудной ребёнок) – маленький ребёнок – средний ребёнок". Добавим, что в большинстве сопоставляемых языков НМП «возраст ребёнка» является одним из самых активных (англ. – 20 ед.; нем. – 16 ед.; русск. – 14 ед.; укр. – 7 ед.).

В сопоставляемых языках для номинации **очень маленьких детей** (до 1 года) часто используется номен, заимствованный из английского языка *baby* 'ребёнок/младенец/малютка'. При этом в немецком и украинском языках заимствование происходит без морфологических изменений, напротив, в русском языке, часто с добавлением к иноязычному слову исконных диминутивных суффиксов, ср.: нем. разг. *Baby-Kids*/русск. мол. жарг. *бэби/биёнок/бейбенек/бей-бис/бэбик*/укр. жарг. *бейбі* 'ребёнок, грудничок'. Например:

(70) нем. разг. *In einer Woche bekommt sie ihre **Baby-Kids*** 'Через неделю она родит своих бэбиков (т. е. 'детей')';

(71) русск. мол. жарг. *Наташка теперь одна с двумя **бэбиками*** [464, с. 92];

(72) укр. жарг. *Скільки років твоєму **бейбі**?* [553] 'Сколько лет твоему бэби (т. е. 'ребёнку')?'.

Часто номинация возраста ребёнка производится через метафорические и метонимические переносы, связанные с его развитием и нередко сопровождается субъективно-оценочным отношением говорящего к ребёнку [347, с. 123]. Так, в английском, немецком и русском языках используется образ сосущего молоко ребёнка, ср: англ. разг. *suckling* (←*suck* 'сосать, высасывать'),

nursling (←*nurse* ‘сосать/кормить грудью’) ‘очень маленький ребёнок/грудничок’ [494]; нем. разг. *Säugling* (←*säugen* ‘сосать/кормить грудью’) ‘ребёнок/грудничок’ [532, с. 696].

В русском и немецком языках отмечены СМН комбинированного (локально-соматического) типа переноса: русск. разг. *грудничок/грудняк* (т. е. ‘тот, кто находится у груди’) ‘ребёнок’ [510, с. 396], нем. разг. *Brustkind* (букв. ‘грудной ребёнок’) ‘ребёнок/грудничок’. К ним примыкает английский сленговый номен *Jack in the cellar* (букв. ‘Джек в подвале’) ‘еще не родившийся ребёнок; ребёнок в утробе матери’ [549] и нем. разг. *Vauchbewohner* (букв. ‘обитатель живота’) ‘ребёнок, который все еще находится в утробе матери’ [490]:

(73) русск. разг. *И потом, что значит, помогать с грудничком? Поносить на ручках, погремушкой потрясти, попу вытереть, искупать, грудь-то мамина нужна все равно, да?!* [510, с. 396];

(74) англ. сленг. «*When Tom's companions drank to the **Jack in the low cellar**, he could not help displaying an extraordinary complacency of countenance, and signified his intention of sending the young dog to sea as soon as he should be able to carry a cartridge, in hopes of seeing him an officer before his own death*» [549] ‘Когда друзья Тома пили за младенца, которому предстояло еще родиться, у него был чрезвычайно довольный вид, он захотел отправить своего щенка (т.е. ‘ребёнка’) в море, как только он сможет носить патрон, в надежде увидеть его офицером до своей смерти’;

(75) нем. разг. *Die jüngere ist noch ein **Brustkind*** [485] ‘Младшая – грудная еще’.

В немецком и русском языках для номинации младенцев используется также их одежда (атрибут одежды) – пеленки, ср.: нем. разг. *Wickelkind* (букв. ‘запеленованный ребёнок’) ‘младенец грудного возраста’ [494]; аналогично: русск. разг. *пеленашка* (т.е. ‘запеленованный ребёнок’) ‘младенец грудного возраста’ [495]. Например:

(76) нем. разг. *Gerade das klägliche Schreien ihrer Wickelkinder, sagt die Frau, fahre ihr mitten ins Herz* [551] ‘Именно жалобный крик ее младенцев, говорит женщина, насквозь пронзил ее сердце’;

(77) русск. разг. *Пеленашка* *ее спал в своей коляске* [552].

В английском языке новорожденный ребёнок метафорически номинируется *the new arrival* (букв. ‘новоприбывший’), т. е. появление нового члена семьи сравнивается с прибытием нового человека к определенному месту назначения [525]. Например:

(78) англ. сленг. *But since we're saving up for the new arrival, I'll have to find some other means to express my joy* [550] ‘Но поскольку мы копим деньги к появлению малыша, придётся найти другие способы выразить свою радость’.

Часто номинация маленького ребёнка в английском, немецком, и украинском языках производится по его типичным действиям. В структурном плане такие СМНР являются композитами, мотивируются словосочетаниями, ср.: англ. сленг. *ankle-biter* (букв. ‘кусающий лодыжки’) (←*to bite one's ankles* ‘кусать лодыжки’) [522, с. 29], *milksucker* (букв. ‘сосущий молоко’) (←*to suck some milk* ‘сосать молоко’) [519, с. 1492]; нем. разг. *Kniebeißer* (букв. ‘кусающий колено’) (←*Knie beißen* ‘кусать колено’) [489]; укр. жарг. *спиногриз* ‘ребёнок’ (←*грызть спину*) [505, с. 307]:

(79) укр. жарг. *Мій спиногриз геть від рук відбився, нічого не хоче робити, ледащо* ‘Мой спиногриз совсем от рук отбился, ничего не хочет делать, лентяй’.

В сопоставляемых языках ребёнок часто номинируется по его росту с метонимическим использованием конверсивных прилагательных, ср.: англ. сленг. *tiny* (букв. ‘очень маленький, крошечный’)/*short* (букв. ‘короткий’) ‘маленький ребёнок’ [519, с. 654; 527, с. 218]; нем. разг. *der Kleine* (букв. ‘маленький’) ‘маленький ребёнок/мальш’; укр. *малий* жарг. ‘ребёнок/мальш’ [507]; русск. разг. *мелкий/малой* ‘ребёнок/мальш’. К данным номенам примыкают в английском и украинском языках суффиксальные СМНР: англ.

разг. ласк. *littlie/littley* [519, с. 484]/укр. разг. ласк. *малюк/мальок/маненя* ‘ребёнок/малыш’ [507]. В английском языке в этой функции отмечены сокращения *littl'un* (←*little one* букв. ‘один маленький’) разг. ‘ребёнок/малыш’ [519, с. 484] и композит с метафорическим переосмыслением второго компонента: *small fry* (букв. ‘маленькая рыбешка’) ‘маленький ребёнок’ [508].

Добавим, что в английском сленге ребёнка именуют *nadger* (←*nadgers* букв. ‘яички’), у данного номена косвенно прослеживается намек на происхождение/зачатие ребёнка, детородную функцию отца [527, с. 218].

Во всех сопоставляемых языках для номинации ребёнка используется сходный артефактный образ куклы. С одной стороны, основанием для номинации служит визуальное сравнение внешности ребёнка с красотой игрушки. С другой стороны, кукла – один из первых предметов, который дети берут в свои руки, ср.: англ. сленг. *muppet* [527, с. 218], *poppet* [529, с. 787]; нем. разг. *Puppe* [490], русск. *лялька* [511, с. 217]; укр. разг. *пупс* [513].

Универсальная идея маленьких, чистых, невинных в своих мыслях и действиях, безгрешных от природы созданий, широко используется в сопоставляемых языках для номинации детей, ср.: нем. разг. *Engel/Engelchen* [496]; англ. сленг. *little angel* <A common name that parents would call their kids whom they think are successfully raising to be morally upstanding individuals in society> (букв. ‘маленький ангел’) [491]; русск. разг. *ангелочек* [494], укр. разг. *янголятко* [507]. Например:

(80) англ. сленг. *Mommy gets a rest, daddy gets more time with his little angel* [555] ‘Мамочка получит отдых, а папочка проведет больше времени со своим ангелочком;

(81) нем. разг. *Und wir könnten nicht stolzer auf dich sein, Engelchen* [555] ‘И мы очень тобой гордимся, ангелочек!’;

(82) русск. разг. *Не пугайся, ма, это я. – Привет, ангелочек, где тебя черти носили? – Только не говори, что ты переживала. – О чём?* [552];

(83) укр. разг. *Йди до мене, моє маленьке янголятко, дай я тебе пригорну* [553] ‘Иди ко мне, мой маленький ангелочек, дай я тебя приголублю’.

Отмечены и другие номинации ребёнка, обычно с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов, выражающих эмоционально-теплое и любовное отношение родителей к ребёнку, ср.: англ. разг. *kiddy/kiddie* [519, с. 381]; русск. разг. *крохотуля, малышок* [511, с. 137, 217]; укр. разг. *дитя́тко* [507].

В русском языке номинация маленьких детей производится также гибридными образованиями, в которых к иноязычной основе добавляется русский диминутивный суффикс: *пиплёнок* (←англ. *people* ‘люди’) [465, с. 399], *чилдрёнок* (←англ. *child* ‘ребёнок’) [465, с. 620]:

(84) русск. жарг. *Мне нравится твой чилдрёнок* [465, с. 620].

Отметим, что в австралийском варианте английского языка для номинации детей используют заимствование из немецкого языка – *kinder* (←нем. *Kinder* ‘дети’) [519, с. 382]:

(85) австр. сленг. *If you want to learn the true value of motherhood, it's time to find out how much your little **kinder** is worth* [555] ‘Если хочешь узнать истинную ценность материнства, пора понять, сколько стоит твой маленький киндер’.

3.2.2 НМП «законнорожденный/незаконнорожденный ребёнок». В данную тематическую подгруппу входят лексемы, номинирующие детей, происходящих от родителей, которые состоят или не состоят в законном браке друг с другом. СМНР рассматриваемой подгруппы являются наиболее продуктивными в английском языке (англ. – 31 ед.; укр. – 13 ед.; русск. – 10 ед.; нем. – 5 ед.).

В сопоставляемых языках выделяются различные наименования внебрачного ребёнка, часто с негативной коннотацией. Рождение внебрачных и добрачных детей противоречит нормам нравственности, осуждается обществом. Данные номинаты сопровождаются в словарях соответствующими стилистическими пометами (груб., прен., ирон. и др.), ср.:

(86) англ. сленг. *My new girlfriend has two **brush colts*** [491] ‘У моей новой подружки два жеребёнка (т.е. ‘незаконнорожденных ребёнка’)’;

(87) нем. разг. груб. *Ich möchte ungern Jeanne und die **Kuckuckskinder** töten* [555] ‘Я не хотел убивать Жанну и двух ее выродков (букв. ‘кукушных детей’)’;

(88) русск. разг. прен. *Я — **крапивник*** (т.е. ‘рождённый в крапиве’), ***подкидыш***, *незаконный человек; кем рождён — неизвестно, а подброшен был экономю господина Лосева, в селе Сокольем, Красноглинского уезда* [552];

(89) укр. груб. *Боже Всемогутній! Такими поганими словами його обзивала, що я за все життя таких не чула! Хіба Діва Марія могла би так матюкатися? Ніколи! Ця і виродком Гришу називала, і **виблядком**, хоча який він **виблядок**, у нього і мама, і тато були, непутьові, але були* [553] ‘Боже Всемогущий! Она такими плохими словами его обзывала, что я за всю жизнь таких не слышала! Разве Дева Мария могла бы так материться?! Никогда! Эта и уродом Гришу называла, и выблядком, хотя какой он выблядок, у него и мама, и папа были, непутевые, но были’.

В русском и украинском языках незаконнорожденных детей, вне зависимости от пола, именуют *бастрюками* [506, с. 91], а в немецком — *Heckenbastart*. Добавим, что в английском литературном языке также отмечена лексема *bastard* ‘внебрачный ребёнок; бастард (внебрачный сын влиятельной особы)’ [542], однако, в субстандарте данная лексема употребляется в значении: груб. ‘ублюдок, подонок, скотина’ [491]. У всех этих наименований общее происхождение. Согласно этимологическому словарю немецкого языка, *Bastard* ‘внебрачный ребёнок, помесь’ происходит от ст.-фр. *bastard* (предположительно от *filz, fille de bast* ‘признанный сын дворянина, происходящий от незаконной супруги’) [531, с. 63]. В оксфордском онлайн-словаре английского языка указано, что в среднеанглийском слово *bastard* было заимствовано через старофранцузский и происходит, возможно, от ср.-лат. о *bastardus*, восходящему, вероятно, к *bastum* ‘вьючное седло’; ср. со

старофранцузским *fils de bast* ‘сын вьючного седла’ (т. е. ‘сын погонщика мула, который использует вьючное седло вместо подушки’) [534].

Отрицательную коннотацию обнаруживают СМНР, обозначающие определенное место, где был зачат или рожден незаконнорожденный ребёнок. Среди данных СМН в сопоставляемых языках отмечены номены со сходной локативной семантикой, указывающие на следующее место:

1) *снаружи/на улице*: англ. сленг. *outside child* [519, с. 572]; русск. диал. *заугольник* [543]; укр. разг., ирон. *десь там зроблений* [506, с. 193], *неправого ложа* [506, с. 230];

2) *на заднем дворе/огороде*: англ. сленг. *backyard cousin* [527, с. 219], *backyard relation* [527, с. 219]; русск. диал. *подогородник* [486];

3) *на пороге*: англ. сленг. *doorstep child* [Jonathon, 220]; русск. диал. *подкрылечник* [543];

4) *в кустах*: англ. сленг. *baby in the bushes* [527, с. 220], *bushwhacker* [527, с. 220]; нем. *Heckebangat* [490], *Heckenbankert* [490]; русск. диал. *подкустарник* [486];

5) *под забором*: англ. сленг. *fence-corer child* [527, с. 220]; русск. диал. *подзаборник* [486].

Приведем примеры употребления данных СМНР:

(90) англ. сленг. *In probate court, the widow says to the judge, "Your honor, that child should not inherit anything from my intestate deceased husband because he was an **outside child**"* [491] ‘В суде по делу о наследстве вдова говорит судье: «Ваша честь, этот ребёнок не должен унаследовать ничего от моего умершего мужа, оставшегося без завещания, потому что он незаконнорожденный»’;

(91) нем. разг. *Sie wachsen auf in einer Gesellschaft, in der die große Mehrheit der Männer (90 Prozent) und Frauen (70 Prozent) vor der Ehe intimen Umgang pflegt und viele das Zeugnis solchen Tuns dennoch als **Heckenbankert** abqualifizieren*“ [544] ‘Они растут в обществе, где подавляющее большинство мужчин (90 процентов) и женщин (70 процентов) поддерживают интимные

отношения до брака, и многих в силу таких поступков считают бастардами (т. е. ‘незаконнорожденными детьми');

(92) русск. диал. *Задаваться ему особо нечего. Хоть и брат нам по батьке, все одно **подзаборник**. Эта Манька батю зельем опоила, ну вот оно и получилось. Я слышал: бабушка куме Савельевне рассказывала* [552];

(93) укр. ...княгиня знала вже, що Настася при надії, а від византійського лікаря довідалася, що велика перевага мужеського пола в родині Чагрових вказує на те, що більша є правдоподібність, що буде син, чим дочка. Аж такого завзяття в нападі святого старця не сподівалася, бо і для неї був дорогий той внук, хоч і **неправого ложа** [553] ‘...княгиня знала уже, что Настася в положении, а от византийского врача узнала, что большое преимущество мужского пола в семье Чагровых указывает на то, что вероятнее всего будет сын, чем дочь. А уж на такое рвение в напаках святого старца и не надеялась, ибо и для нее был дорог этот внук, хоть и незаконнорожденный’.

Кроме того, в сопоставляемых языках выявлены СМН с уникальной локативной семантикой часто в комбинации с зоонимной метафорой:

1) в английском языке: *grass colt* (*grass* ‘трава’ + *colt* ‘жеребёнок’) [519, с. 303], *field colt* (*field* ‘поле’ + *colt* ‘жеребёнок’) [527, с. 220], *alley cat* (букв. ‘аллейный кот’) [527, с. 219], *colt over the fence* (букв. ‘жеребёнок через забор’) [527, с. 220], *field rabbit* (*field* ‘поле’ + *rabbit* ‘кролик’) [527, с. 220], *phone booth colt* (‘жеребёнок в телефонной будке’) [527, с. 220]. Например:

(94) англ. *My new girlfriend has two **brush colts*** [491] ‘У моей новой подружки два незаконнорожденных ребёнка’.

2) в украинском языке: *бенькарт/бенькарт б* (←нем. неод. *Bankert* ‘внебрачный ребёнок; ребёнок, зачатый на твердой лавке’) ‘незаконнорожденный ребёнок’ [506, с. 94]:

(95) укр. ... *кинувся з двору, вибіг на царинку, оглянувся: село мов на долоні, і здається, ніби з усіх дворів на нього пальцями вказують: «Он він стоїть, то той **бенькарт**, тієї Аниці, що з попом злигалася!»* [553]

‘...бросился со двора, выбежал на царинку, оглянулся: село как на ладоне, и кажется, будто со всех дворов на него пальцами показывают: «Вон он стоит, тот бенькарт, той Аницы, что с попом сошлась!»’.

3) в русском языке: *подстожник* (т.е. ‘ребёнок, зачатый или рожденный под стогом’), ср. также СМН с национально-культурной семантикой: диал. *подпечник* (т.е. ‘ребёнок, зачатый или рожденный под печью’) (←*печь* <устройство для отапливания различных строений, является исконно русской утварью>) [486]:

(96) русск. диал. *Пошел вон, подпечник проклятый!*

Отрицательной коннотацией обладают также СМН, которые (прямо или косвенно) указывают на безнравственное, неприемлемое для большинства членов общества, поведение матери/отца в отношении внебрачных детей, ср.: русск. груб. *выблюдок/выродок*, арг. *внепапочный* [466, с. 107]; укр. груб. *вилупок/виблядок/нагулянець* [506, с. 112, 109, 357], нем. разг. *Jungfernkind* ‘ребёнок незамужней девушки’, разг. прен. *Alimentenfrucht* [490].

Как правило, данные СМН обретают ярко выраженную негативную коннотацию в устах коммуникантов, ср.:

(97) укр. груб. *Все село дізналось від кого Маруся виблядка в подолі принесла* [553] ‘Все село узнало, от кого Маруся выблядка в подоле принесла’;

(98) русск. груб. *Но мой папа любит меня и мою маму, а твой отец обрюхатил твою мамашу и бросил, а ты ему не нужен! Ты выблядок, вот ты кто!* [552];

(99) нем. прен. *Mein Gott, redet ihr schon wieder von Heikes Alimentenfrucht?* [551] ‘Боже мой, вы опять обсуждаете незаконнорожденного ребёнка Хайке?’.

К анализируемым номенам в английском языке относится композит *lucky piece* (букв. ‘счастливая монета’), в основе которого лежит артефактная метафора, т.е. внебрачный ребёнок состоятельного мужчины/отца представляется для матери как богатый источник алиментов для матери, своего рода счастливая монета, которая может обеспечить ей безбедную жизнь [459, с. 385]. К нему примыкает СМН *millionerror*, образованное в результате

контаминации (игра слов *millionaire* букв. ‘миллионер’ и *error* букв. ‘ошибка’) ‘внебрачный ребёнок миллионера’ [497];

Добавим, что в славянских языках внебрачный ребёнок ассоциируется с чем-то случайно найденным, ср.: русск. разг. *найденный* [495], укр. разг. *найдух* [506, с. 252].

Уникальным СМН дочери с неустановленным отцовством в немецком языке выступает антропоним *Gabriele* [489].

Отметим, что лишь в английском языке зафиксировано наименование законнорожденного ребёнка *legit* (сокращение от *legitimate* ‘законнорожденный ребёнок’) [517, с. 125].

3.2.3 Генеративный НМП. Данный НМП реализуется в структуре производных слов переносно и более активно представлен в германских СМНР, по сравнению со славянскими (англ./нем. – по 5 ед.; русск. – 2; укр. – 1 СМНР). В основу анализируемых СМНР положена вегетативная метафора, построенная на базе растения и его структуры [26, с. 76]. Во всех сопоставляемых языках отмечены схожие растительные образы, используемые для номинации ребёнка как потомка, продолжателя рода, а именно: "семя" и "отросток", ср.: англ. разг. *offspring* (букв. ‘отросток’) [491], *seed* (букв. ‘семя’) [519, с. 566], *sprout* (букв. ‘побег/отросток’) [517, с. 238]; нем. разг. *mein Stammhalter* (букв. ‘мой продолжатель рода, наследник’) [494], *Senker* (букв. ‘отводок/черенок’), *Sprössling* (букв. ‘отросток’) [532, с. 765], *Ableger* (букв. ‘саженец’); русск. разг. *первоцвет/отросток*, жарг. *паросток*. Например:

(100) англ. разг. *You are your Mother and Father's offspring* [491] ‘Ты отпрыск своей матери и отца’;

(101) нем. разг. *Eine noch harmlose Situation ist die, in der sich ein Kind am Tisch stößt und die Mutter auf den Tisch haut und sagt: "böser Tisch". Geht das Kind in die Schule, führt diese Elternhaltung dazu, dass sich Vater und Mutter bei Problemen nicht mehr dafür interessieren, wer Recht hat, die Schule oder ihr Kind, sondern dass sie von vornherein dem **Sprössling** Recht geben* [551] ‘Еще более безобидная ситуация – это та, когда ребёнок натывается на стол, а мать бьёт по

столу и говорит: "плохой стол". Когда ребёнок пошел в школу, такое поведение родителей приводит к тому, что в случае возникновения проблем отец и мать больше не интересуются тем, кто прав, школа или их ребёнок, а они с самого начала знают, что их отпрыск прав'.

В немецком разговорном языке для номинации ребёнка, как продолжателя рода, также используется префиксальное СМНР *Nachmensch* [490]. Например:

(102) нем. разг. *In zwei Monaten kommt mein Nachmensch* 'Через два месяца родится мой ребёнок' [490].

Уникальными СМН, выражающими надежду и опору родителей, являются наименования ребёнка в английском и немецком языках, в основу которых положена атрефактная метафора. Так, в германских языках ребёнка иммигрантов образно сравнивают с якорем. Данный ребёнок был рожден с целью получения гражданства страны, в которой находится его родитель-иммигрант, предоставляя т.о. ему – незаконному иммигранту (родителю-иностранцу) и его семье – законное основание для приезда и проживания в этой стране и получения государственного пособия: англ. сленг. *anchor baby* (букв. 'ребёнок-якорь') [491], аналогично: нем. разг. *Ankerkind* (букв. 'ребёнок-якорь') [489]. Например:

(103) англ. сленг. *Maria, an illegal alien from Mexico, had her baby in the USA. Thanks to her anchor baby, now she and her whole family can live in the US.* 'Мария, незаконная иммигрантка из Мексики, родила своего ребёнка в США. Благодаря своему ребёнку-гаранту теперь она и вся ее семья могут жить в США';

(104) нем. разг. *Im Moment ist Omar völlig legal in Deutschland, weil er ein sogenanntes Ankerkind hat* 'На данный момент Омар находится в Германии совершенно легально, потому что у него есть так называемый "ребёнок-якорь"'.

Появление СМН (103), (104) в германских языках объясняется объективными причинами: Германия и США благодаря своему высокому уровню экономической и социальной системы, а также географическому положению, были всегда привлекательными странами для многих эмигрантов.

3.2.4 НМП «материальное положение». Номинация ребёнка через его материальное положение носит опосредственный характер, т.е. связана с социальным положением его родителей. Так, в немецком разговорном языке полупрефиксальное СМН *Goldstück* (разг. ‘золотая монета’) ‘дочь богатых родителей’ имеет экспрессивно-оценочный мелиоративный оттенок и употребляется шуточно. Для номинации сына (как правило адвоката), который свое благополучие наследует от своего состоятельного родителя, используется композит *Anwaltssöhnchen* (букв. ‘сынчик адвоката’), ср. в русском и украинском языках метафоры: *мажор/мажорка* жарг. неодобр. ‘сын/дочь богатых родителей’ [466, с. 556; 505, с. 208]. Например:

(105) русск. жарг. неодобр. *При их дорогах и ограничениях скорости единственный способ развлечься — дать по газам на светофоре и сильно озадачить какого-нибудь мажора из соседнего Ferrari* [552];

(106) укр. жарг. неодобр. *Дорогі машини, золоті прикраси, речі від провідних дизайнерів – головні атрибути мажора* ‘Дорогие машины, золотые украшения, вещи от ведущих дизайнеров – главные атрибуты мажора’ [553].

Отметим, что в английском языке подобные СМНР не обнаружены. Вместе с тем, в английском отмечена идиома, семантически близкая к выше рассмотренным СМНР: *born with a silver spoon in one's mouth* (букв. ‘родиться с серебряной ложкой во рту’) [525], ср. в немецком: *mit einem silbernen Löffel im Munde geboren sein* ‘родиться в рубашке/происходить из обеспеченной семьи’ [464, с. 356]. Например:

(107) англ. *He has never worked hard for anything because he was **born with a silver spoon in his mouth**. His parents brought everything to him instead* [549] ‘Он никогда нигде не работал, потому что родился с серебряной ложкой во рту. Вместо этого ему все дали родители’;

(108) нем. *Sie hat keine Erfahrung und sie **wurde mit einem silbernen Löffel im Mund geboren*** [555] ‘У неё нет опыта, и она из богатой семьи’.

3.2.5 НМП «запланированные/незапланированные дети». В данную подгруппу входят СМН детей, которые были рождены вследствие незапланированной или нежелательной беременности. Данные наименования немногочисленны и обнаружены в английском, немецком и украинском языках (нем. – 3 ед.; англ./укр. – по 1 СМНР). К ним относятся немецкие СМНР-компози́ты с полным и частичным переосмыслением своих компонентов, ср.: нем. разг. *Sicherheitsmock* (*Sicherheit* ‘гарантия’ + *Mock/Mocke* ‘племенная свиноматка’) ‘нежеланный ребёнок, который был зачат женщиной с целью привязать к себе мужчину’ [489]. У СМНР *Spritzfehler/Fickfehler* [491] между базовым компонентом (*Fehler*) и детерминативными компонентами (*Spritz-, Fick-* существуют причинно-следственные отношения, которые можно описать в виде следующей парафразы: *Fickfehler* (букв. ‘ошибка полового акта’) → *Fehler, der beim Ficken entsteht/ durch das Ficken verursacht ist* букв. (‘ошибка, возникающая при половом акте/вызванная половым актом), аналогично: *Spritzfehler* (букв. ‘ошибка извержения семени’) → *Fehler, der beim Spritzen entsteht/ durch das Spritzen verursacht ist* (букв. ‘ошибка, возникающая при извержении семени/половом акте’). Добавим, что базовый компонент выступает в функции следствия и употребляется метафорически, обозначая ‘нежеланного ребёнка’:

(109) нем. разг. *Alder, meine kleine Schwester war nur'n Fickfehler* [491] ‘Старик, моя младшая сестра была незапланированным ребёнком’.

В английском и украинском языках композиты *afterthought* [529, с. 29] и *кіндер-сюрприз* [505, с. 173] могут использоваться как для номинации незапланированной беременности, так и незапланированного ребёнка:

(110) англ. сленг. *Being the youngest in the family — what is commonly called an 'afterthought' — she was also a little spoiled* [491] ‘Будучи самой младшей в семье – что обычно называют "запоздалой мыслью (т.е. ‘незапланированный ребёнок’)", она тоже была немного избалована’;

(111) укр. *Про свій кіндер-сюрприз я дізналась лише через два місяці* [553]
 ‘О своем киндере-сюрпризе я узнала только через два месяца’.

3.2.6 НМП «наличие/отсутствие братьев или сестер». СМН с данным признаком отмечены лишь в английском и немецком языках (англ. – 7 ед.; нем. – 5 ед.).

Единственного ребёнка в семье в английском языке именуют *onlyborn* (букв. ‘единственно рожденный’) [543], *sole child* (букв. ‘ребёнок соло’), *one's ewe lamb* (букв. ‘ягнёночек’) [543]; а в немецком языке – *Einzelkind* [509]. Когда младший ребёнок становится единственным ребёнком, поскольку старший(ие) брат(ья) переехал(и) и поступил(и) в университет/колледж, в английском языке его называют *uni-child* (букв. ‘университетский ребёнок’) [491].

В немецком разговорном языке среднего ребёнка в семье именуют *Sandwichkind/Sandwich-Kind*. В основе данных номенов лежит глуттонимный тип метафорического переноса, т.е. семью, в которой трое детей, образно сравнивают с трехслойным сэндвичем [489].

Для номинации младшего ребёнка в семье в английском языке используют аффиксальное образование *reckling* (←*reck* ‘заботить, тревожить, беспокоить’) [491], а также лексему *anchor* (‘якорь’) [491], в основе которого лежит артефактная метафора, т.е. младшего брата/сестру, которые являются как бы преградой для жизни старших братьев/сестер сравнивают с якорем. Самого младшего ребёнка (в семье), который часто избалован и изнежен своими родителями, в немецком языке метафорически сравнивают с еще не оперившимся в гнезде птенцом: *Nesthäkchen* [509].

Младшего брата/сестру в семье в английском языке именуют *our kid* (букв. ‘наш ребёнок’) [519, с. 1322]; а в немецком языке для номинации старшего сына используется социальная метафора, т.е. статус наследного принца сравнивают с положением старшего ребёнка в семье: *Kronprinz* (букв. ‘кронпринц’) [532, с. 464] либо конверсив *der Ältere* (букв. ‘старший’) [532, с. 24], который подчеркивает время появления ребёнка на свет.

Приведем примеры употребления некоторых СМН ребёнка с данным признаком:

(112) англ. сленг. *Where's your **bro**? My **anchor** stayed at home today. Thanks Good!* [491] ‘Где твой брательник? Мелкий сегодня остался дома. Слава Богу!’;

(113) нем. разг. *Nesthäkchen haben es nicht leicht: Alles, was sie tun und können, ist in der Familie schon mal da gewesen. Auch wenn ihnen viel Liebe entgegengebracht wird - oft fehlt Lob und Bestätigung* ‘Младшим детям в семье нелегко: все, что они делают и могли бы сделать, уже было в семье. Даже если им дарят много любви – часто не хватает похвалы и подтверждения’.

3.2.7 НМП «доношенность/недоношенность плода в утробе матери».

В основу номинации некоторых СМНР положено состояние внутриутробного развития ребёнка (плода), которое в силу определенных причин может привести к его преждевременным родам. Данный НМП отмечен у СМНР английского и украинского языков. Рассматриваемые СМНР имеют негативную оценку и представлены в английском языке единичным примером, а в украинском – двумя, ср.: англ. сленг. *Preemie/premature* ‘преждевременный, ранний’ [491]; укр. груб. прост. руг. *недоносок/недопиздок* ‘ребёнок, который родился раньше нормального срока беременности’, аналогично: русск. *недоносок* [495]. Отметим, что в русском и украинском языках лексема *недоносок* расширила свое значение и употребляется как оскорбление для обозначения незрелого, умственно отсталого человека, вызывающего у окружающих и родственников презрение [491], ср.:

(114) русск. груб. руг. *За столом больной **недоносок** ведет себя просто отвратно, несмотря на присутствие девушки (а скорее – именно из-за ее присутствия; высший шик для блатного – являть себя даме в обличии последней свиньи)* [552];

(115) укр. груб. прост. руг. *Цей **недоносок** поселився поруч, занісши сморід наркоти і божевілля. Зранку він хрипів та кашляв від ломок* [553] ‘Этот недоносок поселился рядом, занеся вонь наркоты и безумия. Утром он хрипел и кашлял от ломок’.

3.2.4.8 НМП «наличие/отсутствие контроля». Данный НМП отмечен у английских и немецких номинатом «Дети», которые не контролируются родителями в силу определенных бытовых или жизненных обстоятельств.

Так, безнадзорных детей, родители которых заняты на производстве и оставляют ключи от квартиры, в английском языке именуют *latchkey child/doorkey child* [529, с. 556], аналогично в немецком языке: *Schlüsselkind* [516]. Данные СМНР употребляются, как правило, окказионально:

(116) англ. разг. A *latchkey child*, *Nikki would always go home, stay inside, and do her homework* [529, с. 556] ‘Никки, ребёнок с ключом на шее (предоставленный сам себе в течение дня), всегда шла домой, оставалась там и делала домашнюю работу’;

(117) нем. разг. *In Hannover war ich tagsüber Schlüsselkind und durfte machen, was ich wollte* [543] ‘В Ганновере я был ребёнком с ключом на шее и мог делать все что хотел’.

3.2.9 НМП «черты характера и поведение» Особый интерес вызывают номинатемы, описывающие поведение детей в различных лингвокультурах. В сопоставляемых языках данные СМНР имеют четкие параметры, типизируются, находят яркое языковое воплощение, часто строятся с привлечением зооморфной метафоры, соотносятся с модальностью долженствования и предположения и содержат определенную оценку, ср.: англ. сленг. ирон. *rug rat* <a young child. A bit derisive> (букв. ‘ковровая крыса’) ‘маленький ребёнок’ [519, с. 551]; нем. разг. ирон. *Dreckspatz* <kid who always comes home dirty or makes a mess> (букв. ‘грязный воробей’) ‘постоянно грязный ребёнок’ [526, с.111], русск. разг. *бесёнок* ‘бойкий, озорной ребёнок’:

(118) русск. разг. [Мать ребёнку, разбившему чашку]: *Ты что, бесёнок, натворил?* [510, с. 35];

(119) англ. сленг. *I had not invited John to the barbecue, in case he brought his rugrats with him* [491] ‘Я не пригласила Джона на барбекю, так как он захватит с собой своих крысят (т.е. ‘детей’)’;

(120) нем. разг. *Mommsis Mutter schmunzelte jedoch schon wieder. „Ich hoffe, du hast den alten Uhu von mir begrüßt. Er ist ein guter alter Freund von uns. Und nun komm, mein kleiner **Dreckspatz!**“*, hörte er seine seine Mama noch sagen, dann war sie in der Hütte verschwunden. [551] ‘Мама Момси снова нахмурилась. "Надеюсь, ты поздоровался со старым Угу. Он наш старый добрый друг. А теперь заходи, мой маленький грязнуля!" – услышал он, как его мама еще говорила, а потом она исчезла в хижине’.

Добавим, что в германских языках отмечены СМНР со схожим значением: «ребёнок/дети, которые достигли возраста, чтобы покинуть отчий дом и обзавестись собственной семьей, но в силу определенных обстоятельств и причин продолжают жить со своими родителями», ср. их толкования: англ. *boomerang kid* <informal humorous an adult child who returns home after university, their first job, or the end of a relationship because they have no money or job> разг. шутл. Ирон. (букв. ‘ребёнок-бумеранг’) [491] и нем. *Nesthocker* <Erwachsener, der nicht oder erst spät aus dem Elternhaus auszieht> (‘тот, кто торчит в гнезде’) [509]. Приведем примеры их употребления:

(121) англ. *Dad: Now that the kids are back, we can't walk around the house naked anymore. Mom: Too bad we got ourselves a **boomerang kid*** [491] ‘Папа: Теперь, когда дети вернулись, мы больше не можем ходить по дому голыми. Мама: Жаль, что у нас теперь тоже есть ребёнок-бумеранг’;

(122) нем. *Die **Nestflüchter** machen ihren Eltern weit weniger Mühe als die **Nesthocker*** [551] ‘Дети, которые покидают отчий дом, доставляют своим родителям гораздо меньше хлопот, чем те, которые продолжают жить вместе с ними’.

3.3 ТГ «Супруги»

Особое место среди стилистически маркированных наименований родственников занимают названия субъектов брачных отношений. Наименования мужа и жены входят в группу слов, которые часто используют коммуниканты в семейном и дружеском общении, обсуждая свои отношения с

супругой (-ом). Данная ТГ, в свою очередь, распадается на несколько подгрупп (см. п. 3.3.1–3.3.2):

3.3.1 ТП «Жена»

В семье жена традиционно отвечает за быт и чистоту; планирует обстановку в доме, следит за питанием, одеждой членов семьи, а также за отношениями внутри семьи. СМН жены в германских и славянских языках являются одними из наиболее многочисленных (англ. – 126 ед.; русск. – 89; нем. – 70 ед.; укр. – 57 ед.).

Для СМН жены в сопоставляемых языках характерным является следующий набор НМП:

3.3.1.1 Авторитарический НМП. Данный признак выявлен у лексем, номинирующих жен-доминантов. Доминирующие жены свободны, сильны и властны, они привыкли устанавливать свои правила в семье, отдавать приказы, требуют их безукоризненного выполнения (англ. – 17 ед.; нем. – 11 ед.; укр. – 3 ед.; русск. – 2 ед.).

Сегодня женщина уже не довольствуется только ролью жены, хранительницы очага и семейного уюта. Её интересы и потребности часто выходят за рамки семьи и требуют своей реализации в социуме наравне с мужчиной [210, с. 13]. В исследуемых языках стремление жены доминировать в семье, быть главной, руководить своим мужем – одна из причин ссор и конфликтов в семье; находит свое языковое отражение, прежде всего, в социальном типе метафор, которые ассоциируются со следующим:

1) *военные звания/руководящие должности*: англ. сленг. *the boss* (букв. ‘босс, начальник’) [520, с. 83], *chief of staff* (букв. ‘начальник штаба, глава администрации’) [530, с. 152], *boss-lady* (букв. ‘леди-босс’) [527, с. 217], *boss-woman* (букв. ‘женщина-босс’) [527, с. 217], *white serjeant* (букв. ‘белый сержант’) [527, с. 217], *first serjeant* (букв. ‘первый сержант’) [527, с. 307]; нем. разг. *Feldwebel* (букв. ‘старший сержант’) [532, с. 226]; *mein Chef* (букв. ‘мой начальник’) [532, с. 150], *Vorgesetzte* (букв. ‘начальник/шеф’) [532, с. 896]:

(123) англ. сленг. *Sorry, I can't, I need home. My boss lady expects total submission and respect. Her word is law* [550] ‘Прости, не могу, нужно домой. Моя жена ожидает полного подчинения и уважения. Ее слово – закон’;

(124) нем. разг. *Heute kann ich nicht. Mein Feldwebel ist zu Hause* [551] ‘Сегодня я не смогу. Мой фельдфебель (т.е. ‘жена’) дома’;

2) названия титулованных особ: русск. разг. *королева/корлевишна* [495]; англ. разг. *duchess* (букв. ‘герцогиня’) [519, с. 224]; укр. разг. *королева/цариця*; нем. разг. *Donna/Donnja* (букв. ‘госпожа’) [532, с. 179];

3) функции различных учреждений и ведомств: нем. разг. *Regierung* (букв. ‘правительство, правление’) [532, с. 568]; англ. сленг. *war department* (букв. ‘военное министерство’) [520, с. 1038]; русск. разг. *таможня*.

В английском и немецком языках СМН доминирующих жен часто получают зоонимную характеристику: нем. *Godzilla* <machtsüchtige Frau. Godzilla Bezeichnung für eine stark übergewichtige, herrschsüchtige Ehefrau, die einem nix durchgehen lässt und ihren Mann ständig drangsaliert und rumkommandiert. Ein echter Hausdrachen eben> разг. ‘властная жена/властолюбивая женщина’ [489].

Властную жену, громко кричащую на своего мужа, шутливо сравнивают с соловьем, который пронзает тишину своим звонким пением: *Nachtigall* <herrische Ehefrau> [532, с. 555]; в английском языке жена-доминант ассоциируется с кобылой *grey/gray mare* (восходит к пословице *the grey mare is the better horse* ‘в парной упряжке верховодит кобыла’, т.е. жена “ведет своего мужа”, управляет им, держит его под башмаком [527, с. 217]) и с чайкой *seagull* [527, с. 217], ср. выше: нем. *Nachtigall*. Например:

(125) англ. сленг. Dawker: “...*The Squire's squeamish... But he don't count. The grey mare is all right.* [549] ‘Доукер: “... Наш Сквайр щепетилен... Но он не в счет. Зато его жена – бой-баба!”’;

(126) нем. разг. *Ich musste mich mal in einer halb so großen stundenlang vor einer Godzilla, Mrs. Tyrone Powers, verstecken, die in Palm Springs sein sollte*

‘Однажды я несколько часов пряталась в шкафу в половину меньше, нагрязнула жена Тайрона Пауэрса, а мы думали, что она в Палм Спрингс’.

Среди английских, немецких и русских СМНР отмечены номинации «альфа-жен», которые, с одной стороны, стремятся постоянно контролировать своих мужей, полностью подчинять их, а, с другой, препятствуют им проводить досуг в свое удовольствие. В основу таких СМНР кладется часто артефактная метафора, ср.: англ. рифм. сленг *ball and chain* (букв. ‘мяч и цепь’) ‘деспотическая, властная жена’ [491], *plaster* (букв. ‘пластырь’) [527, с. 217]; русск. арг. *присоска/прищепка* [466, с. 369, 372]; нем. разг. *Beisszange* (букв. ‘щипцы’) [480, с. 35]. В английском языке к ним также примыкает метафора *battle axe* (букв. ‘боевой топор’) ‘сварливая жена’. Например:

(127) русск. арг. *У меня ведь дом свой, прищепка* (т.е. ‘жена’) *и два стиногрызика* (т.е. ‘ребёнка’) [466, с. 372];

(128) нем. разг. *Meine Beisszang ist zu ihrer Mutter gefahren* ‘Моя фурия поехала к своей матери’;

(129) англ. рифм. сленг *I really wanted to go snowboarding at Lake Tahoe with my friends this weekend but my ball and chain won't let me go* [491] ‘Я, действительно, хотел покататься на сноуборде на озере Тахо с друзьями в эти выходные, но моя жена меня не отпустит’.

Для номинации доминантных жен в английском сленге используются также грубые слова, мотивированные артефактной метафорой: англ. сленг. груб. *ball-tearer/ball-cutter/ball-breaker* ‘жена-доминант’ (←*to cut somebody's balls/to break somebody's balls/to tear somebody's balls* ‘выводить из себя, /наносить удар ниже пояса’) [527, с. 75]. В структуре данных СМНР компонент *ball* употребляется в значении ‘мужской половой орган’.

(130) англ. сленг. груб. *My wifie's always been a ball-breaker... which, of course, is why I like her* [491] ‘У моей женушки всегда был крутой нрав... именно поэтому она мне и нравилась’.

В германских языках жену-доминанта также именуют: англ. *her indoors* [517, с. 129]; нем. разг. *Doppelhose* (букв. ‘двойные брюки’) ‘чрезвычайно властная жена.’ [532, с. 171]; *Oberwelle* (букв. ‘верхняя волна’) ‘властная жена’ [489]. В украинском разговорном языке для номинации властной, подавляющей своего мужа жены, используется словосочетание – разг. неув. ирон. *баба з яйцями* [506, с. 89].

3.3.1.2 Субмиссивный НМП. Женщина — существо зависимое: от внешних обстоятельств, окружающих людей, общественного мнения и др. Она постоянно нуждается в любви, одобрении, заботе и достатке.

В английском и немецком языках для наименований жен, зависящих от своих мужей, используется вегетативный тип метафор (см. глава 2, п. 2.1.11, п.п. 2.1.11.1.6), ср.: англ. сленг. *clinging vine* (букв. ‘цепкая виноградная лоза’) [491]; нем. разг. *Zimmerlinde* (букв. ‘комнатная липа’) [532, с. 946]. Добавим, что данный НМП отмечен только в германских языках и представлен единичными примерами, в английском языке СМНР с данным признаком имеет пейоративную оценку, ср.:

(131) англ. сленг. *An overly dependent person, a clinging vine since her marriage, she's never made a decision on her own* [491] ‘Чрезмерно зависимый человек, "цепкая виноградная лоза" после замужества, она никогда не принимала решений самостоятельно’.

3.3.1.3 НМП «матримониальный статус». Номены, которые используются для номинации бывших жен, отмечены во всех сопоставляемых языках (англ. – 6 ед.; нем./русск. – по 2 ед.; укр. – 1 СМНР)., ср.: англ. разг. *ex*; нем. разг. *Exfrau*; русск. разг. *бывшая*; укр. разг. *колишня*.

В английском, немецком и русском языках замужнюю женщину, супруг которой часто отсутствует дома по разным причинам, именуют сходным образом, ср.: русск. разг. *соломенная вдова* [494]; англ. сленг. *grass widow/grass-widow/grasswidow* [519, с. 1041]; нем. разг. *Strohwitwe* [551]. Например:

(132) русск. «„Супруг уехал?“ – „Уезжает...“ – „И вы опять соломенной вдовой останетесь?..“ – „Да, я давно соломенная вдова!“ – вырвалось у Анны Серафимовны» [552];

(133) нем. разг. *Liduschka, die Schwiegertochter des alten Richters, die junge Strohwitwe, wie man sie im Dorfe nannte, weil ihr die Kaiserlichen ihren Mann kurze Zeit nach der Hochzeit als Soldaten weggeführt hatten* [551] ‘Лидушка, невестка старого судьи, молодая соломенная вдова, как ее называли в деревне, потому что кайзеровские правители забрали ее мужа вскоре после свадьбы в солдаты’;

(134) англ. сленг. *For years, Katie Moreland didn't tell her only son Meredith, that his father didn't in fact die. Lane Moreland didn't want to bear the responsibility of raising a family so young, so he packed up his stuff and left, leaving Katie a grass widow* [549] ‘Долгие годы Кэти Морленд не говорила своему единственному сыну Мередиту, что его отец на самом деле не умер. Лейн Морленд не хотел растить детей в таком молодом возрасте, поэтому он собрал свои вещи и уехал, оставив Кэти соломенной вдовой’.

В английском языке аналогами *grass widow* выступают также СМНР *club widow* ‘жена, чей муж занят в загородном клубе или другом клубе и часто оставляет ее дома одну’ [519, с. 149] и *ice widow* ‘жена, чей муж в Антарктиде’ [519, с. 421. Например:

(135) англ. сленг. *Every year over two weeks in late June and early July I become a club widow, my husband takes part in Wimbledon* ‘Каждый год в течение двух недель, в конце июня-начале июля, я становлюсь "клубной вдовой", мой муж принимает участие в Уимблдоне’.

Уникальными примерами номинации жен гомосексуалистов являются в английском субстандарте *fishwife* (букв. ‘жена-рыба’) [529, с. 279] и *fag bag* (букв. ‘барсетка’) [457]. Отметим, что грубую, крикливую женщину также называют *fishwife* [491]. Например:

(136) англ. сленг. *She is a fag bag* [457] ‘У нее муж голубой’.

3.3.1.4 НМП «роль в семье». В исследуемых языках закреплены гендерные стереотипы, которые представлены обычно через оценочную коннотацию (ирон., шутл., презр. и др.), находят свое отражение, в том числе, и в наименованиях жен [210, с. 55].

Веками мужчина был главой семьи, а женщина находилась в его подчинении и материально зависела от него: она должна была быть хорошей хозяйкой, хранить семейный очаг, но не была главой семьи, ср. закрепленные в немецкой и английской лингвокультуре сленговые и коллоквиальные номинации жены как хранительницы домашнего очага, часто с пейоративной оценкой: англ. сленг. *hausfrau* (букв. ‘домохозяйка’) ‘жена, чьи основные интересы – дом, воспитание детей. Часто используется с легким презрением и указывает на отсутствие шика’ [529, с. 420], *apron* (букв. ‘фартук’) ‘жена’ [520, с. 15]; нем. разг. *Hausbesen* (букв. ‘домашний веник’) ‘жена’ [489], разг. *Dienstfrau* (букв. ‘служанка’) ‘жена, которая занимается исключительно домашним хозяйством и кухней и не имеет времени для своей семьи’ [532, с. 166]. В нижеприведенном примере друзья разговаривают и обсуждают жену третьего, отмечают ее кулинарные способности, и прерывая речь, один из них замечает:

(137) англ. сленг. *That hausfrau is a great cook. That's about it* [491] ‘Эта домохозяйка – отличный повар. Вот и все, нечего больше и обсуждать’.

(138) англ. сленг. [Обращение мужа к жене]: *Hey apron! Bring me a shot of scotch and a cold beer chaser. I had a hard day at work today!!!* [491] ‘Эй, фартук (т.е. ‘жена’)! Принеси мне виски и бокал холодного пива. У меня на работе был сегодня тяжелый день!!!’;

(139) нем. разг. [Обращение мужа к жене]: *Komm her, geliebter Hausbesen* [489] ‘Иди сюда, любимый домашний веник (т.е. ‘жена’)’.

К функциям жены относилось удовлетворение потребностей мужа, в том числе, и сексуальных. Среди СМН жены как сексуального объекта доминируют глуттонимный тип метафор, который подчеркивает "потребительское" отношение мужа к жене [194, с. 143], ср.: англ. сленг. *sweetie pie* (букв. ‘сладкий

пирог’)/разг. *honey* (букв. ‘мед’)/ разг. *sweetie* (букв. ‘конфетка, леденец’) ‘обращение к жене’ [491]; нем. разг. *Rindfleisch* (букв. ‘говядина’) [532, с. 668] ‘обращение к жене’; русск. разг. *шоколадка/конфетка/мармеладка* [545; 552] ‘обращение к жене’; укр. разг. *цукерка/іриска* ‘обращение к жене’ [547]:

(140) англ. сленг. *Molly, you are such a sweetie pie! Can you give me some beer?* [491] ‘Молли, ты такая лапочка! Не принесешь мне пива?’;

(141) нем. разг. *Meine Süße muß sich die Zeit nehmen, die sie bei mir kriegen kann, meint er* [491] ‘Моя милая не должна торопиться, я ей сам могу отпустить время’, – заметил он’.

В немецкой лингвокультуре жена рассматривается как игрушка, развлечение, ср.: нем. *Spielwiese* <Ehefrau> (букв. ‘лужайка для игр’) [532, с. 782]. В русском и английском языках зафиксированы СМН жен, которые ассоциируются с идеями "тепла", "мягкости", "уютта" и выражены артефактной метафорой, ср.: англ. сленг. *pillow-mate* <a wife XIX–XX> (букв. ‘подушка’), *lawful blanket* <a wife> (букв. ‘законное шерстяное одеяло’) [527, с. 215], *lawful jam* <a wife> [527, с. 215] (букв. ‘законное варенье’); русск. арг. *одеяло* <жена> [466, с. 610], арг. *грелка* <жена> [466, с. 214]. Например:

(141) русск. арг. **Одеяло** (т.е. ‘жена’) *для меня, — лишняя палка перед сном* [466, с. 214].

3.3.1.5 НМП «супружеская верность/неверность» (укр. – 9 ед.; русск. – 6 ед.; англ./нем. – по 3 ед.). Супружеская неверность всегда порицалась обществом, которое давало негативную оценку таким морально-нравственным качествам супругов. В сопоставляемых языках подобные СМН имеют пейоративную оценку, ср.: англ. сленг. *two-papa mama* (букв. ‘два папа мама’) ‘неверная жена’ [504], *bed-swerver* (‘тот, кто скитается по кроватям’) ‘неверная жена’ [504], сленг. *two timer/two-timer* (букв. ‘два таймера’) ‘неверная жена’, сленг. *quail* (букв. ‘перепелка’) ‘неверная жена’ [504]; укр. бран. *поблядушка/потаскуха/шлюха/блудниця* ‘изменяющая мужу жена’ [506, с. 299]; русск. бран. *потаскуха/проститутка/шлюха/неверная/сука*; нем. разг. бран.

Ehehure <Eine "Ehehure" ist eine sexuell äußerst aktive Ehefrau, die oft auch mit anderen Männern außer ihrem Ehemann sexuell verkehrt> бран. 'чрезвычайно активная в сексуальном плане жена, которая часто изменяет своему мужу' [490]. Добавим, что в данной ТГ отмечен и СМН с национально-культурным содержанием: нем. *Martha* <aus Untreue flüchtige Ehefrau. Geht zurück auf »Martha, Martha, du entschwandest« aus der Oper »Martha« von Friedrich von Flotow (1847)> 'Изменяющая мужу жена. Восходит к персонажу из одноименной оперы «Марта» Фридриха фон Флотова (1847), которая изменяла своему мужу)' [532, с. 522];

(143) укр. бран. [Обращение мужа к жене]: *А може ти, Маріє, просто шлюха? Блудниця? Насміхається чоловік над жінкою* [553] 'А может ты, Мария, просто шлюха? Блудница? Насмехается мужчина над женщиной';

(144) нем. бран. *Sagt der Ehemann zu seinem besten Freund: "Na, hab' ich nicht eine geile Ehehure als Weib?!"* [490] 'Муж говорит своему лучшему другу: "Ну, разве моя жена не шлюха?!"'.

Добавим, что универсальный образ кошки, который используется для номинации жены, обнаруживает, однако, в сопоставляемых языках, определенные лингвокультурные различия. Данные различия обусловлены несхожестью моральных и этических норм, что подтверждает независимое развитие германских и славянских лингвокультур, ср.: англ. сленг. *spit-cat/spit-kitten* <a short-tempered woman/wife> (букв. 'свирепая кошка') 'сварливая жена' [527, с. 215]; нем. разг. *Hauskatze* <unverträgliche Ehefrau> (букв. 'домашняя кошка') 'невыносимая жена' [532, с. 332], но: русск. груб. *кошка* <изменяющая мужу жена> [466]; укр. *кішка* <жінка легкої поведінки; блудлива (драна) кішка, – сексуально активна жінка, нерозбірлива у зв'язках> [506, с. 210]. Например:

(145). нем. *Du traust dich wohl nicht nach Hause zu deiner Hauskatze* [549] 'Ты, наверное, боишься вернуться домой к своей невыносимой жене';

(146) укр. *Одружився з кішкою, а тепер хоч повіся* [492, с. 30] 'Женился на гулящей жене, а теперь хоть вешайся'.

3.3.1.6 НМП «черты характера и поведение» (англ. – 10 ед.; нем. – 9 ед.; русск. – 8 ед.; укр. – 4 ед.). Оценочная коннотация наименований жен связана с их характером и поведением, что достигается, как правило, метафорическим переносом.

Скверный характер и сварливость супруги, с одной стороны, ее сексуальность и превосходство, с другой, находят отражение в сказочно-мифологических метафорах, ср.: англ. сленг. *devil's daughter* (букв. 'дочь дьявола') [457], *old hige* (букв. 'старая ведьма') [527, с. 75]; нем. разг. *Weibsteufel* (букв. 'женщина-черт') [532, 919], *Hausteufel* (букв. 'домашний черт') 'невыносимая жена' [532, с. 333], *Gewitterhexe* (букв. 'грозовая ведьма') [480, с. 92]; русск. прост. бран. *мара/бесовка/чертовка* [466, с. 519, 20]; укр. разг. *карга/відьма* [504]. В приведенных примерах жена предстает как ведьма, колдунья, чародейка, которая водится с нечистой силой, манипулирует мужем, используя различные уловки, чары, свою красоту, ср.:

(147) нем. разг. *Meine Frau ist eine echte Gewitterhexe* [480, с. 92] 'Моя жена — настоящая ведьма';

(148) укр. разг. *Бля! Де ця карга взялася на мою голову?* [553] 'Бля! Где эта карга (т.е. 'жена') взялась на мою голову'.

В русском и английском языках жену сравнивают с болью, страданием, хворью, ср.: русск. разг. *язва* <злая, сварливая жена>, *болячка* <невыносимая жена>; англ. *sore-head* <grumpy wife>, *headache* <nagging wife>. В основу приведенных вторичных номенов положен мордиальный тип метафорического переноса (наименование болезни → наименование жены). Жена и брак ограничивают свободу мужчины, нарушают его зону комфорта, вследствие чего он теряет свою индивидуальность:

(149) англ. сленг. *Rob: How's it going with you and Annie? It's been like 7 months already, yeah? Tom: God, she is such a headache!* [491] 'Роб: Как у вас дела с Энни? Вы же уже 7 месяцев вместе. Том: Боже, она та еще головная боль!';

(150) русск. разг. *Моя бывшая язва (т.е. 'жена') совсем меня достала, постоянно требует от меня алименты* [552].

Отметим, что в украинском и немецком языках подобные сравнения не обнаружены.

Для номинации сварливых, невыносимых жен в сопоставляемых языках метафорически используются следующие группы слов:

1) *зоонимы*, ср.: англ. *spit-cat/spit-kitten* <a short-tempered woman, wife> (букв. 'свирепая кошка') [527, с. 219]; нем. разг. *Hauskatze* <unverträgliche Ehefrau> (букв. 'домашняя кошка') [532, с. 333], *Hausdrache* <unverträgliche Ehefrau> [476, с. 294] и <böse Ehefrau> [532, с. 332] (букв. 'домашний дракон'); русск. груб. *змея/змеюка/кобра* <властная/сварливая жена> [466, с. 413]; укр. *змія* <'власна/сварлива жінка'>. Например:

(151) русск. арг. *Давай мотаем отсюда, побыстрее, а то моя кобра (т.е. 'жена') усечёт* [466, с. 413];

(152) нем. разг. *Lars: "Ich geh jetzt, sonst gibts wieder Ärger." Jürgen: "Ach komm, jetzt lass dir doch von deinem Hausdrachen nichts verbieten."* [489] 'Ларс: «Я ухожу, иначе у меня снова будут проблемы». Юрген: Да ладно, не позволяй своей Мегере тебе ничего запрещать'.

2) *артефакты*, ср.: австр. сленг. *handbrake* <a wife or girlfriend, seen as preventing a man from having a good time > (букв. 'ручной тормоз') [519, с. 318], *old saw* <grumpy woman/wife> (букв. 'старая пила') [491]; нем. разг. *Trompete* <unwirsche Ehefrau> (букв. 'труба') [532, с. 850], нем. *Beißzange* <unverträgliche, zänkische Ehefrau> (букв. 'клещи/кусачки') [480, с. 35]. Например:

(153) австр. сленг. *The handbrake wouldnt let me have another go on the pokies. Bugger it* [491] 'Жена не позволила бы мне еще раз сыграть в автоматы для покера. Черт с ним';

(154) нем. разг. *Meine Frau ist eine wahre Beißzange* [480, с. 35] 'Моя жена – настоящие кусачки'.

3) *глоттонимы*: англ. *old gooseberry* (букв. ‘старый крыжовник’), *lemon* <grumpy wife> (букв. ‘лимон’) <grumpy wife> [527, с. 70]; укр. *вишкварка*;

4) *антропонимы*, ср.: нем. *Xanthippe* <Bezeichnung für eine zänkische Frau oder Ehefrau nach der Ehefrau von Sokrates> ‘сварливая жена (речь идет о Ксантиппе, жене древнегреческого философа Сократа, обладающей невыносимым характером)’; укр. *Горпина* ‘сварливая жена’. Например:

(155) нем. разг. *Seine Frau ist 'ne Xanthippe und imstande, ihm das Leben zur Hölle zu machen* [544] ‘Его жена настоящая Ксантиппа и способна превратить его жизнь в ад’;

(156) укр. *Горпина Щастя, в кого жінка Настя, а в кого Горпина, то лиха година* [553] ‘Счастье тому, у кого жена Настя, а у кого Горпина (т.е. ‘злая, сварливая жена’) – тому выпал злой рок’.

3.3.1.7 НМП «внешние данные». С помощью зооморфной метафоры дается оценка различных внешних данных и/или свойств жены, ср.: нем. разг. *Hausgorilla* <machtsüchtige Frau. Bezeichnung für eine besonders voluminöse Ehefrau> (букв. ‘домашняя горилла’) ‘властная жена, особенно в отношении чрезмерно полной жены’ [491]; англ. сленг. *cow* <A wife, esp. a coarse or unpleasant one> (букв. ‘корова’) ‘жена, особенно грубая или неприятная’ (часто используется как оскорбление) [518, с. 58]; русск. разг. *жаба* <о некрасивой полной женщине с глазами навывкате> [510, с. 543]; укр. неув., ирон. *жаба* <знев., ірон. негарна, неприємна жінка> ‘некрасивая, неприятная жена’ [513]:

(157) русск. разг. *Ты жену его видел? Вот жаба-то! Особенно когда мужа своего ругает. Глаза выпучит, щеками трясет, чистая жаба!* [518, с. 58];

(158) укр. разг. *Ти жінку його бачив? Оксанку? Та ще жаба* [513] ‘Ты жену его видел? Оксанку? Та еще жаба’;

(159) англ. сленг. [Обращение мужа к жене]: *Och, gonnae just shut it, ya cow!*[491] ‘О, сейчас лучше заткнись, корова’.

Добавим, что в немецком разговорном языке зооним *Frosch* употребляется, с одной стороны, как ласковое обращение к женскому полу

(возможно из-за того, что у жабы нет хвоста <мужского полового органа>), с другой стороны – к ребёнку, для которого характерно попрыгивание сидя на полу или при ходьбе [532, с. 257].

Отметим, что для номинации жены в русском, украинском и английском языках используется универсальный образ обезьяны, который, однако, в различных лингвокультурах репрезентирует различные ее свойства, в русском и украинском – ее внешность, в английском – интеллект, ср.: англ. сленг. *monkey* ‘глупая жена’; русск. разг. *обезьяна* ‘некрасивая жена’; аналогично: укр. сленг. *мавна*.

В английском языке пожилой возраст жены, ее непривлекательная внешность метафорически сравнивают с функциональной непригодностью транспортного средства из-за его длительной эксплуатации, ср.: англ. *old boat* (букв. ‘старая лодка’) груб. ‘стареющая некрасивая женщина/жена’ [518, с. 204]. Напротив, молодую, красивую жену, обычно старого богатого мужчины, именуют *trophy wife* (букв. ‘трофейная жена’) [491], т.е. жена, которой, словно, трофеем, можно похвастаться:

(161) англ. сленг. *My asshole ex-husband went out and got himself a trophy wife as soon as he made partner* [491] ‘Мой мудака, бывший муж, пошел и нашел себе трофейную жену, как только стал партнером’.

В немецком языке полную, тучную жену называют *Zweischläfrige* (букв. ‘двуспальная кровать’) [532, с. 957], сравнивая ее габариты с размерами, например, кровати. Неэлегантную, немодную жену, погрязшую в домашних делах, именуют *Haustrampel* (букв. ‘домашняя колода’) [532, с. 333]. В основе данного СМН лежит артефактная метафора, т.е. жена с непривлекательной внешностью метафорически ассоциируется с колодой, например:

(162) нем. *Daß ich ein abgearbeiteter Haustrampel geworden wäre?« »Na, das natürlich nicht. Nur ... du bist verdammt hübsch geworden!* ‘Чтобы я превратилась в уставшую домохозяйку без чувства стиля.?« »Ну, конечно же, нет. Только... ты стала чертовски красивой!’ [551].

В украинском языке окказиональной иллюстрацией СМН жены с анализируемым НМП является лексема *протигаз* <некрасива жінка>, образованная в результате сравнения внешности жены с артефактом. Например:

(163) укр. сленг. *Сам симпатичний, а одружився з таким протигазом* [492, с. 53] ‘Сам симпатичный, а женился на таком противогазе’.

3.3.1.8 НМП «материальное положение». Данный признак отмечен лишь у единичных немецких и русских СМН, ср.: нем. разг. *Nacktarsch* <Ehefrau ohne Aussteuer> (букв. ‘голая задница’) ‘жена без приданного’ [532, с. 556]; русск. разг. *кастрюля* ‘жена, которая обеспечивает своего мужа’.

3.3.2 ТП «Муж»

Важную роль в физической, социальной и духовной жизни семьи играет муж. Мужчина всегда был главой семьи, кормильцем; его первоочередной функцией является обеспечение семьи различными материальными благами.

В основу номинации мужа в сопоставляемых языках положены 6 НМП, которые связаны с его функциями в семье и отражают его взаимоотношения с женой, детьми и окружающими людьми.

3.3.2.1 НМП «супружеская верность/неверность». В отличие от СМН жены, данный признак отмечен, с одной стороны, у неверных мужей, а с другой – у мужей, которым изменяет жена (укр. – 12 ед.; англ. – 7 ед.; нем. – 4 ед.; русск. – 3 ед.).

Неверных мужей сравнивают в сопоставляемых языках часто с животными: русск. груб. *волчара*; укр. прост. презр. *потаскан*; англ. сленг. *old wolf* (букв. ‘старый волк’); нем. разг. *Durchgänger/Doppeldecker*. Добавим, что в славянских языках имеется схожий анималистический образ неверного мужа, ср.: русск. руг. *кобель*; укр. груб. *кобель/кабель/кобель/тягайло*. Отметим, что все они относятся к пейоративной лексике. Например:

(164) англ. сленг. *Look me in the eye and tell me the truth, you filthy old wolf* [491] ‘Посмотрите мне в глаза и скажите правду, грязный старый кобель (букв. ‘старый волк’);

(165) русск. руг. *Гадалка сказала, что муж вернется к ноябрю, он и вернулся, — не о нем, кобелине, речь* [552];

(166) укр. груб. *І хто в нас попує? Блудники, двоєженці, розбійники, лихварі* [553] ‘И кто у нас священствует? Кобели, двоеженцы, разбойники, ростовщики’.

Сопоставляемым языкам присущ и другой схожий анималистический образ – сравнение обманутого супруга с крупным рогатым животным, ср.: русск. разг./укр. разг. *олень*; нем. разг. *Elch* (букв. ‘лось’); англ. сленг. *moose* (букв. ‘лось’).

Добавим, что для номинации обманутых супругов используются отфраземные сращения, ср.: англ. сленг. *horn-grower* <cuckold> ‘муж-рогоносец’ (←*to grow a horn* ‘отрачивать рога’) [527, с. 213]; нем. разг. *Hornträger* <betrogener Ehemann> (←*Horn tragen* ‘носить рога’) [532, с. 360]; русск. разг. *рогоносец* (←*носить рога*) [495], укр. разг. *рогоносець* (←*носити роги*) [506, с. 326].

В английском языке для номинации обманутых мужей используют также номены *cuckold* <a man who willingly encourages his wife to sleep with other people because it brings him pleasure> [491], *horn-merchant* (*horn* ‘рог’ + *merchant* ‘торговец’) [527, с. 213] и фразеологизм *holy Moses* <from paintings of Moses displaying him with a part-halo, the curves of which resemble horns protruding from his head>, т.к. на картинах Моисея изображают с ореолом, изгибы которого напоминают рога, торчащие из его головы’ [527, с. 213]. Например:

(167) англ. сленг. *Another public humiliation to be endured by the man I love, further evidence that he's a **cuckold** and his wife a wanton.* [491] ‘Еще одно публичное унижение, которое придется выдержать любимому мной мужчине, и к тому же свидетельство того, что он – *рогоносец*, а его жена – распутница’.

3.3.2.2 Субмиссивный НМП. СМН мужа с субмиссивным НМП противопоставляются СМН мужа с автократическим признаком и отражают в определенной мере современную тенденцию изменений в семейных отношениях. В современном обществе мужчина "сдал" многие семейные

позиции; в том числе изменилось и представление о нем, как о главе семейства, добытчике, распределителе материальных благ; в этой функции все чаще выступает женщина. Данный факт закрепляется в стилистически маркированной номинации мужей с НМП ‘слабый и нерешительный муж’; ‘муж, находящийся в полном подчинении у жены’; ‘муж-подкаблучник’ (англ. – 11 ед.; нем. – 7 ед.; русск./укр. – по 2 ед.), ср.: англ. сленг. *home bird* <a hen-pecked husband> (букв. ‘домашняя птица’) [527, с. 213], *monkey-man* <A weak and servile husband> (*monkey* ‘обезьяна’ + ‘мужчина’) [518, с. 182]. Отметим, уникальное СМН мужа-подкаблучника, в котором кодируется культурно-национальная специфика английского языка: *jerry sneak* (произошло от знаменитого персонажа в одной из пьес мистера Фута, воплощающего мужчину, которым управляет жена) [515]:

(168) англ. сленг. *That guy is home bird, she doesn't even let him see his friends* [515] ‘Этот парень-подкаблучник, она даже не позволяет ему видеться с друзьями’.

В немецком языке безвольного мужа, который находится в полном подчинении у своей жены, именуют *Rampenfiffi* <Dabei handelt es sich um jemanden, der ständig unter dem Pantoffel von jemand anderem steht, also z.B. ein Ehemann ohne Selbstbewusstsein, der ständig für seine dominante Ehefrau da ist. Rampe: ständig bereit (wie auf einer Startrampe) Fiffi: gehalten wie ein kleiner Hund (Fiffi)>. В основе данного СМНР лежит зоонимная метафора: *Rampe* ‘всегда готов (как на стартовой площадке)’ + *Fiffi* ‘маленькая собачка’ [489]:

(169) нем. разг. *Frau: Egon, hast du heute schon staubgesaugt? Mann: Sag mal, bin ich hier dein Rampenfiffi, oder was?!* [489] ‘Жена: Эгон, ты сегодня уже пылесосил? Муж: Скажи, я что похож на подкаблучника, а?!’.

Субмиссивное поведение мужчины в браке сравнивают также с физически неполноценным человеком: *Ehstandskrüppel* <von der Ehefrau beherrschter Mann; älterer Ehemann> (букв. ‘брачный инвалид’) разг. ‘полностью подвластный жене муж; пожилой муж’ [532, с. 191].

Добавим, что в большинстве сопоставляемых языков выявлены схожие СМН безвольного мужа, находящегося в подчинении у жены, имеющие сходный метафорический образ и аналогичную мотивирующую базу, ср.: нем. разг. *Pantoffelheld* (букв. ‘башмачный герой’) ‘безвольный муж, муж-подкаблучник’ [532, с. 591]. Данный СМН восходит к фразеологизмам: *unter dem Pantoffel stehen* разг. ‘быть у жены под каблуком’; *j-n unter dem Pantoffel haben* разг. ‘держат кого-л. под башмаком’, *den Pantoffel schwingen/führen* разг. ‘верховодить (командовать) в семье/в доме (о жене или экономке)’; аналогично: русск. разг. фам. *каблук* <разг. тот, кто находится в подчинении, под каблуком у своей жены> [495] (←*быть под каблуком* ‘быть в подчинении’) и укр. разг. шутил. *підкаблучник* <про чоловіка, що знаходиться в повній підлеглості у дружини> [495] (←*тримати під каблуком* разг. ‘безоговорочно подчинять своей воле, делать полностью зависимым от себя (преим. мужа от жены)’):

(170) нем. разг. *Oft kennt ein Pantoffelheld nicht seine Probleme, bis er mit einem glücklichen Junggesellen gesprochen hat* [485] ‘Подкаблучник часто не осознаёт своих проблем, пока не поговорит со счастливым холостяком’;

(171) русск. разг. фам. *А может быть, и была ею. Грустный, потерянный человек, подкаблучник у стервы, как я понимаю, жены, непьющий, малорослый, трудоголик и бессребреник. Иногда его, конечно, заносило, но кто без греха.* [552];

(172) укр. разг. *На жаль, за вдачею Флавіан типовий підкаблучник, і через те йому потрібна жінка без владних амбіцій, бажано взагалі без амбіцій, тиха, сумирна, покірлива* [553] ‘К сожалению, по натуре Флавиан типичный подкаблучник, и поэтому ему нужна женщина без властных амбиций, желательно вообще без амбиций, тихая, смиренная, кроткая’.

В английском субстандарте бесхребетного мужа, у которого чрезвычайно властная жена, именуют *pussywhipped*. В основе данного номена лежит соматический тип метафорического переноса (*pussy* сленг. ‘женщина/вагина’ + *whipped* ‘побитый, потерпевший поражение’):

(173) англ. сленг. *Friend1: Dude, Ryan is really pussywhipped. He follows Christian all over the place, doesn't talk to his friends (unless she does) and only hangs out with her and her friends. Friend2: At least he's getting some Friend1: Yeah, but we haven't seen him in 4 months. Tommorrow I'm gonna report him missing to the police* [491] '(Друг1): Чувак, Райан самый настоящий подкаблучник. Он повсюду следует за Кристиан, не общается со своими друзьями (если только с ней) и тусуется только с ней и ее друзьями (Друг2): По крайней мере, у него кто-то есть (Друг1): Да, но мы не видели его 4 месяца. Завтра я сообщу о его пропаже в полицию'.

Добавим, что в сопоставляемых языках слабохарактерность мужа, его "ведомость" сравнивают с тряпкой, которой жена ежедневно пользуется в быту, ср.: нем. *Waschlappen* <безвольный человек, подкаблучник, тряпка> (букв. 'тряпка/мочалка') [480, с. 211]; русск. разг. *тряпка*; укр. разг. *тряпка*. Данные СМНР имеют явную пейоративную оценку, например:

(174) нем. *Mein Freund ist ein Waschlappen und kann es nicht selbst entscheiden. Alles macht seine Frau* [480, с. 211] 'Мой друг – *тряпка*, он сам ничего не решает. Все делает его жена';

(175) русск. разг. *Не мужик, а половая тряпка, им хоть полы мой и не пускай домой* [552];

(176) укр. разг. *Чоловік, якщо він чоловік, а не тряпка, ОБОВ'ЯЗКОВО повинен тримати сторону дружини, адже саме з нею він життя проживатиме і саме вона народить йому продовжувачів роду....дружина-на першому місці і це навіть не обговорюється* [548] 'Муж, если он мужчина, а не тряпка, ОБЯЗАТЕЛЬНО должен становиться на сторону жены, ведь именно с ней он будет проживать жизнь и именно она родит ему наследников рода жена на первом месте и это даже не обсуждается'.

В английском языке мужа, находящегося в полном подчинении у жены, именуют *Job/Jobe* <a hen-pecked husband, from the biblical Job, who received a lengthy telling-off from his supposed 'comforters'>, которое восходит к Иову ветхозаветному праведнику, претерпевшему много страданий [527, с. 213].

3.3.2.3 НМП «матримониальный статус» (англ. – 6 ед.; нем./русск. – по 2 ед.; укр. – 1 СМНР). В сопоставляемых языках отмечены номены, которые используются для номинации бывших мужей, ср.: англ. сленг. *ex, wasband* (номен построен на игре слов, ср.: *husband* ‘муж’ и *hasband*); нем. разг. *Ex/Exmann*; русск. разг. *бывший*; укр. разг. *колишній*.

В английском и русском языках мужа, находящегося во временной разлуке с женой, не живущего с ней, по аналогии с *grass-widow* ‘соломенная вдова’ (см. п.п. 3.3.1) шутливо именуют *grass-widower* ‘соломенный вдовец’ [491] и русск. *соломенный вдовец* [479, с. 73]. Например:

(177) англ. сленг. *We didn't know if he had a girlfriend, if he was single, or if he was a **grass widower*** [491] ‘Мы не знали, была ли у него девушка, был ли он холост, или он был соломенным вдовцом’;

(178) русск. *Не думаешь же ты, что весь смысл жизни в неразлучном счастливом житии с женой, хотя бы и с такой, в которую влюблён до сих пор до безумия, и с детьми?.. Положим, это одна из приятных сторон жизни, не спорю, но есть и другое. И не один же ты в положении **соломенного вдовца**... Не один же ты на свете влюблённый муж, расстающийся по каким-нибудь делам с женой...* [552].

3.3.2.4 НМП «роль в семье» (нем. – 5 ед.; англ./русск./укр. – по СМНР в каждом языке). Муж, как глава семьи, обязан обеспечить своей семье экономическое благополучие и стабильность. НМП «роль родственника в семье» закрепляется в сопоставляемых языках, в частности, через использование социальных метафор, ср.: англ. сленг. *gaffer* (букв. ‘бригадир’) [527, с. 213]; нем. разг. *Zahlmeister* (букв. ‘начальник финансового довольствия’) [532, с. 936], *Zahlemann* (букв. ‘плательщик’); русск. разг. *хозяин* [494]; укр. разг. *інвестор* [492, с. 26]. Например:

(179) англ. сленг. *I'll have to speak to my **gaffer** about that* [491] ‘Я должна поговорить об этом со своим бригадиром (т.е. ‘мужем’)’.

Вместе с тем, социальные изменения, происходящие в современном мире, коренным образом изменили положение мужчины и женщины в обществе и семье, привели к перераспределению семейных ролей между мужем и женой. Сегодня женщина часто не зависит от мужчины, она сама зарабатывает себе на жизнь и на жизнь своих детей. Напротив, муж утрачивает свой авторитет кормильца семьи, нередко он ведет домашнее хозяйство, поддерживает порядок в доме, что находит свое вербальное отражение в языке, в частности в немецкой субкультуре, ср.: нем. разг. *Spülmittel* <Ehemann, der Geschirr spült> (букв. ‘средство для мытья посуды/полоскания белья’) ‘моющий посуду/полоскающий белье муж’ [532, с. 788], *Putzmann/Hausmann/Haushammel* <Ehemann, der Hausfrauenarbeit verrichtet> перен. разг. ‘муж, который выполняет женскую домашнюю работу’ [532, с. 629, 333]. Например:

(180) нем. разг. *Manfred ist ein Schoppinggenie. Einen Grund mehr, einen Hausmann zu heiraten* [555] ‘Манфред – гений шоппинга. Еще одна причина выйти замуж за домохозяина’.

В немецком языке неспособность мужа выполнять свой супружеский долг, его несостоятельность как мужчины нашли свое отражение в номене *Schlappschwanz*, в основе которого лежит метонимический перенос с мужского полового органа на мужчину (←*schlapp* ‘вялый, лишённый энергии; слабый’ + *Schwanz* ‘мужской (половой) орган’) [480, с. 186].

(181) нем. разг. *Erst hat er den ganzen Abend mit seinen Qualitäten als Liebhaber geprahlt und dann erweist er sich im Bett als echter Schlappschwanz* [543] ‘Сначала он весь вечер хвастался своими качествами любовника, а потом в постели оказывался настоящим импотентом’.

В славянских языках богатого и старого мужа, имеющего молодую жену, именуют сходным образом, ср.: русск. разг. *папик*/укр. сленг. *panik* [465, с. 380; 505, с. 222]. Например:

(182) русск. разг. *Никак не врублюсь: он что, её отец? Нет, самый натуральный папик;*

(183) укр. сленг. *Тут би відірваною головою не обійшлося. Панік моєму детективному агентству доручив стежити за своєю дружиною, типу в профілактичних цілях. Інколи вона любила побавитися в самотійність і не брала з собою на зустрічі з давніми подругами охорони...* [553] ‘Тут бы оторванной головой не обошлось. *Паник* моему детективному агентству поручил следить за своей женой, типа в профилактических целях. Иногда она любила поиграть в самостоятельность и не брала с собой на встречи с давними подругами охранников...’.

3.3.2.5 Автократический НМП (русск. – 4; нем. – 3 ед.; укр. – 1 СМНР). Данный признак выявлен у СМН мужей-доминантов, которые ожидают от своих жен покорности, признания их власти, авторитета, главенства в семье, ср.: нем. разг. *Bevölkerungsrat* <Ehemann> (букв. ‘совет населения’) [532, с. 103]; укр. жарг. *солдафон* ‘властный муж’.

(184) укр. жарг. “*Солдафон!* Звик наказувати!” Чи не так? — Так. ‘Солдафон (т.е. ‘властный муж’)! Привык приказывать! Разве не так? — Так’ [553].

Добавим, что жестоких мужей, избивающих своих жен и детей в немецком и русском разговорных языках именуют: нем. разг. *Brüllaffe* <tobender Ehemann> (букв. ‘обезьяна-ревун’) ‘разгневанный муж’ [532, с. 135]; русск. разг. *деспот* <жестокий муж, избивающий и унижающий жену и детей> (←греч. *δεσπότης* «господин, повелитель», ср.: нем. *Despot*, франц. *despote* ‘деспот, жестокий властелин’) ‘властный муж’ [495]; Например:

(185) русск. разг. [Обращение жены к мужу]: *Ты самый настоящий деспот! Как с тобой дальше можно жить?* [495].

Отметим, что в немецком и русском языках отмечен также схожий образ мужа, который угнетает, притесняет членов своей семьи, в том числе и жену, ср.: нем. *Haustyrann* ‘тиран в семье’, *домашний тиран* <Тот, кто мучит, притесняет кого-л. тиран-муж> ‘властный муж’ [495]:

(186) нем. разг. *Ihr Mann entwickelt sich allmählich zu einem Haustyrannen* ‘Ее муж превращается постепенно в тирана в семье’ [468];

(187) русск. разг. *Несчастливая женщина спасена, домашний тиран наказан - неплохой день* [555].

3.3.2.6 Репродуктивный НМП указывает на детородные/сексуальные способности мужа. СМН с данным признаком отмечены во всех сопоставляемых языках и имеют пейоративную оценку, ср.: англ. сленг. вульг. *sharpshooter* <a man whose wife is always pregnant> (букв. ‘меткий стрелок’) ‘мужчина, чья жена постоянно беременна’ [520, с. 571]; нем. вульг. *Maulficker* <kinderloser Ehemann> ‘бездетный муж’ [532, с. 528]. Добавим, что лишь в немецком языке бездетного отца сравнивают с библейским персонажем из Нового Завета Иосифом, мужем Марии: разг. *Josef* <kinderloser Ehemann. Übernommen aus der neutestamentlichen Geschichte von Josef und Maria> ‘бездетный муж’ [532, с. 381]. В украинском языке для номинации многодетного отца используется зооним *бик-заплідник* <чоловік, від якого жінка може швидко завагітніти> (букв. ‘бык-осеменитель’) вульг. ирон. ‘мужчина, от которого жена может быстро забеременеть’ [506, с. 96].

3.4 ТГ «Братья и сестры»

Братья и сестры проводят значительную часть жизни (вместе примерно треть жизни), формируют свой характер и участвуют в формировании личности друг друга. Старшие являются примером, авторитетом для младших. Как правило, отношения братьев и сестер базируются на взаимопомощи и поддержке, моральной и материальной.

Рассматриваемая группа СМНР является продуктивной в сопоставляемых языках (русск. – 22; нем. – 19 ед.; англ. – 16 ед.; укр. – 14 ед.). У номенов данной группы выделяются следующие подгруппы:

3.4.1 Родные братья и сестры, происходящие от одних и тех же отца и матери. Сюда входят лексемы, номинирующие братьев, сестер, а также собирательные наименования братьев и сестер (см. п.п. 3.4.1–3.4.2).

Среди СМН брата и СМН сестры в английском языке преобладают рифмованные сленгизмы: *one and t'other/slide and sluther* ‘брат’ [519, с. 464, 484], *little blister/skin and blister/black man kissed her/blood blister/kid blister* ‘сестра’ [519, с. 403, 587; 527, с. 212]. Для номинации младшего брата используются зооним *junior wolf* <younger brother> (букв. ‘младший волк’) ‘младший брат’ [519, с. 1303] и конверсив *bratty* <brother> (букв. ‘дерзкий, проказливый, своевольный’) ‘брат’ [527, с. 212], а для номинации сестры как в английском, так и в немецком языках – усеченные СМНР *sis/sissy* (←*sister* ‘сестра’) [491]:

(188) англ. сленг. *Sis, can I take your car?* [491] ‘Систер, можно одолжить твою машину?’.

В немецком языке для номинации старшего брата используют СМНР *Brietze(Brieze)/Brietzkeule/Fiez(Fitz)* <älterer Bruder> разг. ‘брат’ [532, с. 131, 234], младшего – *der Kleine* <младший брат> [486], брата называют также *Keule/Kelle/Babba* <Bruder> [532, с. 406; 491]. Для номинации сестры используются СМНР *Schwesterherz/Schwöte* [532, с. 484, 756; 491], а также композит *Lästerschwein* <kleine Schwester>, образованный в результате фонетической перестановки среднего сегмента в начало слова: Schwes[ter]ein [532, с. 408]. Старшую сестру в немецком языке именуют также *Fieze (Fitze)* <ältere Schwester> [532, с. 234]. Например:

(189) нем. разг. *Ich mag mein liebes Lesterschwein. Sie nimmt mich immer auf Parties mit* [490] ‘Я обожаю свою старшую сестрицу, она всегда берет меня с собой на вечеринки’.

В русском и украинском языках для номинации брата и сестры активно используются СМНР, образованные при помощи пейоративных суффиксов, ср.: русск. жарг. *брателло/братуха/брательник* жарг. ‘брат’ [465, с. 101,100; 489, с. 277], *сеструха/сеструня* жарг. ‘сестра’; укр. жарг. *брательник/братуха/братухан* ‘брат’ [505, с. 67], жарг. *сеструха/сестрелянка* ‘сестра’ [505, с. 272]:

(190) русск. жарг. *Брательник мой опять пригнал коровку* (т.е. ‘машину’) *из Германии* [489, с. 277];

(191) укр. жарг. *У мене найкраща сеструха!* [505, с. 272] ‘У меня самая лучшая сеструха’.

Добавим, что в немецком, русском и украинском языках высокую частотность проявляют также СМН, заимствованные из английского языка, ср.: нем. разг. *Bro* ‘брат’ [490], *Sis* ‘сестра’ [490]; русск. жарг. *бруда/бразер/браз* ‘брат’ [465, с. 84, 81], *систер* ‘сестра’; укр. жарг. *сіста* ‘сестра’ [505, с. 273]:

(192) нем. разг. *Mein Bro ist manchmal beneidenswert* [489] ‘Моему брату иногда можно позавидовать’;

(193) русск. жарг. *Как твой бруда поживает?* [465, с. 84];

(194) укр. жарг. *Ще має підійти моя сіста з пацанчиком* [505, с. 273] ‘Еще должна подойти моя систер с пацанчиком’.

Отметим, что собирательные наименования братьев и сестер представлены только в английском и немецком языках. Так, в английском языке ребёнка, зачатого с целью предоставления органа или клеток, способных вылечить старшего брата или сестру от смертельной болезни, именуют *savior sibling* (‘брат или сестра-спаситель’) (←*to save* ‘спасать’) [491]; в немецком языке младших братьев и сестер сравнивают с зелеными овощами из-за их незрелости/неопытности: нем. *Gemüse* букв. (‘зелень’), их именуют также конверсивом *Minis* <jüngere Geschwister> [532, с. 284, 532]:

(195) англ. *My friend is being used as a savior sibling against her will* [491] ‘Мою подругу используют как спасителя родного брата против ее воли’.

3.4.2 Двоюродные братья/сестры являются братом или сестрой по второй линии, т.е. мальчик/девочка по отношению к ребёнку брата/сестры матери/отца; сын/дочь брата/сестры матери/отца. Данная подгруппа представлена единичными наименованиями в английском и немецком языках, ср.: англ. *cutty* ‘двоюродный брат/сестра’ [519, с. 614], нем. *Schwippvetter* ‘двоюродный брат по линии жены/мужа’ [532, с. 757].

3.5 ТГ «Дедушка и бабушка»

Помимо родителей важное место в жизни ребёнка занимают дедушки и бабушки. Они оказывают большую помощь в уходе за детьми, играют значительную роль в их воспитании. Следовательно, их присутствие в жизни детей бесспорно важно, а роль довольно значительна, что находит свое отражение в языке.

Данная ТГ СМНР приблизительно одинакова по продуктивности в сопоставляемых языках (укр. – 22 ед.; англ. – 20 ед.; нем./русск. – по 18 ед.). Рассматриваемые номены имеют преимущественно положительную коннотацию, часто содержат в своей структуре диминутивные суффиксы, ср.: англ. разг. ласк. *grandpappy/gran(d)daddy* ‘дедушка’ [519, с. 303; 525, с. 89], нем. разг. ласк. *Opi* ‘дедушка’ [532, с. 587]; русск. разг. ласк. *дедуля* разг. ласк. ‘дедушка’ [495]; укр. разг. ласк. *дідунь/дідуньо/дідунечко/дідусь/дідусьо/дідусечко* ‘дедушка’ [504]. Например:

(196) англ. разг. ласк. *Me and my grandpappy went fishing* [491] ‘Мы с дедушкой ходили на рыбалку’;

(197) нем. разг. ласк. *Papi, Mami und Opi, die doch von den späteren Arbeitseinkommen ihrer Nachkommen ihre Rente beziehen sollen, wollen ihren Zöglingen noch eine Extra-Auszeit spendieren, als ob es so schön und produktiv sei, ein Jahr länger in unserem Schulsystem herumzuhängen* [551] ‘Папочка, мамочка и дедушка, которые должны получать свою пенсию от доходов своих потомков, хотят дать своим воспитанникам дополнительный перерыв, как будто это так хорошо и продуктивно болтаться в нашей школьной системе еще один год’;

(198) русск. разг. ласк. *Дедуля моей избранницы занимал в былое время пост. Я не вдавался в род его деятельности, но чистки партийных рядов его миновали, может, потому что вел себя аккуратно, а может, и сам ретивость разумную проявлял.* [552];

(199) укр разг. ласк. *Дідусь ще гуляє, а батько вже вмер* [553] ‘Дедушка еще гуляет, а отец уже умер’.

В сопоставляемых языках для номинации бабушки используют разные СМНР, которые часто выступают в функции обращений, ср.: англ. разг. ласк. *grananny/nannie/nanny* [519, с. 451]; нем. разг. ласк. *Omi* ‘бабушка’ [532, с. 586], *Omachen/Omilein* <wird in Teilen Nordrhein-Westfalens als Kosewort für die Großmutter benutzt> ‘бабушка’ (используется в некоторых частях земли Северный Рейн-Вестфалия) [490]; русск. разг. ласк. *бабуля/бабуся/бабулька* ‘бабушка’ [510, с. 56]; укр. разг. ласк. *бабу́ня/бабу́нечка/бабу́ся/бабу́сенька/бабу́сечка* [504]:

(200) нем. разг. ласк. *Darauf der Kleine zur Großmutter: Omi, hat der was vergessen?* ‘На это малыш бабушке: ‘Бабуль, он что-то забыл?’;

(201) русск. разг. ласк. *Эх, какие котлеты готовит твоя бабуся!* [510, с. 56];

(202) укр. разг. ласк. *Бабу́ня, а ти зробиш мені завтра вареничків з вишнями?* [504] ‘Бабуля, а ты сделаешь мне завтра вареничков с вишнями?’.

Как в германских, так и в славянских языках отмечены усеченные СМН бабушки или дедушки, выступающие часто в функции обращений: англ. *gramp/gramps/grampa* разг. ‘дед’ [519, с. 302]; нем. *Ops/Öp* разг. ласк. ‘дедушка’ [490]; русск. *ба* разг. ‘бабка’, укр. *ба* разг. ‘бабка’:

(203) англ. разг. ласк. *But, grampa, I want to hear about old-time wrestling, too* [555] ‘Но, дедушка, я тоже хочу послушать про прежний реслинг’;

(204) нем. разг. ласк. *Mein Opa brachte mich als Kind immer hierhin* [555] ‘Дедушка часто приводил меня сюда, когда я была маленькой’;

(205) русск. разг. ласк. – *Ну мне всё-таки хочется тебя хоть чем-нибудь порадовать, ба!* ‘– Дай мне поработать, это будет самая большая радость для меня, – говорит бабушка [552]’;

(206) укр. разг. ласк. *Ось це, певно, найважливіше фото у моїй галереї. Я саме знайшов пакет з горіхів, який Ба конспіративно заховала за весняним взуттям. Ба немає, а пакет є* [551] ‘Вот это, наверное, самое важное фото в моей галерее. Я как раз нашел пакет орехов, который Ба конспиративно спрятала за весенней обувью. Ба нет, а пакет есть’.

Отметим, что в славянских языках выявлены СМНР, образованные при помощи пейоративных суффиксов, которые выражают недовольство говорящего, его негативное, неодобрительное, пренебрежительное отношение к бабушке/дедушке, ср.: русск. разг. груб. *дедан/старикан/старикашка* ‘дедушка’, *бабка* ‘бабушка’; укр. разг. груб. *дідісько/дідіще/дідуга/дідуган* ‘дедушка’ [504], разг. *ба́бця* ‘бабушка’ [504]:

(207) русск. разг. груб. [Из разговора подруг]: *С последнего раза, когда с пацанами ездили. Я же тогда с бабкой поругалась. А-а-а, а ты маме позвони, пусть она с ними поговорит, тем более мы по учебе. Ага, мама сама на нервах, её бабка довела с моими гулянками;*

(208) укр. разг. груб. *Дідуган мій гостро на мене глянув* [504] ‘Дед мой на меня пристально посмотрел’.

Добавим, что в немецком языке обнаружены различные шуточные, ироничные номинации бабушки и дедушки, которые часто используется в конфликтных ситуациях, ср.: *Omse* <Ein anderes wort für Oma. Man sagt dieses Wort eher in genervten, aber auch in lustigen, witzigen und ironischen Situationen> [489]:

(209) нем. разг. *Jeden Tag ruft mich meine Omse an* [489] ‘Моя бабуля звонит мне каждый день’; *Die Omse schafft es nicht über eine grüne Ampel zu laufen.* [489] ‘У Бабули не получилось перейти на зеленый свет’; *Meine Omse ist wieder ma auf ne Kaffeefahrt, und schenkt mir jedesmal die Mitbringsel, die freut sich mehr als ich!* [489] ‘Моя бабуля снова на послеобеденной экскурсии, и каждый раз, когда она дает мне сувенир, она счастливее меня!’.

В основе некоторых шуточных номинаций лежат различные метафорические и метонимические переносы. Так, преклонный возраст дедушки, его ворчливость сравнивают с предметом, издающим треск: *Knacker* (букв. ‘трескающий/хрустящий’) перен. разг. ‘дедушка’. Разодетую бабушку в немецком разговорном языке метафорически сравнивают с куклой Барби: *Seniorenbarbie* <aufgetakelte Oma> [489]: в основе данного СМНР лежит НМП «внешние данные»:

(210) нем. разг. *Kennst du die Großmutter von Yvonne? Die ist die totale Seniorenbarbie!* [489] ‘Ты знаешь бабушку Ивонны? Она настоящая пожилая Барби!’;

(211) нем. разг. *Nicht schlecht für einen alten Knacker* [551] ‘Неплохо для старика’.

3.6 ТГ «Внуки»

Данная группа СМНР характеризуется в сопоставляемых языках более высокой продуктивностью в украинском языке (укр. – 15; русск. – 7 ед.; нем. – 1 СМНР). В русском и украинском языках в бытовом общении для выражения чувств нежности, любви со стороны бабушек и дедушек к своим внукам используются преимущественно диминутивные номены, ср.: русск. ласк. *внучек/внучонок/внучок* ‘внук’, *внуча/внучечка/внученька* ‘внучка’, *внучата* ласк. ‘внуки’ [510]; укр. ласк. *онуча (внуча, унуча)/онучатко/(внучатко, унучатко)/онученя (внученя, унученя)/онучок (внучок, унучок)* ‘внук’, *онучечка (внучечка, унучечка)* ‘внучка’ [504]. Например:

(211) русск. ласк. *Иван Федорович позвал любимого внука Мишку и высыпал перед трехлетнем пацаненком из здоровенного кожаного кисета гору золотых монет: «Играй, внучек»* [552];

(212) укр. ласк. *Лист був від сина Порфирія, відомого водолаза Еп-рапу. Він писав, що приїде у Млинки свою доньку Олесю в гості до діда та баби і просив зустріти її на пристані. Першою схлинула баба Лизавета. – Онучечка... Сім годочків не бачила... Дід непомітно змахнув щасливу сльозу: – Радість яка... Барышнею, мабуть, стала* [553] ‘Письмо было от сына Порфирия, известного водолаза Эп-рапу. Он писал, что прийдет в Млинки свою дочку Олесю в гости к деду и бабе и просил встретить ее на пристани. Первой всхлинула баба Лизавета. – Внучечка ... семь годочков не видела... дед незаметно смахнул счастливую слезу: – радость какая... барышней, видать, стала’.

В немецком языке отмечен уникальный номен пейоративного обозначения деградирующего третьего поколения, которое пропало все

унаследованное родителями: *Saufenkel* <die dekadente 'dritte Generation', die alles Geerbte/Zu-Erbende versäuft > [490].

3.7 ТГ «Братья и сестры родителя»

ТГ «Братья и сестры родителя» выявлена в большинстве языков (за исключением русского), ср.: укр. жарг. *цьоця* ‘тетя’ [504], *лобзейка* ‘тетя’ [504], ласк. *дядечко* ‘дядя’ [504]; англ. сленг. *unc/unk/unku* ‘дядя’ [530, с. 977]:

(213) укр. разг. ... – *Якщо ти не з'їси кашу, то дідуньо вмере. Бачиш – він уже ледве ходить. Я їв кашу і з радістю переконувався, що дідуньове здоров'я доправляється. Лише одного разу їм не вдалося мене купити. Це було, коли вони сказали, що помре цьоця Геля, якщо я не з'їм каші. Цьоця Геля, мамина сестра, частенько гостювала у нас по кілька днів* [553] ‘... – Если ты не съешь кашу, то дедушка умрет. Видишь – он уже еле ходит. Я ел кашу и с радостью убеждался, что дедушка поправляется. Лишь однажды им не удалось меня купить. Это было, когда они сказали, что умрет тетя Геля, если я не съем кашу. Эта Геля, мамина сестра, частенько гостила у нас по нескольку дней’;

(213) англ. сленг. *Is Unky Fred coming to the party? I can't wait to see him!* [491] ‘Дядя Фред придет на вечеринку? Не могу дождаться, когда увижу его!’

В немецком языке для номинации гомосексуального брата отца или матери используется СМНР *Schwonkel*, образованное путем контаминации (*Schw[ule]* ‘гомосексуалист’ + *Onkel* ‘дядя’) и выражающее неодобрительное, пренебрежительное отношение к данному лицу, например:

(214) нем. разг. ..., *aber der Schwonkel hat gesagt, dass seine Mutter immer eine Tochter wollte. Nun hat sie eine* [490] ‘... но дядя говорил, что его мать всегда хотела дочь. Теперь у нее есть одна’.

3.8 ТГ «Дети брата или сестры»

Данная ТГ выявлена в немецком и украинском языках и является малочисленной (русск. – 2 ед.; нем. – 1 СМНР). В немецком языке она представлена композитом, образованным путем добавления к исходному существительному отрицательной частицы, что подчеркивает негативное

(презрительное) отношение к племяннику: разг. *Nichtnichte* <schwuler Neffe> ‘племянник-гомосексуалист’ (←*nicht* ‘не’ + *Nichte* ‘племянница’) [490].

В русском языке выявлены суффиксальные СМН, образованные путем прибавления к лексеме *племянник* диминутивных суффиксов *-(j)аш*, *-(j)ашик*: *племяш* разг. ‘племянник’, *племяшка* разг. ласк. ‘племянница’.

3.9 ТГ «Родители супругов»

Данная группа СМНР обозначает родственные отношения, возникшие в результате брака, является в сопоставляемых языках (за исключением немецкого) малопродуктивной (нем. – 8 ед.; русск. – 5; укр. – 4 ед.; англ. – 3 ед.).

В английском языке для номинации отца бывшего мужа/жены используется композит *father-out-law* (букв. ‘отец вне брака’), который по аналогии к композиту *father-in-law* (букв. ‘отец в браке’) ‘свекор/тесть’ образован путем замены предлога *in* на *out*, что создает эффект языковой игры. По аналогии с *father-out-law* появилось СМН *mother-out-law* ‘мать бывшего мужа/жены’.

В немецком языке свекра/тестя именуют *Schwiegerpapa* [532, с. 587], а также *Schwartenficker* <ein Wortverdrehler für Schwiegervater> ‘перифраз для тестя’ (←*alte Schwarte* разг. ‘старая женщина’ + *Ficker* разг. ‘ебарь’), передающий отрицательное, презрительное, грубое отношение говорящего к нему [490]. Например:

(215) нем. разг. *Am Wochenende kommt mein Schwartenficker zu Besuch* [490] ‘В выходные придет в гости старый ебарь (т.е. ‘тесть/свекор’)’.

Для номинации невыносимой тещи/свекрухи используются СМНР, в основе которых лежат различные метафорические переносы, придающие им ироничный, шутливо-пейоративный оттенок, ср.: нем. разг. *Schwiegermonster* <eine unmögliche Schwiegermutter> [490]; русск. разг. *монстр/кобра* [465, с. 105]; укр. сленг. *знара/згнára* [492], *агресор* [513]. Например:

(216) русск. разг. *Теща – кобра, демон в юбке! Нам с Ирккой жизни не дает.*

(217) нем. разг. [Из обсуждения свекрух на форуме]: *Alle Schwiegertöchter die sich jetzt soooooo sehr über ihre bösen Schwiegermonster aufregen sei gesagt, wenn ihr einen Sohn habt, kann das sein, dass ihr urplötzlich in solch ein Schwiegermonster mutiert, nämlich dann wenn euer "Bubilein" seine Herzensdame gefunden hat* [557] ‘Все невестки, которые сейчас т-а-а-а-к недовольны своими злыми свекрухами, скажите, а что если у вас есть сын, может быть вы тоже внезапно превратитесь в такую свекровь, и именно тогда, когда ваш "сыночек" найдет свою даму сердца’.

Добавим, что в немецком языке отца мужа/жены, который против свадьбы детей, или отца жены/мужа, который недолюбливает мужа/жену, сравнивают с тираном: *Schwiegertyrann* [489].

(218) нем. разг. *Sie war sehr fromm, aber das Leben mit einem gleichgültigen Ehemann und einem Schwiegertyrannen zwang sie, gegen die Regeln zu rebellieren* [551] ‘Она была очень набожна, но жизнь с равнодушным мужем и свекром-тираном заставила ее восстать против правил’.

В немецком, русском и украинском языках выявлены также следующие СМН тещи/свекрови: нем. разг. *Schwiegermama/Schwietu/S.M.* [532, с. 684; 756; 490]; русск. разг. *ма*; укр. разг. *ма* ‘свекровь/теща’. Например:

(216) нем. *Praktisch, wenn man in so einer Situation Schwiegermama dabei hat - so konnte sie in der Suite im Ritz-Carlton auf ihre Enkelin Leni (13 Monate) aufpassen* [551] ‘Удобно, если иметь при себе свекровь в такой ситуации – так она могла присматривать за своей внучкой Лени (13 месяцев) в люксе в Ритц-Карлтоне’;

(219) русск. разг. [Обращение к свекрови]: *Ма, посидите завтра с Аришей? А то мне утром на рынок сбегать нужно;*

(220) укр. разг. [Обращение к свекрови]: *Ма, ви їсти будете?* ‘Ма, вы есть будете?’.

3.10 ТГ «Брат или сестра через брак»

Данная группа представлена только в немецком языке (3 ед.) Так, брата зятя/невестки либо зятя брата/сестры именуют *Schwippschwager* (←*schwippen* ‘проливать, разбрызгивать’; намек на отношения через брак, а не через кровные узы), а сестру зятя/невестки; свояченицу брата/сестры называют соответственно *Schwippschwägerin*, двоюродного брата мужа или жены именуют *Schwippvetter* [532, с. 757; 468, с. 637]. Например:

(221) нем. разг. *Bei der Sonnenrune und dem heiligen Kreis, meine Geduld hat ein Ende! Ich bin ja nur ein Schwippvetter, der hier nichts zu sagen hat, aber ich werde, bevor ich abreise, einen solchen Höllenlärm schlagen, daß Muhme Gesina drei Tage lang von Angst und Baldriantee lebt... [551]* ‘Клянусь руной солнца и священным кругом, моему терпению пришел конец! Да, я всего лишь зять, который не имеет здесь права голоса, но прежде чем я уеду, я подниму такой шум, что тетушка Гезина будет три дня еще содрогаться от страха...’.

3.11 ТГ «Отчим»

ТГ «Отчим» представлена только в германских языках (англ. – 8 ед.; нем. – 3 ед.). В английском и немецком языках отмечены схожие СМН отчимов, образованные путем присоединения к собственно термину родства полупрефикса **Bonus-**, который придает производящим основам экспрессивно-оценочное мелиоративное значение, как правило, с шутливым оттенком и имеет значение дополнительной выгоды, вознаграждения; ср. словарные толкования следующих номенов: англ. разг. *bonus dad* <a man who married your mom, the man who protects& defends you, is prouder than hell of you, and loves you like your his own,unconditionally, not because he has to, but because he wants to> [491] и нем. разг. *Bonuspapa* <Stiefvater. Der Begriff wird von der systemischen Familientherapie empfohlen> [490]. Например:

(222) нем. разг. *Mein Bonuspapa rockt! Dem merkt man seine 70 überhaupt nicht an [490]* ‘Мой отчим жжет! По нему и не скажешь, что ему 70!’;

(223) англ. разг. *Is your dad coming to pick you up? No, he's at work so my bonus dad is coming* [491] ‘Тебя заберет отец? Нет, он на работе, так что за мной приедет отчим’.

Для номинации отчимов в обоих языках используется композит с первым компонентом *fake* ‘поддельный/фальшивый’: англ. *fake dad* [498]; нем. *fake dad* [490]:

(224) нем. разг. *Er war der beste Fake-Dad, den wir je hatten* [555] ‘Он был лучшим отчимом, который у нас был’;

(225) англ. разг. *I've already lost a fake dad this week* [555] ‘Я уже потеряла отчима на этой неделе’.

Добавим, что в немецком языке для выражения чувства ненависти, неприязни, пренебрежительного отношения к отчиму используют композит *Arschgevatter* (*Arsch* ‘задница’ + *Gevatter* ‘кум; крёстный отец’) [480, с. 14]:

(226) нем. разг. *Ich hasse meinen Arschgevatter* [480, с. 14] ‘Я ненавижу своего отчима’.

3.12 ТГ «Мачеха»

Данная ТГ также представлена только в германских языках и заметно преобладает в английском языке (англ. –10 ед.; нем. – 1 СМНР). В обоих сопоставляемых языках отмечены СМН, построенные по сходной модели "bonus + mamma". Данные СМН называют мачеху, которая для родных детей отца представляет определенную выгоду (см. п. 3.11), ср.: англ. *bonusmamma* [498], нем. *Bonusmamma*. Например:

(227) нем. разг. *Und wenn die Schule ist, bin ich bei Papa. Ich habe zu Hause eine Bonusmamma und Bonusgeschwister* ‘После окончания школы, я остаюсь у папы. У меня дома есть мачеха и сводные братья и сестры’.

4. Функции СМНР в неофициальном общении

Опираясь на контексты употребления СМНР, а также на исследования отечественных и зарубежных ученых в сфере неофициальной коммуникации [20; 73–74; 88; 97; 119; 133; 181; 205; 227; 256–258; 268; 275; 279; 332; 370; 380–383; 391; 427; 438–440; 447], мы пришли к выводу, что в ходе семейного и дружеского

общения СМНР в сопоставляемых языках выполняют следующие коммуникативные функции: 1) *номинативную функцию* (или функцию наименования адресата в речи) [20; 88; 119; 256; 258; 277; 391]; 2) *вокативную* (контакто-устанавливающую) [97; 107; 133; 205; 279; 332; 391]; 3) *эмоционально-оценочную функцию* (или оценочно-характеризующую) [88; 119; 186; 227; 258]; 4) *социально-регулятивную функцию* (этикетную) [88; 227; 336; 380; 383; 447].

4.1 Номинативная функция СМНР

Во всех сопоставляемых языках СМНР, выполняющие номинативную функцию, выступают в роли обращений, т.е. «слово или словосочетание, называющее человека или предмет, к которому обращается говорящий или пишущий. Обращение используется для привлечения внимания собеседника, читателя. Они чаще встречаются в разговорной речи, особенно в диалогической» [116, с. 227]. Ряд лингвистов справедливо отмечают двойственный характер данной функции, т.е. в обращении сочетаются идентифицирующие номинации с номинациями субъективно-оценочного типа [292, с. 34; 123, с. 37; 181, с. 52]. В этой связи выделяются следующие два типа номинаций:

1. *Релятивные номинации*, выраженные собственно наименованиями родственников, характеризующие объект номинации с точки зрения его статуса, роли, положения в семье, применяются для установления контакта в нейтральной ситуации. Так, наиболее частотными в семейном общении являются эллиптические формы обращения типа, ср.: англ. *ma, mum, pa, pap, bro, sis*; нем. *Ma, Pa, Pap, Pappa*; русск. *ма, мам, па, пап, ба*; укр. *ма, мам, па, ба*. Они выполняют различные коммуникативные функции, в том числе и номинативную, а иллокутивная сила речевого акта в таком случае определяется контекстом, ср.:

(228) англ. сленг. *Cool story, bro* [491] ‘Классная история, братец’;

нем. разг. *Ich weiß es nicht, Ma. Du musst Radke fragen* ‘Не знаю, Ма. Лучше спроси у Радке’;

русск. разг. *Па, почитай мне книжку!* [471];

укр. разг. – *Ма, ти не бачила, де мій телефон? – мабуть десь там* [553]
 ‘– Ма, ты не видела, где мой телефон? – наверное, где-то там’.

2. *Оценочные номинации*, представляющие собой адресованные выражения эмоций, несущие в себе дополнительную эмоционально-экспрессивную нагрузку:

(229) нем. разг. [Обращение к матери]: *Was soll ich tun, Mamandant?* [523, с. 79] ‘Что я должен делать, мой комендант (т.е. ‘мать’)?’;

(230) укр. диал. [Обращение к отцу]: *Почав Іванко казати своєму нянькові: – Я, няньку, йду світа пізнати* [559] ‘Начал Иван говорить своему отцу: – я, папенька, иду мир познавать’;

(231) англ. сленг. [Обращение к отцу]: *Papsy NO! Please, I thought it was the right answer...aghhh* [491] ‘Папочка, НЕТ! Пожалуйста, я думал, что это правильный ответ...ай’.

Как видно из примеров (229)–(231), СМНР не просто называют родственников, но и выражают субъективное отношение говорящего к объектам номинации.

Добавим, что в сопоставляемых языках в функции обращений могут выступать зоо- и фитоморфизмы, которые демонстрируют нежные чувства к собеседнику, ср.: англ. *small fry, chicko, alligator, cow* (см. (159)), *monkey*; нем. *Kuh, Häschen* (см. (22)), *Hausdrache*; русск. *котик, зайка, рыбка, цветочек, мухоморчик*; укр. *хробачок, кицюню, тигрюля, кульбаба*. Например:

(232) нем. разг. [Обращение жены к мужу]: *Du musst mir helfen, Häschen* [555] ‘Зайка, ты должен мне помочь’;

(233) англ. разг. [Обращение матери к ребёнку]: *All right, small fry, come on, lets go show dad* [491] ‘Хорошо, малыш, пошли, покажем это папе!’;

(234) русск. разг. *Я знаю, на твою руку есть много претендентов, цветочек мой, – кивнул отец* [471];

(235) укр. разг. [Обращение мужа к жене]: *Як тобі, кицюню, це подобається?* ‘Как тебе, кисуня, это нравится?’.

4.2 Вокативная функция СМНР

В ходе коммуникативного акта одновременно с номинативной функцией реализуется еще одна функция СМНР – вокативная. СМНР в данной функции являются обращениями, т.е. вербальными средствами привлечения внимания адресата и установление контакта с ним. [123, с. 38; 181, с. 53]:

(236) англ. сленг. *Ma! Can you lend me your car? Ma!* [491] ‘Мам! Ты можешь одолжить мне свою машину? Мам!’;

(237) русск. разг. – *Матушка прислала, батя... Горюет она по тебе, а тут поп Мирон наклался в город ехать, вот матушка и прислала меня проведать тебя. Слезьми вся изошла матушка-то...* [471];

(238) укр. разг. – *Синку, ти ж не побачив дарунка від тітоньки Мардж, ось він, під великим пакунком* [471] ‘– Сынок, ты же не увидел подарок от тетушки Мардж, вот он, под большим пакетом’;

(239) нем. разг. *Mutsch, ich muss los. Emma kommt 'rüber* [555] ‘Мам, мне надо идти, Эмма пришла.’

4.3 Эмоционально-оценочная функция СМНР

Эмоционально-оценочная функция СМНР тесно связана с лексико-семантическим аспектом исследования данных лексем, с их структурно-семантическими свойствами. Данная функция СМНР отражает потребность адресанта выразить свое эмоциональное, особое отношение к члену семьи, свою искренность, расположение к собеседнику (восхищение, похвалу, симпатию и т.п.), либо, наоборот, свое отрицательно-оценочное отношение к адресату (осуждение, неодобрение, упрёк, неприязнь и т.п.), выделить определенное свойство или характерную черту адресата.

Для этого в английском, немецком, русском и украинском семейном дискурсе часто употребляются суффиксальные вариации терминов родства, которые приобретают интимно-любовный характер, ср.: англ. *mumsie/mumsy, daddy*; нем. *Männe/Männi, Papsi*; русск. *женушка, муженек*; укр. *брацюра, сестрелянка*:

(240) англ. разг. ласк. *Hey daddy what's for dinner?* [491] ‘Эй, папочка, что у нас на ужин?’;

(241) нем. разг. ласк. *Weißt du, **Männe**, sehr schön war es im Fasching, aber glaub` mir, so richtig frech kann ich doch nur sein, wenn ich wieder bei dir bin* [555] ‘Знаешь, муженек, на карнавале было неплохо, но поверь, такой развязной я могу быть только, когда я снова с тобой’;

(242) русск. разг. ласк. *Моя ненаглядная **женушка** все еще была с мокрым от слез лицом;*

(243) укр. разг. ласк. – ***Сестрелянка** моя щось захворіла. Яке горе, дочко, – і, голос тітки Катрі затремтів* [553] ‘Сестренка моя что-то заболела. Какое горе, дочка, – и голос тети Кати задрожал’.

Во всех сопоставляемых языках большую группу оценочных характеристикаторов составляют СМНР, образованные путем семантической деривации (метафоры, метонимии, комбинированные переносы), которые характеризуют того или иного члена семьи, дают ему субъективную оценку, ср.: англ. разг. *sympathy generator* ‘ребёнок’, сленг. *alley cat* ‘незаконнорожденный ребёнок’; нем. разг. *Beisszange/Zange* ‘невыносимая/несносная жена’ (см. (128)), разг. *Minis* ‘младшие братья и сестры’; русск. мол. сленг. *ханочка* ‘мать’, разг. *генофонд* ‘родители’; укр. груб. *кобель* ‘изменяющий своей жене муж’, *мажор* ‘сын/дочь богатых родителей’ (см. (105)).

С помощью СМНР дается оценка различных внешних и внутренних свойств родственников, их функциям и статусу в семье, в том числе: а) личным качествам, характеру и поведению (см.: п.п. 3.1.1.2; 3.1.1.5; 3.1.2.2; 3.1.2.3; 3.1.3.2; 3.1.3.4; 3.3.1.1; 3.3.1.2; 3.3.1.3; 3.3.2.2; 3.2.2.5); б) внешним данным родственников (см. п.п. 3.1.2.4; 3.1.3.6; 3.3.1.7); в) статусу законнорожденного/незаконнорожденного ребёнка (см. п.п. 3.2.2).

Семантическая и прагматическая дифференциация СМНР позволили выделить у них следующие функционально-стилистические оттенки:

1) *оттенка фамиллярности*, выражающий симпатию или антипатию коммуникантов в отношении друг друга или в отношении третьего лица, о котором идет речь, например:

(244) англ. сленг. *Hey, Mam, can I have £10,000 to buy a bazuka?* [491] ‘Эй, мам, можно мне 10 000 фунтов на покупку базуки?’;

(245) нем. разг. [Обращение матери к ребёнку]: *Hast du Schmerzen, mein liebes Puttchen?* [489] У тебя что-то болит, мой любимый утенок?’.

В высказывании (244) фамиллярность выражается усеченной формой СМНР, а в (245) оценочное СМНР зоонимом *Puttchen* (‘утенок’).

(246) русск. разг. фам. [Обращение к отцу]: — *Батя, погоди спать... Давай, чайку поьем. Ух, умаял же меня сегодня Иван Павлыч! Прямо без ног меня сделал...* [471].

Отметим, что в речи коммуникантов семейного дискурса эмоционально-оценочные обращения часто сопровождаются притяжательными местоимениями: англ. *my*; нем. *mein/meine*; русск. *мой/моя/мое*; укр. *мій/моя/моє* (см. выше (234), (242), (243), (245));

2) *гипокористический (уменьшительно-ласкательный) оттенок*, выражающий эмоциональную реакцию со стороны говорящего, связанную с интимно любовными чувствами. Отметим, что арсенал средств выражения гипокористики в славянских языках более разнообразен, по сравнению с германскими языками, в частности суффиксов (укр. – 27 суф.; русск. – 22 суф.; нем. 6 – суф.; англ. – 4 суф.). Уменьшительно-ласкательные коллоквиализмы (англ. *tummy, hubbi, wifie*; нем. *Weibi, Papi*; русск. *батек, дочурка*; укр. *малюк, маненя*) несут положительную нагрузку и содержат мелиоративную оценку:

(247) англ. сленг. ласк. *Mumsy?? can i please, please borrow 20 quid...ill pay you back!* [491] ‘Мамуля?? Пожалуйста, могу я занять 20 фунтов...я тебе верну!’;

(248) нем. ласк. *Papi, Papi, sieh zu, daß wir hier heil raus kommen.* [551] ‘Папочка, папочка, смотри, мы выбрались отсюда целыми’;

(249) русск. ласк. *У них замечательная маленькая дочурка и сынишка* [510, с. 494–495];

3) *оттенок презрения, неодобрения*, выражающий пренебрежительное, отрицательное отношение говорящего к родственнику. Многие пейоративно окрашенные СМНР являются вторичными наименованиями, возникшими в ходе метафоризации и метонимизации. Пейоративную оценку несут зоонимные, артефактные, социальные и др. типы метафор: англ. *monkey-man, spit-cat, tiger*; нем. *Elch, Turteltaube, Ziecke*; русск. *жаба* (см. (157)), *баран, козел*; укр. *змія, курка, кобелино*. Часто данные стилистические окрашенные СМНР сопровождаются пейоративными (грубыми) эпитетами, например:

(250) англ. сленг. *This f*cking old wolf yards me with my sister* [491] ‘Этот чертов кобель (т.е. ‘муж’) изменяет мне с моей сестрой’;

(251) нем. разг. *Die letzten zehn Stunden nur noch er und Felix Striemel, denn die beiden andern, Gustav und Hinrich, dressierte Eheknochen, wie er sie verächtlich nannte, waren wie gehorsame Pudel nach Hause zu ihren Weibern gekrochen* [490] ‘Последние десять часов только он и Феликс Стримель, потому что двое других, Густав и Хинрих, дрессированные подкаблучники (букв. ‘брачные кости’), как он их презрительно называл, поползли домой к своим женам, как верные пудели’;

(252) русск. руг. *Приходит одна такая Марья Петровна в очередной раз в профком с очередной жалобой на мужа: **дрянь, рвань, пьянь, кобель чёртов, импотент несчастный** – всё в одном флаконе, как обычно – хочу товарищеский суд!* [471];

(253) укр. прен. *Вилупок! Байстриук негідний! І оце такий-от нікчема збирається світом білим розпоряджатися?* [553] ‘Вылядок! Байстриук негодный! И вот такое ничтожество собирается миром белым распоряжаться? См. также (130), (143), (144), (164), (165), (166);

4) *оттенок иронии*, выражающий шутливо-пейоративное отношение говорящего к объекту номинации. Индикаторами оценки, как правило,

выступают различные СМНР-метонимии и -метафоры. Так, в примере (254) сын в разговоре с друзьями иронично называет свою мать *old girl*, тем самым намекая на ее почтенный возраст:

(254) англ. сленг. ирон. *My old girl asked me to pick her up somthin at da store* [491] ‘Моя старушка (т.е. ‘мать’) попросила меня купить ей что-нибудь в магазине’.

В примере (255) мать самоиронично называет себя *разведёнка с прицепом*, имея в виду ребёнка – обузу, мешающую ей в создании новых личных отношений.

(255) русск. разг. ирон. *Так как сама я как раз в прошлом «та самая» разведёнка с прицепом* (т.е. ‘бывшая жена с ребёнком’), *хочу рассказать о плюсах, которые, по моему мнению, существуют* [519, с. 625].

(256) нем. разг. ирон. *Er ist ein richtiger Pantoffelheld, er tut alles, was seine Frau sagt.* [485] ‘Он настоящий подкаблучник, он делает все, что говорит его жена.’

(257) укр. разг. ирон. *Який же ти, виявляється, підкаблучник! Не можеш дружину на місце поставити? Моя і пискнути в мою сторону не посміє!* [553] ‘Какой же ты, оказывается, подкаблучник! Не можешь жену на место поставить? Моя и пискнуть в мою сторону не посмеет!’.

В примерах (256) и (257) говорящий негативно оценивает поведение мужчины, полностью подчинившегося своей жене.

Отметим, что для большинства сопоставляемых славянских СМНР характерна мелиоративная оценочность (см. Приложение Б, табл. 8), а для германских – пейоративная. Пейоративные СМНР с ярко выраженной отрицательной (ироничной, презрительной, грубой) оценкой в неофициальном общении используются обычно для номинации неверных и обманутых супругов (как мужа, так и жены), а также незаконорожденных детей. Как в германской, так и в славянской культурах супружеские измены, а также наличие незаконорожденных детей порицается как самими супругами, так и обществом, что находит свое отражение в языке (см. п.п. 3.2.2; 3.3.2.1; 3.3.1.5).

4.4 Социально-регулятивная функция СМНР

Выбор СМНР зависит и от таких факторов, как место и время коммуникации, тип общения, возраст и пол коммуникантов, их социальный статус и др. Принимая во внимание перечисленные выше факторы, можно выделить еще одну функцию СМНР – *социально-регулятивную (этикетную)*.

В ходе семейно-бытового и дружеского общения, СМНР не только называют адресата речи, но и являются индикатором межличностных отношений, обозначая типовое положение адресанта и адресата относительно друг друга, но и отражают ролевые функции коммуникантов, выражая равенство или неравенство общественного положения участников коммуникации, соотношение их возраста, пола, степень их знакомства, что влияет на выбор СМНР в ходе коммуникации:

(258) нем. разг. *Papi, du hast soeben einen Menschen gerettet!* [485] ‘Папочка, ты только что спас человека’.

(259) руск. разг. *Я не понимаю, о чем вы спрашиваете, маман?* [552].

Отметим, что часто рассмотренные выше функции СМНР комбинируются и актуализируются одновременно, так, например, в немецком (260) *Mami, ich möchte trinken, trinken! Mami!* ‘Мамочка, я хочу пить, пить! Мамочка!’ В данном примере ребёнок (адресант) для выражения иллокутивной функции просьбы и привлечения внимания матери (адресата) использует аппелятив *Mami* (одновременная комбинация трех функций – номинативной, вокативной и социально-регулятивной), в структуру которого входит диминутивный суффикс *-i*, выражающий эмоционально-оценочную функцию.

Выводы к главе 3

Исследование семантики и функционирования СМНР в английском, немецком, русском и украинском языках позволяет сделать следующие выводы.

1. Стилистически маркированная номинация родственников в английском, немецком, русском и украинском языках осуществляется в целом

на базе системы (немаркированных) собственно терминов родства (мать, отец, брат, сестра и т.п.) и определенного набора номинативно-мотивирующих признаков и функций стандартного (литературно-кодифицированного) и субстандартного (нестандартного, ненормированного) языка.

2. В семантической организации СМНР сопоставляемых языков обнаруживаются сходные и отличительные свойства.

2.1. *Сходство* заключается в том, что СМНР славянских и германских языков в целом образуют 12 тематических групп и 18 тематических подгрупп, большинство из которых (6 ТГ из 12 и 12 ТП и 18) являются общими (см. Приложение Б, табл. 1).

2.2. Сходные черты в семантике СМНР сопоставляемых языков вызваны одинаковым семейным укладом и универсальностью человеческого мышления, что находит свое отражение, в частности, в сходных процессах вторичной номинации СМНР (метафоризация и метонимизация).

Изоморфизм в сопоставляемых СМНР обуславливается также степенью родства анализируемых языков (в большей мере, русского и украинского, в меньшей мере, немецкого и английского) и действием ареальных факторов (контактирование языков), что особенно наглядно проявляется в процессах заимствования, в особенности в СМНР славянских языков и немецкого.

3. Отличительные черты в семантической организации СМНР германских и славянских языков проявляются в количественном наборе тематических групп и подгрупп в каждом языке, в их неодинаковой продуктивности и в различном наполнении СМНР (см. Приложение Б, табл. 1).

3.1. Сопоставляемые языки характеризуются неодинаковым набором ТГ и ТП. Наибольший набор ТГ и ТП выявлен в немецком языке (нем. – 12 ТГ и 16 ТП; англ. – 9 ТГ и 15 ТП; укр. – 8 ТГ и 16 ТП; русск. – 8 ТГ и 14 ТП). (см. Приложение Б, табл. 1).

3.2. Степень продуктивности выявленных ТГ и тематических подгрупп СМНР в германских и славянских языках в целом неодинаковая

(см. Приложение А, табл. 1). Наиболее продуктивными в сопоставляемых языках оказались три тематические группы: 1) «Дети» (англ. – 170 ед.; нем. – 120 ед.; укр. – 99 ед.; русск. – 95 ед.); 2) «Мать и отец» (нем. – 140 ед.; русск. – 126 ед.; англ. – 97 ед.; укр. – 65 ед.); 3) «Супруги» (англ. – 171 ед.; русск. – 157 ед.; укр. – 128 ед.; нем. – 119 ед.) (см. Приложение Б, табл. 1).

3.2.1. Удельный вес данных ТГ в общем объеме каждого сопоставляемого языка, однако, неодинаковый. В английском, украинском и русском языках самой многочисленной является ТГ «Супруги», а в немецком – ТГ «Мать и отец». Низкую продуктивность (не более 10 ед.) во всех сопоставляемых языках обнаруживают ТГ «Родители супругов» (нем. – 8 ед.; русск. – 5 ед.; укр. – 4 ед.; англ. – 3 ед.).

3.2.2. Выявленные отличительные черты в семантической организации СМНР сопоставляемых языков обуславливаются действием в них различных факторов языкового и внеязыкового характера: особенностями грамматического строя и словообразования; эволюционными процессами в структуре родственных отношений, семейных ценностей и ориентиров, сложившиеся в определенной культуре и др.

4. Для семантики СМНР в сопоставляемых языках существенными являются следующие 20 НМП признаков: 1) репродуктивный признак; 2) геронтологический признак; 3) автократический признак; 4) субмиссивный признак; 5) регулятивно–воспитательная функция; 6) черты характера и поведение; 7) внешние данные; 8) роль в семье; 9) матримониальный статус; 10) возраст ребёнка; 11) признак «законнорожденный/незаконнорожденный ребёнок»; 12) запланированные/незапланированные дети; 13) наличие/отсутствие братьев или сестер; 14) доношенность/недоношенность плода в утробе матери; 15) материальное положение; 16) супружеская верность/неверность; 17) экономическая функция; 18) функция досуга; 19) признак контроля; 20) генеративный признак.

5. Выявленные НМП по-разному реализуются в германских и славянских языках. Во всех сопоставляемых языках актуализируются 15 НМП из 20 (см. Приложение Б, табл. 2).

5.1. Наибольшее количество НМП репрезентировано в ТГ «Дети» (9 НМП), активность которых, однако, в сравниваемых языках разная (см. Приложение Б, табл. 6).

5.1.1. Наиболее активным НМП в английском и украинском языках является признак «законнорожденный/незаконнорожденный ребёнок», в русском языке – признак «возраст ребёнка», а в немецком – «черты характера и поведение» (см. Приложение Б, табл. 6).

5.2. В ТГ «Мать и отец» наиболее активными НМП являются геронтологический и автократический признаки (см. Приложение Б, табл. 3–5).

5.3. В семантику стилистически маркированных наименований (СМН) «Жена» во всех сопоставляемых языках заложен бóльший набор НМП (нем. – 8 НМП; англ./русс. – по 7 НМП; укр. – 6 НМП), чем в семантику СМН «Муж» (нем./русс./укр. – по 6; англ. – 5 НМП). При этом общими НМП для СМН «Муж» и СМН «Жена» являются: автократический, сумбиссивный, матримониальный статус; роль в семье; супружеская верность/неверность. Вместе с тем, только для СМН «Жена» характерными являются следующие НМП: внешность (англ., нем., русск., укр.); материальное положение (нем., русск.); черты характера и поведение (англ., нем., русск., укр.). С другой стороны, лишь СМН «Муж» обнаруживают (кроме русского) репродуктивный признак (см. Приложение Б, табл. 7,8).

5.3.1. Активность указанных НМП в подгруппе «Жена» обнаруживает определенную корреляцию с тематической подгруппой «Муж», где в германских языках наибольшую активность обнаруживает сумбиссивный признак, а в украинском языке – супружеская верность/неверность, к которому приближается и русский язык (второе место по степени активности) (см. Приложение Б, табл. 7,8).

6. В целом, особенности семантической организации СМН «Муж/Отец» и СМН «Жена/Мать» обусловлены спецификой распределения их ролей в семье. Женщина, как мать и жена, возлагает на себя больше обязанностей и выполняет больше функций, чем мужчина (отец, муж).

7. В сопоставляемых языках значительный пласт СМН родственников составляют СМНР, образованные в результате различных типов метафорических и метонимических переносов. Среди них самыми продуктивными являются метафорические СМНР артефактного, зоонимного и социального типов (см. п. 3.1; 3.2; 3.3; а также Приложение Б, табл. 7,8).

8. Во всех сопоставляемых языках метафорические и метонимические наименования жены, с одной стороны, базируются на ее восприятии как объекта сексуальных желаний мужа, а с другой, как субъекта, ограничивающего свободу действий мужа и создающего ему определенный дискомфорт, неприятности. Вместе с тем, во всех сопоставляемых языках с женой ассоциируется тепло, уют. В английском, немецком и русском языках жена часто вербализируется как недуг, напротив, муж, с одной стороны, как лидер в супружеских отношениях, защитник и опора семьи, а с другой, как безвольный и беспомощный человек, которым управляет жена (см. п.п. 3.3).

9. В функциональном плане СМНР выступают, с одной стороны, в роли обращений, а с другой стороны, являются средством выражения эмоционального (как положительного, так и отрицательного) отношения к члену семьи.

9.1. СМНР сопоставляемых языков реализуют 4 коммуникативные функции: номинативную, вокативную, эмоционально-оценочную и социально-регулятивную. В неофициальном общении данные функции СМНР часто комбинируются друг с другом.

10. Яркой выразительностью, образностью, экспрессивностью и оценочным значением обладают стилистически маркированные наименования детей/ребёнка и родителей.

10.1. Негативную коннотацию, часто с оттенками шутливости и ироничности, в сопоставляемых языках носят обычно СМНР, обозначающие родителей, и образованные на базе социальной, артефактной и зоонимной метафор. Они отображают их основные функции в семье (контроль, власть, материальное обеспечение), а также свойства их характера (суетливость, вспыльчивость, архаичность взглядов и др.).

10.2. Негативное оценочное значение отмечено также у СМНР, называющих внебрачных детей и образованных по типу зоонимной метафоры и локальной метонимии и у СМНР, характеризующих (часто с использованием зоонимных метафор) поведение (баловство, капризность и др.) детей.

10.3. Положительной коннотацией в сопоставляемых языках обладают СМН «Дети», которые образуются по модели артефактной и сказочно-мифологической метафор.

10.4. Пейоративные СМНР с ярко выраженной отрицательной (презрительной, грубой) оценкой в неофициальном общении используются обычно для номинации неверных супругов (как мужа, так и жены), слабовольных мужей, а также незаконорожденных детей.

11. Национально-культурная самобытность СМНР сопоставляемых лингвокультур наиболее ярко проявляется в ТГ «Дети», «Супруги», «Мать и отец». Появление лингвокультурных лакун в том или ином языке обусловлено национально-культурными реалиями (нем. *Daddys*; русск. *подпечник*), антропонимической системой данного языка (англ. *jerry sneak*, нем. *Martha*, укр. *Горпина*), политической и экономической ситуацией в той или иной стране (англ. *anchor baby*/ нем. *Ankerkind*).

Основные положения данной главы отражены в публикациях [238; 246; 248–254].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В последнее время стилистически маркированная лексика в качестве объекта лингвистических исследований все чаще привлекает внимание отечественных и зарубежных лингвистов.

1.1. Изучение стандартного (литературного) языка и его взаимодействие с другими формами национального языка – разговорным, различными социолектами (жаргоном, сленгом, арго, просторечием и др.) является одним из наиболее актуальных и перспективных направлений современной лингвистики, в том числе, сопоставительного языкознания и социолингвистики. Повышенный интерес современной лингвистики к разговорной речи и нестандартным формам языка вызван рядом причин, в частности: 1) динамическим развитием языковой системы, которое обусловлено изменениями во всех сферах человеческой жизни (экономике, культуре, науке и т. п.); 2) активным проникновением в стандартный язык разговорного стиля, а также жаргонизацией и вульгаризацией речевого общения; 3) ломкой традиционных понятий «языковая норма»; 4) либерализацией общества.

2. Наименования лиц по родственным отношениям являются частью древнейшего лексического фонда всех языков мира. Они представляют собой важный историко-этнографический источник и вызывают большой интерес с лингвистической точки зрения. Комплексное и системное исследование лексических групп словарного состава языка в совокупности с его разными национальными формами существования позволяет выявить закономерности развития определенных лексических подсистем языка, объединенных общей семантикой, установить их особенности и тенденции в развитии структуры, семантики и функционирования.

3. Анализ СМНР выявил как сходные черты данного пласта лексики в сопоставляемых германских и славянских языках, так и определенные различия в способах их словообразования, в составе тематических групп и в функционировании данных языковых единиц.

4. Специфика семантики СМНР заключается в совмещении в их лексическом значении функционально-стилевой и эмоционально-оценочных характеристик данных языковых единиц.

4.1. СМНР характеризуются в сопоставляемых языках высокой экспрессией, эмоциональностью и оценочностью. С аксиологической точки зрения, анализируемые СМНР распадаются на 2 группы: СМНР с пейоративной и мелиоративной оценками, которые фиксируют различные оттенки отношения говорящего к слушателю, в частности: оттенки фамильярности, уменьшительности, ласкательности, неодобрения, иронии, презрения. В германских языках преобладают СМНР с пейоративной оценкой, а в славянских языках, наоборот, СМНР с мелиоративной оценкой. Образы, лежащие в основе СМНР, характеризуются своей необычностью, яркостью, часто ироничностью. С помощью СМНР дается оценка внешности, личностных качеств (характера), поведения, статуса того или иного члена семьи.

5. СМНР в английском, немецком, русском и украинском языках образуют определенную систему, состоящую из непроеизводных (корневых) слов, аффиксальных образований, композитов, семантических дериватов, сращений, конверсивов, словосочетаний, сокращений, редупликантов, которые характеризуются различной степенью продуктивности в сопоставляемых языках.

5.1. Наиболее продуктивно в русском и украинском языках СМНР образуются путем аффиксации, что объясняется наличием в славянских языках богатого инвентаря суффиксов (русс. – 45 суффиксов; укр. – 41 суффикс).

5.2. Напротив, в немецком и английском языках СМНР более продуктивно образуются путем словосложения, где доминируют производные бисубстантивные модели.

5.3. В сопоставляемых языках высокой продуктивностью обладают СМНР-словосочетания, характеризующиеся вариативностью своих компонентов; среди них общими для всех сопоставляемых языков являются двухкомпонентная модель Pron + N и трехкомпонентная модель N + Prep + N.

5.4. Заметную роль в сопоставляемых языках играют заимствования, пришедшие из различных языков: испанского, итальянского, французского, польского и др. Общим языком-донором для СМНР сопоставляемых языков является латинский язык.

6. В тематическом отношении СМНР сопоставляемых языков распадаются на 12 групп и 18 подгрупп, среди которых общими являются тематические группы «Дети», «Мать и отец», «Супруги», «Братья и сестры», «Дедушка и бабушка», «Родители супругов».

6.1. Степень продуктивности выявленных тематических групп и подгрупп СМНР в сопоставляемых языках в целом неодинаковая, что обусловлено действием различных факторов языкового и внеязыкового характера.

7. У СМНР в германских и славянских языках наблюдается неравнозначное распределение лексем по мужской и женской линии.

7.1. В английском, немецком и русском языках женская линия представлена бóльшим количеством лексем, особенно в тематической подгруппе «Жена». Данный факт объясняется, в частности, бóльшим набором номинативно-мотивирующих признаков в семантике СМН «Жена» (8 НМП), чем в семантике СМН «Муж» (6 НМП), а также ее ведущей ролью в семье.

7.2. Напротив, в украинском языке количественно доминирует мужская линия, что свидетельствует о сохранении мужчиной своей доминирующей позиции и о его более высоком статусе в семье.

7.3. В славянской и германской языковых картинах мира муж часто представлен не как равноправный партнер в браке, а как лицо, дискриминируемое своей женой. Предвзятое отношение к своему брачному партнеру проявляется и в выполнении им своего супружеского долга, в его верности и сексуальных свойствах.

7.4. Проявления сексизма обнаруживаются в стилистически маркированных наименованиях жены, которые возникли под влиянием сексуально-ролевых стереотипов в социуме. Так, предвзятое отношение к жене

часто ассоциируется с предметами быта, домашним хозяйством.

8. Основным средством вторичной номинации СМНР в сопоставляемых языках выступает метафора. Образная номинация происходит преимущественно по модели артефактной, социальной и зоонимной метафор.

8.1. В сфере метонимизации СМНР сопоставляемых славянских языков преобладает локальный тип метонимических переносов («место → СМНР»), в английском языке – партитивный (синекдохический) тип («орган человека → СМНР», «одежда / атрибут одежды → СМНР»), в немецком – атрибутивный тип («имя собственное → СМНР»).

9. В сопоставляемых языках существуют национально маркированные СМНР, самобытная специфика которых обусловлена историческими, географическими, культурными и социальными факторами.

10. Перспективой дальнейшего исследования СМНР является проведение ассоциативного эксперимента, а также изучение данного лексического пласта на материале других языков.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. Сокращения и обозначение терминов

арг. – арго, арготическое слово

бран. – бранное слово

букв. – буквально

вульг. – вульгарное слово

груб. – грубое слово

диал. – диалектное слово

ед. – единица

жарг. – жаргонное слово

ирон. – иронично

крим. – криминальное слово

ласк. – ласкательно

мол. – молодежный язык

неод. – неодобрительно

неув. – неуважительно

п. – пункт

п.п. – подпункт

перен. – переносно

презр. – презрительно

прен. – пренебрежительно

преувелич. – преувеличительно

прост. – просторечное слово

разг. – разговорное слово

рифм. – рифмованный

руг. – ругательное слово

сленг. – сленговое слово

ст.-лат. – старолатинский

унич. – уничижительно

фам. – фамильярно

ч. – число

шутл. – шутливо

ЗН – зоонимные наименования

ЛЕ – лексическая единица

ЛСГ – лексико-семантическая группа

ЛСВ – лексико-семантический вариант

НМП – номинативно-мотивирующий признак

НР – наименования родства

СМН – стилистически маркированное наименование

СМНР – стилистически маркированное наименование родственника

ТГ – тематическая группа

ТП – тематическая подгруппа

ТР – термины родства

Adj – прилагательное

Adv – наречие

Conj – союз

Ger – герундий

n – существительное

N – существительное

Neg Part – отрицательная частица

Num – числительное

P II – причастие II

phr – фраза

Prep – предлог

Pron – местоимение

V – глагол

2. Сокращения названий языков

ам. – американский

австр. – австралтйский
англ. – английский
арам. – арамейский
афр. – африкаанс
др.-евр. – древнееврейский
исп. – испанский
ит. – итальянский
лат. – латинский
нвн – нововерхненемецкий
нем. – немецкий
пер. – персидский
пол. – польский
порт. – португальский
русск. – русский
свн. – средневерхненемецкий
ст.-фр. – старофранцузский
укр. – украинский
фр. – французский
цыг. - цыганский
чеш. – чешский
чин. – чинукский жаргон Пиджин
юж. – нем. – южно-немецкий
яп. – японский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, В.С. Квантитативный анализ стиля: распределение частотности морфологических классов слов в текстах Г. Лонгфелло / В. С. Андреев. – Текст : непосредственный // Известия Смоленского государственного университета. 2019. – №4. С. 166–174.
2. Андреев, В. С. Языковая модель развития индивидуального стиля (на материале стихотворных текстов американских поэтов-романтиков) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Андреев Вадим Сергеевич; ФБГОУ ВПО «СмолГУ». – Смоленск, 2012. – 42 с. – Место защиты: ФБГОУ ВПО «СмолГУ». – Текст : непосредственный.
3. Анохина, В. С. Коммуникативный и адаптационный аспекты речевого общения в семье как в малой социальной группе : 10.02.01 «Русский язык» автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Анохина Виктория Сергеевна; ГОУ ВПО «ТГПИ». – Ставрополь, 2009. – 27 с. – Место защиты: ГОУ ВПО «СГУ». Текст –: непосредственный.
4. Анохина, В. С. Речевой конфликт как фрейм (на примере жанра семейной ссоры) / В. С. Анохина. – Текст : непосредственный // Речь. Речевая деятельность : материалы всероссийской межвуз. науч. конф., посвящённой памяти профессора Г. Г. Инфантовой. – Таганрог: Изд-во Таганрогского пед. ин-та, 2012. – С. 33–38.
5. Анохина, В. С. Фрагмент речевого портрета свекрови / В. С. Анохина. – Текст : непосредственный // Языковая личность. Речевые жанры : сб. науч. тр. Таганрог. – Таганрог : Изд-во Таганрогского пед. ин-та, 2011. С. 5–10.
6. Антропова, Н. А. Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики (на материале имени существительного) / Н. А. Антропова. – М.: Прометей, 2005. – 352 с. – Текст : непосредственный.
7. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – Москва: Просвещение, 1966. – 302 с. – Текст : непосредственный.

8. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – 2-изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. I. Лексическая семантика (синонимические средства языка). – 464 с. – Текст : непосредственный.

9. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа / Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

10. Аракин, В. Д. Возникновение корневого или бессуффиксального способа словообразования в английском языке / В. Д. Аракин. – Текст : непосредственный // Сборник статей по языкознанию памяти проф. М. В. Сергиевского. – М.: МГУ, 1961. – С. 12–14.

11. Аракин, В. Д. О превращении лексических единиц в аффиксальные морфемы / В. Д. Аракин. – Текст : непосредственный // Филол. науки. – М., 1959. – № 4. – С. 107–118.

12. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. – Л.: Просвещение, 1979. – 255 с. – Текст : непосредственный.

13. Арнольд, И. В. Комбинирующиеся формы и полуаффиксы английского языка / И. В. Арнольд – Текст : непосредственный // Морфемология и морфемология. – Владивосток, 1993. – С. 3–11.

14. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка = The English Word (на англ. языке) / И. В. Арнольд. – М.: Высшая школа, 1986. – 295 с. – Текст : непосредственный.

15. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие / И.В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 376 с. – Текст : непосредственный.

16. Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования: На материале имени существительного / И. В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1966. – 192 с. – Текст : непосредственный.

17. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – 13-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 384 с. – Текст : непосредственный.

18. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / под ред. – Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 340 с. – Текст : непосредственный.

19. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова – М.: Языки русской культуры, 1999. – 920 с. – Текст : непосредственный.

20. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл. Логико–семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с. – Текст : непосредственный.

21. Ассаулова, С. В. Языкознание / С. В. Ассаулова. – М.: Приор, 2005. – 160 с. – Текст : непосредственный.

22. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с. – Текст : непосредственный.

23. Байкулова, А. Н. Речевое общение в семье: 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Байкулова Алла Николаевна; СГУ имени Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2006. – 290 с. – Место защиты: СГУ имени Н. Г. Чернышевского. – Текст : непосредственный.

24. Байкулова, А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Байкулова Алла Николаевна; СГУ имени Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2015. – 580 с. – Место защиты: СГУ имени Н. Г. Чернышевского. – Текст : непосредственный.

25. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв.: монография / Л. В. Балашова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 633 с. – Текст : непосредственный.

26. Баранникова, Л. И. К вопросу о развитии функционально–стилевого многообразия языка / Л. И. Баранникова. – Текст : непосредственный // Вопросы стилистики: Межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд–во Саратовского университета, 1973. – Вып. 6. – С. 70–89.

27. Баранникова, Л. И. К вопросу о развитии функционально–стилевого многообразия языка (статья вторая) / Л. И. Баранникова. – Текст : непосредственный // Вопросы стилистики: Межвуз. науч. сб. – Саратов: Изд–во Саратовского университета, 1974. – Вып. 7. – С. 60–73.

28. Бартков, Б. И. Английские суффиксоиды, полусуффиксы, суффиксы и словарь 100 словообразовательных формантов современного английского языка (научный стиль и литературная норма) / Б. И. Бартков. – Текст : непосредственный // Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980. – С. 3–62.

29. Бартков, Б. И., Минина, Л. И. Продуктивность и частотность 460 полусуффиксов и суффиксоидов современного русского языка (количественный анализ статуса) / Б. И. Бартков, Л. И. Минина. – Текст : непосредственный // Деривация в норме и терминосистемах. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. – С. 10–38.

30. Басиров, Ш. Р. Словотвір із рефлексивним комплексом у типологічному висвітленні : монографія / Ш. Р. Басиров. – Донецьк: Вид–во «Ноулідж» (донецьке відділення), 2014. – 544 с. – Текст : непосредственный.

31. Басыров, Ш. Р. Метафорические и метонимические наименования умного и глупого человека в немецком разговорном языке / Ш. Р. Басыров. – Текст : непосредственный // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Международная конференция: VI Бодуэновские чтения, 18–21 октября 2017 г.: тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Д. А. Мартьянова, Г. А. Николаева. – Казань: Изд–во Казан. ун–та, 2017. – Т. 1. – С. 28–32.

32. Басыров, Ш. Р. Метафоры в сфере наименования денег / Ш. Р. Басыров. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в XXI веке: актуальные вопросы

лингвистики, теории перевода и методики преподавания иностранных языков: V Международная научно–практическая конференция, 25 октября 2016 г.: сб. ст. / под ред. к.пед.н. Ю. А. Шурыгиной. – Пенза: Изд–во ПГУ, 2016. – С. 12–17.

33. Басыров, Ш. Р. Метафоры и метонимии в разноструктурных языках: Сб. научных статей. / Ш. Р. Басыров. – Донецк: ДонНУ, 2019. – 287 с. – Текст : непосредственный.

34. Басыров, Ш. Р. Метонимия в сфере наименования денег / Ш. Р. Басыров. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / гл. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2016. – № 1. – С. 48–55.

35. Басыров, Ш. Р. Структура, семантика и функционирование редупликативных слов в современном немецком разговорном языке / Ш. Р. Басыров. – Текст : непосредственный // *Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности: I Международная научная конференция, 16–18 мая 2016 г.: материалы / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Ростов–на–Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – Т. 5. Филологические и философские науки. – С. 110–112.*

36. Бекташ, Л. Структура и семантика редупликации в турецком и таджикском языках: 10.02.20 «Сравнительно-историческое и типологическое языковедение»; автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Бекташ Локман; Российско-Таджикский (славянский) университет. – Душанбе, 2015. – 20 с. – Место защиты: Российско-Таджикский (славянский) университет. – Текст : непосредственный.

37. Беликов, В. И., Крысин, Л. П. Социоллингвистика. Учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 315 с. – Текст : непосредственный.

38. Беляева, Т. М. Нестандартная лексика английского языка / Т. М. Беляева, В. А. Хомяков. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1985. – 136 с. – Текст : непосредственный.

39. Береговская, Э.М. Социальные диалекты и язык современной французской прозы : Учеб. пособие для слушателей спец. курса / Э. М. Береговская ; Смол. пед. ин-т им. Карла Маркса. – Смоленск : [б. и.], 1975. – 120 с. – Текст : непосредственный.

40. Бессонова, О. Л. Оцінка як семантичний компонент лексичного значення слова (на матеріалі іменників–найменувань особи в англійській, французькій та українській мовах): 10.02.19 «Теория языка»: диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Бессонова Ольга Леонідівна; Донецкий ун-т. – Донецк, 1995. – 186 с. – Место защиты: Донецкий ун-т. – Текст : непосредственный.

41. Бессонова, О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно–гендерні аспекти: монографія / О. Л. Бессонова. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 361 с. – Текст : непосредственный.

42. Бессонова, О. Л. Оценочные наименования лица в разноструктурных языках / О. Л. Бессонова. – Текст : непосредственный // *Language in the New Millennium: Applied-linguistic and Cognitive-linguistic Considerations*. – Berlin: PeterLang, 2018. Pp. 77–93.

43. Бирих, А. К. Метонимия в современном русском языке (Семантический и грамматический аспекты) / А. К. Бирих. – München : Sagner, 1995. – 191 с. – Текст : непосредственный.

44. Бирих, А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко–этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. – 3–е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ; Люкс, 2005. – 926 с. – Текст : непосредственный.

45. Близнюк, О. В. Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах: 10.02.20 «Сравнительно–историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Близнюк Ольга Викторовна; РГБ ОД. – Тверь, 2006. – Место защиты: РГБ ОД. – Текст : непосредственный.

46. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд; [пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат]. – 2 изд., стер. – М.: УРСС, 2002. – 606 с. – Текст : непосредственный.

47. Бобарыкина, Н. А. Общение в малой группе / Н. А. Бобарыкина. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2003. – 32 с. – Текст : непосредственный.

48. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х томах / И. А. Бодуэн де Куртене. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с. – Текст : непосредственный.

49. Бойко, Б.Л. Основы теории социально-групповых диалектов: 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Бойко Борис Леонидович; Военный университет МО РФ. – Москва, 2009. – 379 с. – Место защиты: Военный университет МО РФ. – Текст : непосредственный.

50. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика: учебное пособие для педагогических институтов / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с. – Текст : непосредственный.

51. Борисов, В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – М.: Военное издательство, 1972. – 320 с. – Текст : непосредственный.

52. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1983. – 271 с. – Текст : непосредственный.

53. Бруквина, В. А. Концепты животных и птиц в языковой картине мира (на материале нестандартной лексики английского языка): 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Бруквина Виктория Анатольевна; СПбГУ.– Санкт-Петербург, 2016 – 284 с. – Место защиты: СПбГУ. – Текст : непосредственный.

54. Будагов, Р. А. О так называемом промежуточном звене в смысловом развитии слов / Р. А. Будагов – Текст : непосредственный // Сборник статей по языкознанию: Профессору МГУ акад. В. В. Виноградову в день его 60-летия. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – С. 73–85.

55. Будагов, Р. А. История слов в истории общества / Р. А. Будагов. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с. – Текст : непосредственный.

56. Буранова, М. М. Структурно–семантические особенности редупликативных слов в английском и узбекском языках: 10.02.02 «Языки народов СССР», 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Буранова Муаттар Махмудовна; РГБ ОД. – Ташкент, 1982. – 144 с. – Место защиты: РГБ ОД. – Текст : – непосредственный.

57. Буров, А. А. Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке Монография. В 3–х частях / А.А. Буров; издание перераб. и испр. – Пятигорск: Изд–во ПГЛУ. Ч. 3, 1999 – 220 с. – Текст : непосредственный.

58. Бурыкин, А. А. Термины родства как объект лингвистического анализа / А. А. Бурыкин – Текст : непосредственный // Алгебра родства. – Спб.: МАЭ РАН, 1998. – Вып. 2. – С. 77–88.

59. Буянов, А. П. Полуаффиксы как проблема переходных категорий в словообразовании (на материале немецкого языка) / А. П. Буянов – Текст : непосредственный // Словообразование и проблемы номинации в германских языках. – Горький, 1985. – С. 16–21.

60. Быков, В. Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: 10.02.01 «Русский язык», 10.02.20 «Сравнительно-историческое и типологическое языкознание» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Владимир Борисович Быков. – Москва, 2001. – 311 с. –Текст : непосредственный.

61. Варламова, М. Ю. Семантическая деривация на базе наименований лица в современном русском языке : 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Варламова Марина Юрьевна; Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2008. – 221 с. – Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Текст : непосредственный.

62. Васильева, А. С. Наименования лиц женского пола в русском языке конца XX – начала XXI вв.: семантика, структура, функционирование: 10.02.01 «Русский

язык» автореферат диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Васильева Анна Сергеевна; МГПУ. – М., 2016. – 24 с. – Место защиты: Московский городской педагогический университет. – Текст : непосредственный.

63. Ветрова, Э. С. Этикетные речевые единицы в сопоставительном аспекте: монография / Э. С. Ветрова. – Донецк: Донецкий национальный университет (ДонНУ), 2018. – 399 с. – Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Том 15. – Текст : непосредственный.

64. Виноградов, В. В. Вопросы современного русского словообразования / В. В. Виноградов – Текст : непосредственный // Русский язык в школе. – 1951. – № 2. – С. 2. –10.

65. Виноградов, В. В. Об омонимии и смежных явлениях / В. В. Виноградов – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 3–17.

66. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений / В. В. Виноградов – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–30.

67. Виноградов, В. В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках / В. В. Виноградов – Текст : непосредственный // Славянское языкознание (VI Международный съезд славистов). – М.: Наука, 1968. – С. 53–120.

68. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове: учебное пособие / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 601 с. – Текст : непосредственный.

69. Виноградов, В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / В. В. Виноградов. – Текст : непосредственный // Вопросы теории и истории языка. – М., 1952. – С. 63–73.

70. Винокур, Т. Г. Устная речь и стилевые свойства высказывания (к постановке вопроса) / Т. Г. Винокур – Текст : непосредственный // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988. С. 44–84.

71. Володина, М. Н. Язык средств массовой информации / М. Н. Володина. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 760 с. – Текст : непосредственный.

72. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. - М.: Наука, 1985. – 229 с. – Текст : непосредственный.

73. Вопияшина, С. М. Коммуникативно-прагматический потенциал наименований лиц в современном немецком языке : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Вопияшина Светлана Михайловна; СамПГУ. – Самара, 2002. – 182 с. – Место защиты: СамПГУ. – Текст : непосредственный.

74. Вопияшина, С. М. Устойчивые словосочетания–наименования лица как номинативные единицы языка и речи / С. М. Вопияшина – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы романо–германской филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей. Вып. 5. Ч. 1 Тольятти: ТГУ, 2005. – С. 46–52.

75. Габриэлян, О. А. Сложносuffixальные образования в современном английском языке : спец. 10.02.04. «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / О. А. Габриэлян. – Киев, 1981. – 199 с. – Текст : непосредственный.

76. Гак, В. Г., Донадзе, Н. З. Название зятя по материалам лингвистического атласа Европы // В. Г. Гак , Н. З. Донадзе. – Текст : непосредственный / Вопросы языкознания. – М. – 1988. – №4. – С. 143–150.

77. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак – М.: Международные отношения, 1977. – 263 с. – Текст : непосредственный.

78. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Наука, 1998. – 768 с. – Текст : непосредственный.

79. Гак, В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак – Текст : непосредственный // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 230–293.

80. Гальперин, И. Р. О термине сленг / И. Р. Гальперин – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6 – С. 107–114.

81. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств / И. Р. Гальперин. – 2-е изд., испр. – Москва: URSS: ЛИБРОКОМ, 2011. – 375 с. – Текст : непосредственный.

82. Гинзбург, Е. Л. Словообразование и синтаксис / Е.Л. Гинзбург. – М.: Либроком, 2010 г. – 264 с. – Текст : непосредственный.

83. Гиренко, Н. М. Система терминов родства и система социальных категорий / Н. М. Гиренко. – Текст : непосредственный // Советская Этнография. – М.: Наука, 1974. – №6. – С.41–50.

84. Глинкина Н. В. Адъективные суффиксоиды в словообразовательной системе современного немецкого языка (на материале рекламных текстов) : 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Глинкина Наталья Викторовна. ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет». – Нижний Новгород, 2013. – 22 с. – Место защиты: ФГБОУ ВПО «Нижегор. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова». – Текст : непосредственный.

85. Головин, В. Г. Префиксоиды имен прилагательных / В. Г. Головин – Текст : непосредственный // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Труды Самаркандского гос. университета им. А.Навои. – Самарканд, 1976. – Вып. 299. – С. 187-202.

86. Голодов, А. Г. Негативная экспрессия в отраслевом варианте разговорного немецкого языка (на материале языка футбола) : монография / А.Г. Голодов ; Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. – Рязань, 2012. – 156 с. – Текст : непосредственный.

87. Голуб, И. Б. Стилистика современного русского языка : учебное пособие / И. Б. Голуб. – М. : Высшая школа, 1986. – 335 с. – Текст : непосредственный.

88. Гольдин, В. Е. Обращение: теоретические проблемы / В. Е. Гольдин; под ред. Л.И. Баранниковой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 136 с. – Текст : непосредственный.

89. Городенская, Е. Г. Аффиксоиды украинского языка / Е. Г. Городенская – Текст : непосредственный // Проблема статуса деривационных формантов. – Владивосток: ДВО АН СССР.– 1989. – С.86–93.

90. Городенська, К. Г. Префіксально–суфіксальний словотвір / К. Г. Городенська – Текст : непосредственный // Словотвір сучасної української літературної мови. – К., 1979. – С. 27–34; – С. 28–33.

91. Городенська, К. Г. Префікси і префіксоїди в українській мові / К. Г. Городенська – Текст : непосредственный // Мовознавство. – 1986. – № 1. – С. 36–41.

92. Гречко, В. А. Теория языкознания: учебное пособие / В. А. Гречко. – М.: Высшая школа, 2003. – 375 с. – Текст : непосредственный.

93. Григорьев, В. П. О границах между словосложением и аффиксацией / В. П. Григорьев. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. 1956. № 4. – С. 38–52.

94. Григорян, Э. А. Принципы классификации суффиксоидов (на материале сложных существительных с корнями глаголов движения в опорном компоненте) / Э. А. Григорян. – Текст : непосредственный // Филологические науки. – 1981. – №3. С. 55–61.

95. Грязнова, В. М. Словообразовательная категория суффиксальных личных существительных мужского рода в русском литературном языке XIX века : 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Грязнова Виолетта Михайловна; Ставропольский государственный педагогический институт. – Санкт–Петербург, 1993. – 34 с. – Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет. – Текст : непосредственный.

96. Гухман, М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку / М. М. Гухман. Ч. I. – М.: Академия наук СССР, 1955. – 163 с. – Текст : непосредственный.

97. Гущина, Л. В. Фатическая функция обращения в диалогической речи (на материале современного английского языка) : 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Гущина Людмила Викторовна; ГОУ ВПО «РГПУ». – Ростов–на–Дону, 2006. – 166 с. – Место защиты: ГОУ ВПО «РГПУ». – Текст : непосредственный.

98. Девкин, В. Д. Немецкая лексикография: учебное пособие для вузов / В. Д. Девкин. – М.: Высшая школа, 2005. – 670 с. – Текст : непосредственный.

99. Девкин, В. Д. Особенности немецкой разговорной речи / В. Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1965. – 308 с. – Текст : непосредственный.

100. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с. – Текст : непосредственный.

101. Держанский, И. А. Обобщенная категория уменьшительности в русском и болгарском языках / И. А. Держанский. – Текст : непосредственный // Эмоции в языке и речи : сб. ст. – Москва: : РГГУ, 2005. – С. 74–75.

102. Дзибель, Г. В. / Феномен родства // Алгебра родства. – Спб.: МАЭ РАН, 2001. – Вып. 6. – 469 с. – Текст : непосредственный.

103. Дзибель, Г. В. Биологическое и социальное в феномене родства. Родство как система и текст / Г. В. Дзибель – Текст : непосредственный // Алгебра Родства. – СПб.: МАЭ РАН, 2001. – Вып. 6. – С. 90–108.

104. Дзибель, Г. В. Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому / Г. В. Дзибель. – Текст : непосредственный // Алгебра Родства. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – Вып. 2. – С.89–135.

105. Долгополова, Л. А. Інфінітив в історії німецької мови (ІХ–ХХ ст.) : монографія / Л. А. Долгополова. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2010. – 207 с. – Текст : непосредственный.

106. Домашнев, А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах / А. И. Домашнев. – Л.: Наука: Ленингр. отд–ние, 1983. – 231 с. – Текст : непосредственный.

107. Дорофеева, И. В. Английское обращение в системе языка и в дискурсе : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Дорофеева Ирина Валентиновна; Тверской государственный университет. – Тверь, 2005. – 166 с. – Место защиты: ТГУ. – Текст : непосредственный.

108. Дьяченко, В. В. Субстандартные антропонимы в английском и русском языках (контрастивно–социолексикологический аспект): 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Дьяченко Виктория Валерьевна; ПГЛУ. – Пятигорск, 2007. – 377 с. – Место защиты: ПГЛУ. – Текст : непосредственный.

109. Дьячкова, Е. С. Полусуффиксы и образования с ними в современном английском языке: 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Дьячкова Екатерина Сергеевна; ГОУ ВПО «Алтайская государственная педагогическая академия». – Барнаул, 2011. – 169 с. – Место защиты: Барнаул. гос. пед. ун–т. – Текст : непосредственный.

110. Елистратов, В. С. Русское арго в языке, обществе и культуре / В. С. Елистратов. – Текст : непосредственный // Русский язык за рубежом. – 1995. – № 1. – С. 82–89.

111. Еремин, А. Н. Проблемы лексической семантики русского просторечия : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Еремин Александр Николаевич. – Москва, 2001. – 58 с. – Текст : непосредственный.

112. Ерхов, В. Н. К проблеме полуаффиксов / В. Н. Ерхов – Текст: непосредственный // Исследования по общему, германскому и немецкому языкознанию: сб. статей. – Вып. 13. – Тула, 1976. – С. 3–15.

113. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. / Т. В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с. – Текст : непосредственный.

114. Журавлев, А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А. Ф. Журавлев. – Текст : непосредственный // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 46–48.

115. Заграевская, Т. Б. Этносоциолексикография английского афросубъязыка : 10.02.04 «Германские языки» диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Заграевская Татьяна Борисовна; ФГБОУ ВПО «ПГЛУ». – Пятигорск, 2013. – 469 с. – Место защиты: ФГБОУ ВПО «ПГЛУ». – Текст : непосредственный.

116. Зайцева, Е. А. Новообразования–наименования лица в современном русском языке рубежа XX–XXI веков: Мотивированность. Семантика. Структура: Мотивированность. Семантика. Структура : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зайцева Елена Александровна; СГПУ. – Самара, 2005. – 207 с. – Место защиты: РУДН. – Текст : непосредственный.

117. Занадворова, А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) / А. В. Занадворова. – Текст : непосредственный // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация М.: Языки славянской культуры, 2003 б. – С. 277–340.

118. Занадворова, А. В. Речевое общение в малых социальных группах (на примере семьи) / А. В. Занадворова. – Текст : непосредственный // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Ин-т рус. яз. РАН. М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 381–402.

119. Звягинцева, В. В. Обращение в семейном дискурсе : спец. 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Звягинцева, Виктория Валерьевна; ГОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет». – Курск, 2011. – 21 с. – Место защиты: Кур. гос. ун-т. – Текст : непосредственный.

120. Земская, Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е. А. Земская. – Текст : непосредственный // Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр. М. : Наука, 1988 а. С. 5–44.

121. Земская, Е. А. Политематичность как характерное свойство непринуждённого диалога / Е. А. Земская. – Текст : непосредственный // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988 б. С. 234–240.

122. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – Москва: Наука, 1981. – 277 с. – Текст : непосредственный.

123. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская. – М.: Наука; Флинта, 2004. – 240 с. – Текст : непосредственный.

124. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е. А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 328 с. – Текст : непосредственный.

125. Земская, Е. А., Розина, Р. И. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей / Е. А. Земская, Р. И. Розина – Текст : непосредственный // Русистика (Берлин). – 1994 – № 1–2. – С. 96–112.

126. Зятковская, Р. Г. Суффиксальная система современного английского языка / Р. Г. Зятковская. – М.: Высшая школа, 1971. – 185 с. – Текст : непосредственный.

127. Иванова, Т. К., Аржанцева, Н. В. Терминосистема сопоставительного словосложения русского, немецкого и английского языков / Т. К. Иванова, Н. В. Аржанцева – Текст : непосредственный // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Филология и искусствоведение. – 2012. – Вып. 62, № 2. – С. 30–38.

128. Искандарова, Д. М. Явление и природа языковой редупликации (сопоставительный и типологический анализ)/ Д. М. Искандарова – Текст : непосредственный // Проблемы русского языка в контексте компаративистики. – Душанбе, 2005. – С. 55–62.

129. Казаринова Н. В., Куницына В. Н., Погольша В. М. Межличностное общение. Учебник для вузов / Н. В. Казаринова, В. Н. Куницына, В. М. Погольша. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с. – Текст : непосредственный.

130. Калита, И. В. Стилистические трансформации русских субстандартов, или книга о сленге / И. В. Калита. – М.: Дикси Пресс, 2013. – 240 с. – Текст : непосредственный.

131. Калиущенко, В. Д. Немецкие отыменные глаголы: синхрония, диахрония, типология : монография / В. Д. Калиущенко. – Донецк : ДонНУ, 2019. – 250 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 17). – Текст : непосредственный.

132. Капанадзе, Л. А. Семейный диалог и семейные номинации / Л. А. Капанадзе – Текст : непосредственный // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 100–105.

133. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002 а. – 333 с. – Текст : непосредственный.

134. Каращук, П. М. Аффиксальное словообразование в английском языке / П. М. Каращук. – М., 1965 – 173 с. – Текст : непосредственный.

135. Каращук, П. М. Словообразование английского языка / П. М. Каращук. – М.: Высшая школа, 1977. – 303 с. – Текст : непосредственный.

136. Катермина, В. В. Национально–культурная специфика образа человека : на материале русского и английского языков : 10.02.19 «Теория языка» : диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Катермина Вероника Викторовна; ГОУ ВПО «Кубанский государственный университет». – Волгоград, 2005. – 339 с. – Место защиты: – ВГПУ. Текст : непосредственный.

137. Кестер–Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт / З. Кестер–Тома. – Текст : электронный // Русистика. – Берлин, 1993. – № 2. – С. 15–31. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/koester-93.htm> (дата обращения: 15.06. 2018).

138. Китайгородская, М. В., Розанова, Н. Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере

Москвы) / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – Текст : непосредственный // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 103–126.

139. Клименко, Н. Ф. Морфологічна будова композитів / Н. Ф. Клименко. – Текст : непосредственный // Морфологічна будова сучасної української мови. – К.: Наук. думка, 1975. – С. 5 – 54.

140. Клименко, Н. Ф. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові / Н. Ф. Клименко. – К. : Наук. думка, 1984. – 251 с. – Текст : непосредственный.

141. Клименко, Н. Ф. Словоскладання. Абревіація / Н. Ф. Клименко. – Текст : непосредственный //Словотвір сучасної української літературної мови. – К., 1979. – С. 314–402.

142. Ковалевская, Е. Г. Избранное 1963–1999 / Е. Г. Ковалевская / Под ред. д-ра филолог. наук проф. К. Э. Штайн. – СПб. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – 687 с. – Текст : непосредственный.

143. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1983. – 170 с. – Текст : непосредственный.

144. Козлова, Л. Н. Лингвистическая характеристика средств разговорности в русской и переводной немецкоязычной прозе Людмилы Улицкой : спец. 10.02.01 «Русский язык», 10.02.19 «Теория языка» : дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / Козлова Людмила Николаевна; Рос. гос. ун-т им. Иммануила Канта.– Брянск, 2010.– 299 с. – Текст : непосредственный.

145. Коноплева, И. Н. Аффиксация в английском лексическом субстандарте : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Коноплева Ирина Николаевна; ГОУ ВПО «ЧГУ». – Санкт-Петербург, 2012.– 190 с. – Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов. – Текст : непосредственный.

146. Корнева, Е. В. Сопоставительный анализ функционально-семантических полей возвратности в русском и немецком языках / Е. В. Корнева. – Текст :

непосредственный // Теоретическая и прикладная лингвистика. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. – Вып. 1. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 1999. – С. 81–94.

147. Коровушкин, В. П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно–социолексикологического анализа): монография / В. П. Коровушкин. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2008а. – 167 с. – Текст : непосредственный.

148. Коровушкин, В. П. Контрастивная субстандартная фразеология как новое направление в лингвистике / В. П. Коровушкин. – Текст : непосредственный // Материалы XXXVII Международной филологической конференции 11–15 марта 2008 г. Выпуск 2: Лексикология и фразеология (Романо–германский цикл) / Под ред. Б. С. Жарова. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008б. – С. 86–95.

149. Коровушкин, В. П. Нестандартная лексика в английском и русском военных подъязыках (понятийный аппарат социолексикологического описания) / В. П. Коровушкин. – Текст : непосредственный // Вестник ОГУ. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2003. – № 4. – С. 53–59.

150. Коровушкин, В. П. Подъязык, социолект, субстандарт и смежные явления в социально–коммуникативной системе экзистенциальных форм языка (термины и определения понятий) / В. П. Коровушкин. – Текст : непосредственный // Языки профессиональной коммуникации: сборник статей участников III международной научной конференции: в 2 т. – Т. 1. – Челябинск: Энциклопедия, 2007а. – С. 51–59.

151. Коровушкин, В. П. Субстандартные лексиконы локализованных и этнизированных социолектов в английском и русском языках / В. П. Коровушкин. – Текст : непосредственный // Социальные варианты языка – V: материалы международной научной конференции 19–20 апреля 2007 года. – Н. Новгород: Новгородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2007б. – С. 8–11.

152. Коровушкин, В. П., Перрон, Е. В. Субстандартные лексиконы в подъязыках немецких и русских военнослужащих и военнопленных (контрастивно–социолектологический подход): монография / В. П. Коровушкин, В. Е. Перрон; Федер. служба исполнения наказаний, Вологод. ин–т права и экономики / Под ред. Г. Н. Чиршевой. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 194 с. – Текст : непосредственный.

153. Косарева Н. В. Лингвистический статус образований с элементами типа -map в современном английском языке: 10.02.19. «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Н. В. Косарева; Киев, 1979. – 22 с. – Текст : непосредственный.

154. Косицкая, А. Г. Структурно–семантические особенности наименований человека в искусстве (на материале английского и немецкого языков) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / Косицкая Алина Геннадьевна; ГОУ ВПО «ДонНУ», Донецк, 2018. – 236 с. – ГОУ ВПО «ДонНУ». – Текст : непосредственный.

155. Косцинский, К. Ненормативная лексика и словари (К постановке вопроса) / К. Косцинский. – Текст : непосредственный // Russian Linguistics. – Vol. 4. – No. 4 (Apr., 1980). – P. 363–395.

156. Косычева, М. А. Концепт "CHILD" и средства его реализации в английской лингвокультуре : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / Косычева Марина Александровна; Поволж. гос. соц.–гуманитар. акад. – Самара, 2013.– 23 с. – Место защиты: Поволж. гос. соц.–гуманитар. акад. – Текст : непосредственный.

157. Крашенникова, Е. А. Новое в немецкой грамматике. Словообразование / Е. А. Крашенникова. Вып. 4. – М.: Просвещение, 1965. – 90 с. – Текст : непосредственный.

158. Крысин, Л. П. Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике / Л. П. Крысин. – Текст :

непосредственный // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 11–29.

159. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1989. — 188 с. – Текст : непосредственный.

160. Крюков, М. В. Личное имя и термины родства / М. В. Крюков. – Текст : непосредственный // Ономастика Востока. – М.: Наука, 1980. – С. 165–169.

161. Крюков, М. В. Система родства китайцев / М. В. Крюков. – М.: Изд-во наука, 1972. – 327 с. – Текст : непосредственный.

162. Кубрякова, Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков) / Е. С. Кубрякова. – М., 1974 – 324 с. – Текст : непосредственный.

163. Кубрякова, Е. С. Производное слово как языковая структура представления знаний / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Английский лексикон и структура представления знаний. М., 1994. – С. 4–11.

164. Кубрякова, Е. С. Конверсия в словообразовании / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с. – Текст : непосредственный.

165. Кубрякова, Е. С. Об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания.– 1964. – №1. – С. 95–100.

166. Кубрякова, Е. С. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980.– 126 с. – Текст : непосредственный.

167. Кубрякова, Е.С. Словообразование / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. – С. 344–393.

168. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова, М.: Наука, 1981. – 124 с. – Текст : непосредственный.

169. Кубрякова, Е. С. Что такое словообразование? / Е.С. Кубрякова, М.: Наука, 1965. – 264 с. – Текст : непосредственный.

170. Кузнецов, А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А. М. Кузнецов. – М.: Наука, 1986. – 128 с. – Текст : непосредственный.

171. Кукушкина, Е. Ю. Домашний язык в семье / Е. Ю. Кукушкина. – Текст : непосредственный // Язык и личность. М., 1989 – С. 96–100.

172. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации : 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Кустова Галина Ивановна; – Москва, 2001. – 413 с. Текст : непосредственный

173. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику = Introduction to theoretical linguistics/ Дж. Лайонз; [пер. с англ. под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева]. – 2-е изд. – Москва: URSS, 2010. – 541 с. – Текст : непосредственный.

174. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика. Введение / Дж. Лайонз. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с. – Текст : непосредственный.

175. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. / под ред. и предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с. – Текст : непосредственный.

176. Лебедеико, Г. А. Обращение в речи немецкого ребенка младшего школьного возраста: прагмалингвистический аспект : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Лебедеико Галина Александровна; ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». – Пятигорск, 2018. – 184 с. – Место защиты: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». – Текст : непосредственный.

177. Левицкий, А. Э. Функциональные особенности немодифицированных композитных образований в современных английском и русском языках / А. Э. Левицкий. – Текст : непосредственный // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 110. – Т. 1 (продолжение). – С. 313–316.

178. Левицкий, Ю. А. Общее языкознание / Ю. А. Левицкий. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 266 с. – Текст : непосредственный.

179. Левковская, К. А. О специфике префиксации в системе словообразования (на материале немецкого языка) / К. А. Левковская. – Текст : непосредственный // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – С. 228 – 229.

180. Левковская, К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала / К. А. Левковская. – М.: Высшая школа, 1962. – 296 с. – Текст: непосредственный.

181. Леонович, Е. О. Прагматический аспект обращения (на материале английского языка) : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Леонович, Евгения Олеговна. – Пятигорск, 1999. – 211 с. – Текст : непосредственный.

182. Ли Е. В. Термины родства в системе языка и в сознании разноязычных носителей (на примере русского и корейского языков): 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Ли Екатерина Владимировна; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2013. – 25 с. – Место защиты: Кемеровский государственный университет. – Текст : непосредственный.

183. Ликоманова, И. Тенденции функционирования стандарта и субстандартов в последнее десятилетие (на примере нескольких славянских языков) / И. Ликоманова. – Текст : непосредственный // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 190–198.

184. Ломтева, Т. А. Нестандартная лексика в коммуникативнопрагматическом аспекте: (на материале языка романов С. Кинга) : «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Ломтева Татьяна Александровна; СГУ. – Ставрополь, 2005. – 177 с. – Место защиты: СГУ. – Текст : непосредственный.

185. Лопатин, В. В. О принципах словообразовательного анализа и классификации морфем / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. – Текст : непосредственный // Русский язык в национальной школе, 1969. – С. 119–132.

186. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М.: Наука, 1977. – 315 с. – Текст : непосредственный.

187. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоположений / Д. С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с. – Текст : непосредственный.

188. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте / Н. А. Лукьянова – Текст : непосредственный // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып 9. – С. 183–200.

189. Лютянская, М. М. Языковая реализация концептосферы "Родственные отношения" в английской языковой картине мира новоанглийского периода : 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Лютянская Майя Михайловна; С. – Петерб. гос. ун-т. – Санкт–Петербург, 2009. – 15 с. – Место защиты: С. – Петерб. гос. ун-т. – Текст : непосредственный.

190. Макаров, М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1998. – 200 с. – Текст : непосредственный.

191. Макова, М. И. О структурных особенностях специальных словосочетаний в английском языке / М. И. Макова. – Текст : непосредственный // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1972. – С. 32–41.

192. Маковский, М. М. Современный английский сленг: Онтология, структура, этимология. – 3-е изд. / М. М. Маковский. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 168 с. – Текст : непосредственный.

193. Малинин, Б. А. Некоторые вопросы коллоквиального словообразования современного немецкого языка в свете теории экономии языковых средств : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Б. А. Малинин. – Пятигорск, 1972. – 192 с. – Текст : непосредственный.

194. Малинин, Б. А. Становление нового коллоквиального полусуффикса в современном немецком языке / Б. А. Малинин, Н. А. Савченко. – Текст : непосредственный // Вопросы германистики: Юбилейный сб. науч. тр. каф. нем. филол. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2001. – Вып. III. – С. 7–10.

195. Манерко, Л. А. Сложноструктурное субстантивное словосочетание: Когнитивно–дискурсивный аспект. На материале технической литературы современного английского языка : 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Манерко Лариса Александровна. – Москва, 2000. – 425 с. – Текст : непосредственный.

196. Мартинович, Г. А. Стилистически окрашенная лексика в современном русском языке / Г. А. Мартинович. – СПбГУП, Санкт-Петербург, 2006. – 17 с. – Текст : непосредственный.

197. Маслов, А. А. Системы родства западных манде / А. А. Маслов. – Текст : непосредственный // Алгебра родства. – Спб.: МАЭ РАН, 2001. – Вып. 7. – С. 187–219.

198. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 562 с. – Текст : непосредственный.

199. Метельская, Е. В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультурах: на материале зоонимов английского и русского языков: 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Метельская, Елена Владимировна; ФГБОУВПО «Пятигор. гос. лингвист. ун-т.». – Пятигорск, 2012. – 26 с. – Место защиты: Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Текст : непосредственный.

200. Мехович, Т. А. Некоторые особенности структуры медицинских терминов / Т. А. Мехович – Текст : непосредственный // Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле и литературной норме. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР. – 1980. – С.171–172.

201. Мешков, О. Д. О речевых композитах в современном английском языке / О. Д. Мешков. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. – 1981. – № 2. – С. 16–19.

202. Мешков, О. Д. Словообразование современного английского языка / О. Д. Мешков. М.: Наука, 1976. – 244 с. – Текст : непосредственный.

203. Микаэлян, Н. М. Суффиксоиды со значением действующего лица в языках различных типов (на материале русского, армянского и английского языков) : 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Микаэлян, Назели Михайловна. – Ереван, 1984. – 171 с. – Текст : непосредственный.

204. Минина, Л. И. Качественно–количественный дериватарий аффиксоидов и полуаффиксов современного русского языка / Л. И. Минина. – Текст : непосредственный // Деривация в норме и терминосистемах. – Владивосток, 1990. – С. 74–76.

205. Минина, О. Г. Обращение в современном английском языке. Коммуникативно–прагматический аспект: 10.02.04 «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Минина Ольга Георгиевна; . – Белгород, 2000. – 202 с. – Текст : непосредственный.

206. Минлос, Ф. Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках : 10.02.03 «Славянские языки»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук : / Минлос Филипп Робертович; Институт славяноведения РАН. – Москва, 2004. – 20 с. Место защиты: Институт славяноведения РАН. – Текст : непосредственный.

207. Митрофанова, Л. А. Контаминационные производные в современном немецком языке с элементами–итальянизмами / Л. А. Митрофанова. – Текст : непосредственный // Вестник СамГУ. – 2013. – № 8/1 (109). – С. 98–103.

208. Моисеев, А. И. Термины родства в современном русском языке / А. И. Моисеев – Текст : непосредственный // Филологические науки. – М.: Наука, 1963. – №3. – С. 120–132.

209. Москалёва, М. В. Семантическая деривация имён существительных в современном русском языке второй половины 20 – начала 21 вв. : 10.02.01 : «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Москалёва Марина Владимировна; ГОУ ВПО «Моск. гор. пед. ун–т.». – Москва, 2009. – 27 с. – Место защиты: ГОУ ВПО «Моск. гор. пед. ун–т.». – Текст : непосредственный.

210. Мурашова, Л. П. Концептуально–фреймовое конструирование женской идентичности в английском языке: 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Мурашова Людмила Павловна; ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». – Пятигорск, 2018. – 189 с. – Место защиты: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». – Текст : непосредственный.

211. Мурясов, Р. З. Морфология производного слова (на материале производных существительных немецкого языка) / Р. З. Мурясов. – Уфа 1992. – 191 с. – Текст : непосредственный.

212. Нвайгве, Сирил Чебюке. Новый сленг в английском языке XX века: в сопоставлении с литературным английским языком : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Сирил Чебюке Нвайгве; Международный гуманитарный университет Республики Таджикистан. – Душанбе, 2007. – 24 с. – Место защиты: Российско-Таджикский (славянский) университет. – Текст : непосредственный.

213. Недялков, В. П. Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив / В. П. Недялков. – Л.: Наука, 1971. – 221 с. – Текст : непосредственный.

214. Недялков, В. П. Рефлексивные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета / В. П. Недялков, Э. Ш. Генюшене. – Текст : непосредственный // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. – Калинин, 1985. – С. 3–19. – 111 с.

215. Незнаева, О. С. Прецедентные феномены в студенческом общении: механизмы появления и актуализация в различных речевых ситуациях : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / О. С. Незнаева ; ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», – Саратов, 2019 – 22 с. – Место защиты: ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». – Текст : непосредственный.

216. Немченко, В. Н. Основные понятия словообразования в терминах : кратк. слов.-справ. / В. Н. Немченко . – Н. Новгород : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 204 с. – Текст : непосредственный.

217. Немченко, В. Н. Термины «аффиксоид», «префиксоид», «суффиксоид» и их синонимы в современном языкознании / В. Н. Немченко – Текст : непосредственный // Гуманитарные термины в специальной литературе. – Горький, 1990. – С. 31–40.

218. Нестерова, Т. В. Прагматика обращений–антропонимов в семейной сфере : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Нестерова Татьяна Вячеславовна – М., 1999. – 395 с. – Текст : непосредственный.

219. Нестерова, Т. В. Антропонимы–обращения в семейной сфере: прагматический аспект (на материале художественных текстов) / Т. В. Нестерова – Текст : непосредственный // Сб. тезисов, докладов и сообщений международной конференции «Русский язык в общении и образовании». – М.: ИРЯП, 1996. – С. 83–85.

220. Нестерова, Т. В. Эмоционально–экспрессивные антропонимы–обращения в семейной сфере (на материале художественных текстов) / Т. В. Нестерова – Текст : непосредственный // : тезисы конф. «Экспрессия в языке и в речи» – М. : Фирма БЛОК, 1998. – С. 102–104.

221. Нилова, К. В. Межпоколенческая внутрисемейная коммуникация: социопсихолингвистический аспект : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат

диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Нилова Кристина Васильевна; НОУ ВПО «Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ)». – Уфа, 2015. – 25 с. – Место защиты: Башкирский государственный университет. – Текст : непосредственный.

222. Николаєва, Л. Б. Типологія термінів спорідненості : монографія / Л. Б. Ніколаєва. – Донецьк: ДонНУ, 2006. – 255 с. – Текст : непосредственный.

223. Попов, В. А. К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха / В. А. Попов. – Текст : непосредственный // Советская этнография. – М.: Наука, 1977. – №2. – С.43–54.

224. Попов, В. А. Некоторые проблемы типологических исследований в этнографии / В. А. Попов. – Текст : непосредственный // Проблемы этнографии и этнической антропологии. – М.: Наука, 1978. – С. 3–13.

225. Попов, В. А. Опыт компонентного анализа систем терминов родства ашанти и фанти / В. А. Попов. – Текст : непосредственный // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. – М.: Институт этнографии АН СССР, 1979. – С.74–85.

226. Попов, В. А. Системы терминов родства как исторический источник: современное состояние проблемы / В. А. Попов. – Текст : непосредственный // XIX научная конференция по источниковедению истории стран Азии и Африки: Межвуз. сб. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 145 – 150.

227. Оликова, М. А. Обращение в современном английском языке (Опытструктурно–семантического и социолингвистического анализа) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Оликова Мария Александровна; КГИИЯ. – Киев, 1973. – 16 с. – Место защиты: КГИИЯ. – Текст : непосредственный.

228. Осьмак Н. А. Лексические единицы повседневной разговорной речи: пути лексикографического описания их функционирования: 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук/

Н. А. Осьмак [Место защиты: ФГБОУ ВО "СПбГУ"]. – Санкт-Петербург, 2014. – 235 с.

229. Павлов, В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования / В. М. Павлов. – Л.: Наука, 1985. – 300 с. – Текст : непосредственный.

230. Павлов, В. М. Субстантивное словосложение в немецком языке : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / В. М. Павлов. – Ленинград, 1973. – 46 с. – Текст : непосредственный.

231. Панов, М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / М. В. Панов. Т. 1 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 568 с. – Текст : непосредственный.

232. Перетрухин, В. Н. Введение в языкознание. Курс лекций / В. Н. Перетрухин. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 360 с. – Текст : непосредственный.

233. Петрашова, Т. Г. Язык для специальных целей в контексте содержания понятий «национальный язык» и «литературный язык» / Т. Г. Петрашова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. – С. 90–93.

234. Петренко, А. Д. Изучение произносительных особенностей детской речи в фоностилистическом аспекте / А. Д. Петренко. – Текст : непосредственный // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 107. – С. 7–12.

235. Петренко, А. Д. Коммуникативные нормы использования разных форм существования немецкого языка в Германии / Д.А. Петренко. – Текст : непосредственный // Культура народов Причерноморья. – 2011 – № 203. – С. 10–14.

236. Петренко, А. Д. О некоторых тенденциях современного немецкого языка в Германии / А. Д. Петренко. – Текст : непосредственный // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 7. – С. 160–163.

237. Петренко, А. Д. Понятие социального диалекта. Его особенности и отличительные черты / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, И. В. Черныш,

Е. Е. Щелкова. – Текст : непосредственный // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 232–235.

238. Петрищева, Е. И. Семантика терминов родства (на материале разговорной лексики английского и немецкого языков / Е.И. Петрищева. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: VIII Международная конференция, 25–26 февраля 2016 г.: материалы докладов. – Саратов: ИЦ «Наука», 2016. – С. 157–162.

239. Петрищева, Е. И. Структура и семантика лексем со значением «муж» и «жена» в разговорной лексике: сопоставительный аспект / Е.И. Петрищева. – Текст : непосредственный // ЯЗЫК И РЕЧЬ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: Международная заочная научная конференция, 24 ноября 2017 г.: материалы. – Ростов-на-Дону: Таганрогский институт имени А.П. Чехова(филиал) «РГЭУ (РИНХ)», 2018. – С. 152–153.

240. Петрищева, Е. И. Структура и семантика лексем со значением «Родители» в субстандарной лексике: сопоставительный аспект / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: III Международная научная конференция, 25 октября 2018 г.: материалы. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – Т. 5: Филологические, психологические и философские науки. – С. 20–22.

241. Петрищева, Е. И. Вторичная номинация терминов родства (на материале разговорной и сленговой лексики английского и немецкого языков) / Е. И. Петрищева. – Текст : электронный // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – Краснодар, 2016. – № 4.

242. Петрищева, Е. И., Ш. Р. Басыров. Вторичные наименования мужа и жены в английской, немецкой и русской разговорной лексике / Е.И. Петрищева, Ш. Р. Басыров. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития

Донбасса, 17–20 октября 2017 г.: материалы. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – Т. 4: Филологические науки. Ч. 1: Иностранная филология. – С. 66–68.

243. Петрищева, Е. И. Вторичные наименования родителей и детей в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2018. – Т. 14. – Вып. 1 (39). – С. 139–153.

244. Петрищева, Е. И. Зооморфная номинация родственников в субстандартной лексике / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // *Казанский вестник молодых учёных*. – Казань, 2018. – Том 2. – № 4 (7). – С. 42–44.

245. Петрищева, Е. И. Композиты и словосочетания, номинирующие родственников в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2019. – Т. 15. – Вып. 4 (46). – С. 105–115.

246. Петрищева, Е. И. Лексико–семантические группы терминов родства в английском и немецком языках / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // *Семантика и словообразование в германских, романских и славянских языках: Междунар. Лингвистический семинар, 16–17 ноября 2015 г.: материалы*. – Донецк: ДонНУ, 2015. – С. 75–76.

247. Петрищева, Е. И. Метафора и метонимия в сфере наименований терминов родства (на материале английской и немецкой разговорной лексики) / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // *Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности, 16–18 мая 2016 г.: материалы*. – Ростов–на–Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. – Т. 5. Филологические и философские науки. – С. 35–37.

248. Петрищева, Е. И. Наименования мужа и жены в субстандартной лексике: сопоставительный аспект / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный //

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2018. – Т. 14. – Вып. 1 (39). – С. 70–83.

249. Петрищева, Е. И. Семантическая характеристика субстандартных наименований родственников: сопоставительный аспект / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // Современные технологии обучения иностранным языкам: Международная научно-практическая конференция, 18 февраля 2021 года. – Ульяновск: УлГТУ, 2021. – С. 161–169.

250. Петрищева, Е. И. Семантическая характеристика терминов родства (на материале разговорной и сленговой лексики немецкого и английского языков) / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 23 окт. 2015 г. – Минск : МГЛУ, 2016. – С. 162–165.

251. Петрищева, Е. И. Структура и семантика лексем со значением «МАТЬ» и «ОТЕЦ» в английской, немецкой и русской разговорной лексике / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2016. – Т. 12. – Вып. 2 (34). – С. 86–94.

252. Петрищева, Е. И. Структурные типы субстандартных наименований родственников в английском, немецком, русском и украинском языках / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // Мир. Человек. Язык : сб. науч. тр. / Владим. гос. ун–т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых ; Донец. нац. ун–т ; Рос. гос. пед. ун–т им. А. И. Герцена, Ин–т иностр. яз. ; Юж. федер. ун–т, Ин–т филолог.журн. и межкультурн. коммуникации. – Владимир : Изд–во ВлГУ, 2019. – С. 204–211.

253. Петрищева, Е. И. Функционально–семантические особенности нестандартных наименований родственников в неофициальном общении / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Т. 16. – Вып. 4 (50). – С. 95–110.

254. Петрищева, Е. И. Субстандартные наименования родственников в функции обращения в семейном общении / Е. И. Петрищева. – Текст : непосредственный // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: V Международная научная конференция, 17–18 ноября 2020 г.: материалы. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – Т. 4: Филологические науки. Библиотечное дело. – С. 60–62.

255. Петрищева, Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е. Ф. Петрищева. – Москва : Наука, 1984. – 222 с. – Текст : непосредственный.

256. Петрова, Т. А. Типы номинации коммуникативного адресата в ситуациях непосредственного общения : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Т. А. Петрова. – Л., 1983. – 20 с. – Текст : непосредственный.

257. Пименова, М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 176 с. – Текст : непосредственный.

258. Погорелко, А. М. Система средств адресации русского и английского языков : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Погорелко Александр Михайлович. – Уфа, 2001. – 229 с. – Текст : непосредственный.

259. Полищук, Г. Г. Номинация разговорной речи / Г. Г. Полищук. – Текст : непосредственный // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского языка. Лексика. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1983. – С. 195–212.

260. Пономарів О. Д. Стилїстика сучасної української мови : [підручник] / О. Д. Пономарів. – К. : Либідь, 1993. – 247 с. – Текст : непосредственный.

261. Попов, Б. Н. Семейная культура народов Северо-востока России / Б. Н. Попов. – Новосибирск: Наука, 1993. – 32 с. – Текст : непосредственный.

262. Попов, В. А. Ашантийцы в XIX в. / В. А. Попов – М.: Наука, 1982. – 175 с. – Текст : непосредственный.

263. Попов, В. А. Номенклатура родства и система терминов родства / В. А. Попов. – Текст : непосредственный // Алгебра родства. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – Вып. 2. – С.135–142.

264. Попов, В. А. Предисловие / В. А. Попов. – Текст : непосредственный // Алгебра родства. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – Вып. 2. – С. 3–6.

265. Попов, В. А. Экологическое время и циклические структуры возрастных и родственных систем / В. А. Попов. – Текст : непосредственный // Пространство и время в архаических культурах: Материалы коллоквиума. – М.: Наука, 1992. – С. 29–31.

266. Попов, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – 3-е изд. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 278 с. – Текст : непосредственный.

267. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Общее языкознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 408 с. – Текст : непосредственный.

268. Проничев, В. П. Синтаксис обращения (на материале русского и сербо-хорватского языков) / В.П. Проничев. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971. – 88 с. – Текст : непосредственный.

269. Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера / Отв. редакторы: Н.С. Бабенко, В.А. Нуриев. – М.: Буки Веди, 2015. – 380 с. – Текст : непосредственный.

270. Резницкая, Г. И. Особенности семейного дискурса и его роль в процессе социализации ребенка / Г. И. Резницкая – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. – С. 220–229.

271. Родзевич, Н. С. Про будову складних слів у сучасній українській мові / Н. С. Родзевич. – Текст : непосредственный // Українська мова в школі. – 1952. – №6. – С. 12–15.

272. Розен, Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке. / Е. В. Розен. – М.: Просвещение, 1991. С. 36–42. – Текст : непосредственный.

273. Розенталь, Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Москва: Высшая школа, 1991. – 559 с. – Текст : непосредственный.

274. Розина, Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол : 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук / Р. И. Розина. – Москва, 2004. – 308 с. – Текст : непосредственный.

275. Романов, А. А. Коммуникативные стратегии лидера в диалогическом общении / А. А. Романов. – Текст : непосредственный // Этнопсихолингвистические аспекты речевого общения : тез. докл. совещания–семинара. Самарканд. 1990. С. 34–35.

276. Русакова О. В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Русакова Ольга Владимировна; ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого». – Орел, 2013. – 24 с. – Место защиты: ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – Текст : непосредственный.

277. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. I. 783 с. – Текст : непосредственный.

278. Русский язык. Энциклопедия / под. ред. Ф.П. Филина. М., 1979. – 432 с. – Текст : непосредственный.

279. Рыжова, Л. П. Обращение как компонент коммуникации : 10.02.19 «Теория языка» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Л. П. Рыжова. – М., 1982. – 15 с. – Текст : непосредственный.

280. Рытникова, Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе / Я. Т. Рытникова. – Текст : непосредственный // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург : АРГО, 1996. С. 94–115.

281. Рытникова, Я. Т. Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения / Я. Т. Рытникова. – Текст : непосредственный // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. – С. 177–188.

282. Рябичкина (Файзиева), Г. В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое и типологическое языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Рябичкина Галина Владимировна; ГОУ ВПО «ПГЛУ». – Пятигорск, 2009. – 45 с. – Место защиты: ГОУ ВПО «ПГЛУ». – Текст : непосредственный.

283. Рязанов, В. Ю. Особенности синхронных связей словосложения и аффиксации в современном английском языке (полуаффиксация как один из способов их взаимодействия) : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Рязанов Владимир Юрьевич; МГПИ. Москва, 2000. – 22 с. – Место защиты: МГПИ. – Текст : непосредственный.

284. Савинкина, Н. Б. Пейоративное словообразование в современном немецком языке (на материале имени существительного) : 10.02. «Германские языки» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Н. Б. Савинкина; МГПИ им. В. И. Ленина. – М., 1985. – 198 с. – Место защиты: МГПИ им. В. И. Ленина. – Текст : непосредственный.

285. Салихова Э. А., Нилова К. В. Особенности внутрисемейного вербального общения через поколение: бабушки–дедушки vs внуки–внучки // МНКО. 2013. № 1 (38). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vnutrisemeynogo-verbalnogo-obscheniya-cherez-pokoleniebabushki-dedushki-vs-vnuki-vnuchki> (дата обращения: 14.03.2016).

286. Сапогова, Л. И. Сокращения как словообразовательный процесс в английском языке / Л. И. Сапогова. – Текст : непосредственный // Вопросы общего и романо–германского языкознания. Уфа, 1965. Вып. 2. – С. 38–42.

287. Сарыбаева, М. Ш. Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Сарыбаева Майра Шораевна; Алма-Атинский педагогический институт иностранных языков. – Алма-Ата, 1991. – 31 с. – Место защиты: Казахский ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт им. В. И. Ленина. – Текст : непосредственный.

288. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с. – Текст : непосредственный.

289. Серебренников, Б. А. Языковая номинация / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1977. – 358 с. – Текст : непосредственный.

290. Сиротинина, О. Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» / О. Б. Сиротинина. – Текст : непосредственный // Лики языка. М. : Наследие, 1998 – С. 348–354.

291. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1956. – 260 с. – Текст : непосредственный.

292. Смирницкий, А. И. По поводу конверсии в английском языке / А. И. Смирницкий. – Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. 1954. №3. С. 12–24.

293. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 296 с. – Текст : непосредственный.

294. Смирнова, А. Г. Функционально-стилистическое своеобразие семейной речи : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Смирнова Анна Геннадьевна; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2008. 19 с. – Место защиты: МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. – Текст : непосредственный.

295. Ставицька, Л. О. Арго, жаргон, сленг / Л. О. Ставицька. – К.: Критика, 2005. – 462 с. – Текст : непосредственный.

296. Ставицька, Л. О. Про взаємодію жаргону і сленгу / Л. О. Ставицька. – Текст : непосредственный // Українська мова та література. – 2000. – № 15. – С. 7–8.

297. Ставицька, Л. О. Проблеми й аспекти вивчення жаргонної лексики: соціолінгвістичний аспект / Л. О. Ставицька. – Текст : непосредственный // Українська мова. – 2001. – № 1. – С. 55–68.

298. Степанов, Ю. С. Номинация, семантика, семиология (виды семантических определений в современной лексикологии) / Ю. С. Степанов. – Текст : непосредственный // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. – С. 294–358.

299. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания : учеб. пособ. для студ. филол. спец. педагог. институтов / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. – Москва: URSS, 2010. – 270 с. – Текст : непосредственный.

300. Степанова, М. Д. Методы синхронного анализа лексики (на материале современного немецкого языка) / М. Д. Степанова. – М., 1968. – 201 с. – Текст : непосредственный.

301. Степанова, М. Д. Структура слова и анализ по непосредственным составляющим / М. Д. Степанова. – Текст : непосредственный // Проблемы морфологического строя германских языков. 1963. – С. 15–25.

302. Степанова, М. Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке / М. Д. Степанова, В. Фляйшер. – М.: Высшая школа, 1984. – 264 с. – Текст : непосредственный.

303. Степанова, М. Д. О соотношении словосложения и словопроизводства (проблема «полуаффиксации») / М. Д. Степанова // Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. – С. 44–56. – Текст : непосредственный.

304. Степанова, М. Д. Лексикология современного немецкого языка = Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М.: Изд. центр "Академия", 2003. — 256 с. – Текст : непосредственный.

305. Степанова, М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953. – 374 с. – Текст : непосредственный.

306. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж: ИПЦ МОУВЭПИ, 2001. – 252 с. – Текст : непосредственный.

307. Сумникова, Н. И. Термины родства и свойства в современном русском языке / Н. И. Сумникова. – Текст : непосредственный // Русская Речь. – М.: Наука, 1969. – №2. – С. 117–123.

308. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия. – Текст : непосредственный // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.

309. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. М.: Наука, 1986. – 141 с. – Текст : непосредственный.

310. Теркулов, В. І. Композити російської мови в ономаціологічному аспекті : спец. 10.02.02 «Русский язык» автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук: / Теркулов В'ячеслав Ісайович; Горловский государственный педагогический институт иностранных языков. – К., 2008. – 40 с. – Место защиты: Институт языковедения имени А. А. Потебни НАН Украины. – Текст : непосредственный.

311. Трошина, Н. Н. Культурный этноцентризм как проблема межкультурной деловой коммуникации / Н. Н. Трошина. – Текст : непосредственный // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : Волгоград : Перемена, 2000. – С. 88–95.

312. Трубачев, О. Н. Реконструкция слов и их значений / О. Н. Трубачев. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1980. – № 3. – С.140–143.

313. Трубачев, О. Н. Этимологические мелочи (1. выпендриваться, 2. гримза, 3. драндулет, 4. в пику, 5. стуколка, 6. фифа, 7. шкет) / О. Н. Трубачев – Текст : непосредственный // Этимология 1964. – М., 1965. – С. 131-134.

314. Туманян, Э. Г. Язык как система социолингвистических систем. Синхронно–диахроническое исследование / Э.Г. Туманян / Отв. ред. д.ф.н. Ю. Д. Дешериев. – М.: Наука, 1985. – 247 с. – Текст : непосредственный.

315. Удинська, А. Г. Метонімічні переноси на позначення людини в англійській і українській мовах : 10.02.17 «Сравнительно-историческое и типологическое языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Удинська Алла Геннадіївна; ДонНУ. – Донецк, 2007. – 21 с. – Место защиты: ДонНУ. – Текст : непосредственный.

316. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М., 1996. – 224 с. – Текст : непосредственный.

317. Улуханов, И. С. Словообразование. Морфонология. Лексикология / И. С. Улуханов. – М.: Логос, 2012. – 600 с. – Текст : непосредственный.

318. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания / И. С. Улуханов. – М.: Наука, 1977. – 256 с. – Текст : непосредственный.

319. Ульман, С. Стилистика и семантика / С. Ульман. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 9. Лингвостилистика. – М.: Прогресс, 1980. – С. 227-253.

320. Успенский, Б. А. Структурная типология языков / Б. А. Успенский. – Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. – Москва: Наука, 1965. – 286 с. – Текст : непосредственный.

321. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1968. 198 с. – Текст : непосредственный.

322. Уфимцева, А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А. А. Уфимцева. – Текст : непосредственный // Языковая номинация (Виды наименований). – Москва: Наука, 1977. – С. 5–85.

323. Уфимцева, А. А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации / А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия. – Текст : непосредственный // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 7–98.

324. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 205 с. – Текст : непосредственный.

325. Файзиева, Г. В., Громова, Н. В. Функциональные особенности терминов родства в субстандартном лексическом фонде английского, немецкого и русского языков / Г. В. Файзиева, Н. В. Громова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки и образование: науч.-метод. журнал / ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева». – 2017. – № 4(32). – С.163-167.

326. Филимоненко, С. А. Звукоизобразительная лексика в немецком языке : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Филимоненко Сергей Александрович; С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2008. – 18 с. – Место защиты: С. – Петерб. гос. ун-т. – Текст : непосредственный.

327. Филин, Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М., 1981. – 327 с. – Текст : непосредственный.

328. Филин, Ф. П. О словарном составе языка великорусского народа / Ф. П. Филин. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания, 1982, № 5. – С. 18–28.

329. Филин, Ф. П. О слове и варианте слова // Ф. П. Филин. – Текст : непосредственный // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.–Л.: АН СССР, 1963. – С. 118–128.

330. Филин, Ф. П. О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке // Ф. П. Филин. – Текст : непосредственный // Язык и мышление. М.-Л., 1948. – Т. II. – С.329–346.

331. Филин, Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин. – Текст : непосредственный // Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София: Българ. акад. на науките, 1957. – С. 523–538.

332. Формановская, Н.И. Речевое общение: Комуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с. – Текст : непосредственный.

333. Ханпира, Э. Оказиональные элементы в современной речи / Э. Ханпира. – Текст : непосредственный // Стилистические исследования. На материале современного русского языка. – М., 1972. – С. 245–317.

334. Хвостенко, А. А. Термины кровного родства и свойств в историческом аспекте развития семантики английского языка : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Хвостенко Анна Александровна; ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет». – Барнаул, 2018 – 22 с. – Место защиты: ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет». – Текст : непосредственный.

335. Хидекель, С. С. Сложные слова и словосочетания в современном английском языке / С. С. Хидекель. – Текст : непосредственный // Ученые записки Курского гос. пед. ин-та. – Орел, 1969. – Т. 63. – Вып. 3 – С. 251–265.

336. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. Предисловие– Санкт–Петербург : Норинт, 2004. – 762 с. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/khimik/razgovor.html> (дата обращения – 07.04.2018).

337. Хомский Н., Синтаксические структуры = Syntactic Structures / Н. Хомский. – Текст : непосредственный // Новое в лингвистике. – М. , 1962. – Вып. II. – С. 412–527.

338. Хомяков, В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия : монография / В. А. Хомяков. – Вологда: Областная типография, 1971. – 103 с. – Текст : непосредственный.

339. Хомяков, В. А. Некоторые типологические особенности нестандартной лексики английского, французского и русского языков / В. А. Хомяков. – Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. – 1992. – № 3. – С. 94–105.

340. Хомяков, В. А. Текст, пресуппозиция и социальное созначение слова / В. А. Хомяков. – Текст : непосредственный // Значение и смысл речевых преобразований. Калинин: Калининский гос. ун–т, 1979. С. 113–120.

341. Хэллидей М. А. К. Лингвистическая функция и литературный стиль / М. А. К. Хэллидей. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 9. – С. 116–148.

342. Царев, П. В. Сложные слова в английском языке / П. В. Царев. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1979. – 126 с. – Текст : непосредственный

343. Царев, П. В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке / П.В. Царев. М.: Изд-во МГУ, 1984. – 225 с. – Текст : непосредственный.

344. Царев, П. В. Производное слово в английском языке / П. В. Царев. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 131 с. – Текст : непосредственный

345. Цвиллинг, М. Я. Функциональный стиль, подъязык и социальный диалект (К вопросу о соотношении понятий) / М. Я. Цвиллинг. – Текст : непосредственный // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М., 1986. – С. 5–15.

346. Цзинь, Чжи. Образ ребёнка в языковом сознании (на примере разных лингвокультур): 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Чжи Цзинь; ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)». – Челябинск, 2019. – 255 с. – Текст : непосредственный.

347. Цыганенко, Г. П. Состав слова и словообразование в русском языке / Г. П. Цыганенко. – Київ : Радянська школа, 1978. – 152 с. – Текст : непосредственный.

348. Чайковский, Р. Р. Язык в семье как разновидность социолекта / Р. Р. Чайковский. – Текст : непосредственный // Вариативность как свойство языковой системы : тезисы докл. М. : Наука, 1982. Ч. 2. С. 110–112.

349. Черепанов, М. В. О разграничении словосложения и префиксации / М. В. Черепанов. – Текст : непосредственный // Рус. яз. в школе. – 1968. – №5. – С. 41–48.

350. Черепанова, Н. Г. Комбинированное словообразование современного немецкого языка и его роль в образовании разговорной лексики : 10.02.04

«Германские языки» : дисс. на соиск. уч. ст. к. филол. н. / Н. Г. Черепанова. – Москва, 2001. – 174 с. – Текст : непосредственный.

351. Черничкина, О. В. Коммуникативная инициатива в межличностном общении (на материале супружеского дискурса) : спец. 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Черничкина Оксана Валерьевна; Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2013. – 190 с. – Текст : непосредственный.

352. Чеснокова, Л. Д. Связи слов в современном русском языке: пособие для учителей / Л. Д. Чеснокова. – М.: Просвещение, 1980. – 110 с. – Текст : непосредственный.

353. Чеснокова, О. С. Русские и испанские формы общения – наименования родства : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Чеснокова Ольга Станиславовна; УДН им. Патриса Лумумбы. – Москва, 1985. – 25 с. – Место защиты: УДН им. Патриса Лумумбы. – Текст : непосредственный.

354. Чыонг, Мань Хай. Особенности языковой репрезентации концепта «семья/gia nh» в русской и вьетнамской лингвокультурах : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Мань Хай Чыонг; ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова». – Махачкала, 2018. – 25 с. – Место защиты: ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет». – Текст : непосредственный.

355. Шалина, И. В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен : 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Шалина Ирина Владимировна; ГОУ ВПО «Уральский государственный университет имени А М Горького». – Екатеринбург, 2009. – 44 с. – Место защиты: ГОУ ВПО «Уральский

государственный университет имени А. М. Горького». – Текст : непосредственный.

356. Шанский, Н. М. Аффиксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка / Н. М. Шанский. – Текст : непосредственный // Исследования по современному русскому языку. – М: Изд-во Москов.универ-та, 1970.– С.250–260.

357. Шанский, Н. М. Основы словообразовательного анализа / Н. М. Шанский. – М., 1953. — М. : Учпедгиз, 1953. — 56 с. – Текст : непосредственный.

358. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию Н. М. Шанский. – М., 1968. – 308 с. – Текст : непосредственный.

359. Шарафутдинова, Н. С. Современное состояние и тенденции развития немецкой авиационной терминологии : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Шарафутдинова Насима Саатовна; МПГУ. – М., 2019. – 42 с. – Место защиты: МПГУ. – Текст : непосредственный.

360. Шехтман, Н. А. Семантическая редупликация: избыточность или экономия? / Н.А.Шехтман. – Текст : непосредственный // Лексикологические основы стилистики; ЛГПИ им. А.И.Герцена. – Л., 1973. –С.176–180.

361. Ширшов, И. А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке / И. А. Ширшов. – Изд-во Ростовского университета, 1981 – 114 с. – Текст : непосредственный.

362. Шмелёв, Д. Н. О некоторых тенденциях развития современной русской лексики / Д. Н. Шмелёв. – Текст : непосредственный // Развитие лексики современного русского языка: Сборник статей. М.: Наука, 1965. – С. 5–17.

363. Шмелев, Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. Монография / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 169 с. – Текст : непосредственный.

364. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика : учеб. пособ. для студ. педагог. институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» /

Д. Н. Шмелев. –5–е изд. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 334 с. – Текст : непосредственный.

365. Шустрова, Е. В. Семантическая деривация в афро–американском и американском вариантах английского языка : 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Шустрова Елизавета Владимировна; ГОУ ВПО «УГПУ». – Екатеринбург, 2004 – 247 с. – Текст : непосредственный.

366. Щитова, Н. Г. Общение в малой социальной группе: Общение в малой социальной группе: на материале анализа речи участников реалити–шоу "Дом–2" : 10.02.01 «Русский язык» : дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук / Н. Г Щитова. Таганрог, 2007 – 386 с. – Текст : непосредственный.

367. Эфендиева, З. М. Стилистически маркированная лексика лезгинского языка в сопоставлении с английским : 10.02.20 : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Эфендиева Заира Маликовна; Дагестан. гос. пед. ун-т. - Махачкала, 2010. – 172 с. – Текст : непосредственный.

368. Юшкова, Л. А. Словообразование глагольных единиц в современной немецкой разговорной лексике : 10.02.04 «Германские языки» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук / Юшкова Людмила Анатольевна; ФГБОУ ВО «МПГУ». – Москва, 2017. – 42 с. – Место защиты: ФГБОУ ВО «МПГУ». – Текст : непосредственный.

369. Юшкова, С. О. Реципрокальні дієслова та їх конструкції у німецькій та українській мовах : спец. 10.02.17 «Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство» : автореферат на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Юшкова Світлана Олексіївна ; ДонНУ. – Донецьк, 2013. – 21 с. – Место защиты: ДонНУ. – Текст : непосредственный.

370. Ягубова, М. А. Речь в средствах массовой информации / М. А. Ягубова. – Текст : непосредственный // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд–во Саратов. ун–та, 2001. – С. 84–103.

371. Янкова, З. А. Городская семья / З. А. Янкова. – М. : Наука, 1979. – 184 с. – Текст : непосредственный.

372. Яхина, А. М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках : на материале глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека : 10.02.20 «Сравнительно–историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Яхина Альбина Мухаметдиновна; ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им В И. Ульянова-Ленина». – Казань, 2008. – 23 с. – Место защиты: ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им В И. Ульянова-Ленина». – Текст : непосредственный.

373. Adams, V. An Introduction to Modern English Word–Formation / V. Adams. – Routledge, 2016. – 240 p. – Текст : непосредственный.

374. Adler, L., Denmark, F., Ahmed, R. A critical evaluation of attitudes toward mother–in–law and stepmother: A cross–cultural study / L. Adler, F. Denmark, R. Ahmed – Текст : непосредственный // W. Oхman-Michelli & M. Weinstein (Eds.), Conference , 1989. – P. 427–234.

375. Aronoff, M. Contextuals / M. Aronoff. – Текст : непосредственный // Language 56,1980. – P. 744–758.

376. Barz, I. Nomination durch Wortbildung / I. Barz. – Leipzig: Enzyklopädie, 1988. – 233 S. – Текст : непосредственный.

377. Bauer, L. English Word–Formation / L. Bauer. – Cambridge University Press, 1983 – 328 p. – Текст : непосредственный.

378. Bellmann, G. Probleme des Substandards im Deutschen / G. Bellmann. – Текст : непосредственный // Aspekte der Dialekttheorie. – Tübingen: Niemeyer, 1983. – S.106–130.

379. Berend, N. Sprachinseldialekte in Auflösung / N. Berend. – Текст : непосредственный // Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift: flir Hugo Jedig. – Frankfurt am Main: Lang, 1994. – S. 319–332.

380. Besch, W. Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutsche heute und gestern / W. Besch. – Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. – 160 S. – Текст : непосредственный.

381. Bloomfield, L. Language / L. Bloomfield. – University of Chicago Press, 1933 – 564 p. – Текст : непосредственный.

382. Blum–Kulka Sh. You Don't Touch Lettuce with Your Fingers: Parental Politeness in Family Discourse / Sh. Blum–Kulka. – Текст : непосредственный // Journal–of–Pragmatics; 1990,14, 2, Apr, 259–288.

383. Braun, F. Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures / F. Braun. – Berlin: de Gruyter, 1988. – 372 p. – Текст : непосредственный.

384. Bzdęga, A. Zusammenrückung, –setzung, –bildung / A. Bzdęga. – Текст : непосредственный // Das Deutsche von innen und außen. Ulrich Engel zum 70. Geburtstag. Poznan, 1999. – S. 9–23.

385. Clark E., H. Clark. When noun surface as verbs / E. Clark, H. Clark – Текст : непосредственный // Language 55. 1979. P. 767–811.

386. Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache ; eine Bestandsaufnahme des Instituts für deutsche Sprache, Forschungsstelle Innsbruck. – Berlin; New York: Walter de Gruyter. – Hauptteil 4. Substantivkomposita I: (Komposita und kompositinsähnliche Strukturen) / L. Ortner, E. Müller–Bollhagen, H. Ortner, H. Wellmann, M. Pümpel–Mader, H. Gärtner. – 1991. – 863 S. Текст : непосредственный.

387. Dittmar, N. Grundlagen der Soziolinguistik. Ein Arbeitsbuch mit Aufgaben / N. Dittmar – Tübingen, 1997. – 358 S. Текст : непосредственный.

388. Donalies, E. Die Wortbildung des Detschen: ein Ueberblick. 2. ueberarbeitete Auflage. 2005. Narr franke Attempto Verlag GmbH+Co. KG, Dischingerweg 5, D. 72070. Tuebingen, 2005. S. 156. Текст : непосредственный.

389. Dressler, W. U. Compound Types / W. U. Dressler. – Текст : непосредственный // The Representation and Processing of Compound Words. – Oxford University Press, UK, 2006. – P. 35–36.

390. Durkin, P. Evidence from English lexicography for otherwise unrecorded Anglo–Norman words, forms and meanings / P. Durkin. – Текст : непосредственный // In Martin, Robert & Zink, Michel (eds.), *L'anglo–normand: spécificités culturelles d'une langue*. IVe journée d'études anglo–normandes: à la mémoire d'André Crépin. Paris, 2016. – P. 57–74.

391. Ehlers, K. Anrede in der Grundschule. Zur jüngeren Entwicklung des Anredeverhaltens in Deutschland / K. Ehlers. – Текст : непосредственный // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. – 2009.– № 37. – S. 302–325.

392. Ertel, I. Qualitative Family Research 26 paragraphs. *Forum Qualitative Sozialforschung* / *Forum: Qualitative Social Research On–line Journal*], 1(2). Available at: <http://qualitative-research.net/fqs/fqs-e/200inhalt-e.htm>. 2000

393. Fabb, N. Compounding / N. Fabb. – Текст : непосредственный // *The Handbook of Morphology* / Andrew Spencer – Arnold M. Zwicky (eds.). – Blackwell, Oxford, 1998. – P. 66–84.

394. Faulseit D., Kühn G. *Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache* / D. Faulseit, G. Kühn. – 6. unveränderte Aufl. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1975. – 286 S. – Текст : непосредственный.

395. Farber, B. *Conceptions of Kinship* / B. Farber. – New–York, Oxford: Elsevier, 1981. – 250 p. – Текст : непосредственный.

396. Farrell, P. Comments on the paper by Lieber // *Morphology and its relation in phonology and syntax* / Ed. S. Lapointe. Stanford, CA, 1998. – 440 p. – Текст : непосредственный.

397. Fleischer, W. Konfix / W. Fleischer. – Текст : непосредственный // In: Pohl, Inge/Erhardt, Horst (Hrsg.): *Wort und Wortschatz Beiträge zur Lexikologie*. Max Niemeyer Verlag: Tübingen, 1995. Pp. 60–68.

398. Fleischer, W. Produktivität – Akzeptabilität – Aktivität / W. Fleischer. – Текст : непосредственный // *Zur Theorie der Wortbildung im Deutschen*. – B., 1988. – S. 8–18.

399. Fleischer, W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache* / W. Fleischer, I. Barz.– 4. Aufl. – Tübingen: Walter de Gruyter, 2012. – 484 S. – Текст : непосредственный.

400. Fleischer W., Michel G. u.a. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: Bibliogr. Institut, 1975. – 394 S. – Текст : непосредственный.

401. Fleischer, W. Zur Theorie der sprachlichen Benennung / W. Fleischer. – Текст : непосредственный // Wortschatz der deutschen Gegenwartssprache in der DDR: Fragen seines Aufbaus u. seiner Verwendungsweise / von e. Autorenkollektiv unter Leitung von Wolfgang Fleischer. – 2., unveränd. Aufl. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1988 – 366 S. – S. 41–50.

402. Fraser, B. Some Remarks on the Action Nominalization in English / B. Fraser – Текст : непосредственный // Readings in English Transformational Grammar / R. A. Jacobs & P. S. Rosenbaum (eds). – P. 83–98.

403. Gehl, H. Überlegungen zur Zukunft der Nationalsprachen und Dialekte / H. Gehl. – Текст : непосредственный // Philologica Jassyensia – Jg. IV, Nr. 1/2008. – S. 29–33.

404. Gibbs, Raymond W. The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding / Raymond W. Gibbs. – Cambridge University Press, 1994. – 527 p. – Текст : непосредственный.

405. Gibbs, Raymond W., Jr. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / Raymond W. Gibbs, Jr. – Cambridge University Press, 2008. – 550 p. – Текст : непосредственный.

406. Green, J. The Vulgar Tongue: Green's History of Slang / J. Green. – Oxford University Press, 2015. – 419 p. – Текст : непосредственный.

407. Harris Z. S., Discourse analysis / Z. S. Harris. – Текст : непосредственный // «Language», v. 28, № 1, 1952 – Pp. 1–30.

408. Harris, C. C. Kinship (Concepts in the Social Sciences). – Bristol: Open University Press, 1990. – 100 p. – Текст : непосредственный.

409. Hartman, R. R. K., Stork, F. C. Dictionary of language and linguistics / R. R. K. Hartman, F. C. Stork. – London: Applied Science Publishers Ltd., 1973. – 302 p. – Текст : непосредственный.

410. Hirt, H. Doppelung, Zusammensetzung, Verbum. Vol.4 / H.Hirt. – Heidelberg, 1928. – 263 p. – Текст : непосредственный.

411. Horn, L. Economy and redundancy in a dualistic model of natural language / Lawrence Horn. – Текст : непосредственный // SKY: The Linguistic Association of Finland, 1993.–Pp. 32-72.

412. Hotzenköcherle, R. Entwicklungsgeschichtliche Grundzüge des Neuhochdeutschen. Pädagogischer Verlag Schwann, 1961. – S. 10. – Текст : непосредственный.

413. Hughes, A., Trudgill, P., Watt, D. English Accents and Dialects: An Introduction to Social and Regional Varieties of English in the British Isles / A. Hughes, P. Trudgill, D. Watt. – London: Hodder Education, 2005. –159 p. – Текст : непосредственный.

414. Inkelas, S., Zoll, C. Reduplication: doubling in morphology / S. Inkelas, C. Zoll // Cambridge Studies in Linguistics. — Cambridge University Press, 2005. –254 p. – Текст : непосредственный.

415. Jenkins, J. World Englishes: A resource book for students / J. Jenkins. – Second Edition. – London and New York: Routledge, 2009. – 256 p. – Текст : непосредственный.

416. Kiparsky, P. Remarks on denominal verbs / P. Kiparsky. – Текст : непосредственный // Complex predicates / Ed. A. Alsina. Stanford, 1997. Pp. 465–491.

417. Kobler – Trill D. Das Kurzwort im Deutschen: Eine Untersuchung zu Definition, Typologie und Entwicklung. (Reihe Germanische Linguistik). Tübingen: Niemeyer, 1994. S. 1. – Текст : непосредственный.

418. Labov, W. The Study of Non-Standard English. Champaign, IL: National Council of Teachers of English. Champaign, IL: National Council of Teachers of English, 1970. – 73 p. – Текст : непосредственный

419. Lameli, A. Standard und Substandard. Regionalismen im diachronen Längsschnitt / A. Lameli. – Stuttgart, 2004. – 272 S. – Текст : непосредственный.

420. Lenz, A. N. Struktur und Dynamik des Substandards. Eine Studie zum Westmitteldeutschen (Wittlich/Eifel) / A. N. Lenz. – Stuttgart, 2003. – 443 S. – Текст : непосредственный.

421. Lockyer D., The emotive meanings and functions of English ‘diminutive’ interjections in Twitter posts // SKASKE Journal of Theoretical Linguistics, V. 11, №2. 2014.URL: http://www.academia.edu/9413169/The_emotive_me

[anings and functions of English diminutive interjections in _Twitter_posts](#) (дата обращения – 29.04.2016).

422. Löffler, H. Wieviel Variation verträgt die deutsche Standardsprache? Begriffsklärung: Standard und Gegenbegriffe / H. Löffler. – Текст : непосредственный // Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache / Ludwig M. Eichinger, W. Kallmeyer. – Berlin, New York: de Gruyter, 2005. – S. 7–27.

423. Lowie, R. Culture and ethnology / R. Lowie. – N.Y.: Boni and Liveright, 1917. – 347 p. – Текст : непосредственный.

424. Lowie, R. Hopi kinship / R. Lowie. – Текст : непосредственный // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – New York: Anthropological Papers. – Vol. 30. – Pp. 117–123.

425. Lowie, R. Primitive society / R. Lowie. – London: The Faith Press, 1920. – 431 p. – Текст : непосредственный.

426. MacFarlane, A. Analysis of relationships of consanguinity and affinity / A. MacFarlane // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and London: Routledge and KeganPaul, 1883.–Pp. 123–137. Rivers W.R.H. Kinship and social organization. – London: Routledge, 1914. – 398 p. – Текст : непосредственный.

427. Mackeldey, R. Alltagssprachliche Dialoge. Kommunikative Funktionen und syntaktische Strukturen – Leipzig: Veb Verlag En-zyklopedie, 1987. – 160 S. – Текст : непосредственный.

428. Malkiel, Y. Derivational categories / Y. Malkiel. – Текст : непосредственный // Universals of Human Language, vol. III: Word Structure, Stanford, Stanford University Press. P. 125–149.

429. Marchand, H. On a question of contrary analysis / H. Marchand. – Текст : непосредственный // English studies 44. 1963. P. 176–187.

430. Marchand, H. The categories and types of present-day English word-formation: A synchronic–diachronic approach H. Marchand. – C.H. Beck'sche Verlag; 2nd Revised & Enlarged edition, 1969 – 545 p. – Текст : непосредственный.

431. Nida, Eugene A. Componential Analysis of Meaning: An Introduction to Semantic Structures / Eugene A. Nida. – Mouton De Gruyter, 1979. – 272 p. – Текст : непосредственный.

432. Nikolayeva, L. Typology of Kinship Terms / Larysa Nikolayeva. – Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2014. – 227 p. – Текст : непосредственный.

433. Ortner, H., Ortner, L., Müller–Bollhagen, E. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen) / H. Ortner, L. Ortner., E. Müller–Bollhagen. – Berlin: de Gruyter, 1991. 863 S. – Текст : непосредственный.

434. Partridge, E. Slang To–day and Yesterday: With a Short Historical Sketch; and Vocabularies of English, American, and Australian Slang / E. Partridge. – Routledge & Kegan Paul, 1954. – 476 p. – Текст : непосредственный.

435. Paul, H. Deutsche Grammatik. Bd. V. Wortbildungslehre / H. Paul. –Halle (Saale), 1956. – 142 S. – Текст : непосредственный.

436. Plag, I. Word–Formation in English / I. Plag. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 240 p. – Текст : непосредственный.

437. Radtke, I. Die Umgangssprache / I. Radtke. – Текст : непосредственный.// Muttersprache. – 1973. – Nr. 3, 1973. – S. 34–65.

438. Reimann, B. Die frühe Kindersprache. Grundlagen und Erscheinungsformen ihrer Entwicklung in der kommunikativen Interaktion / B. Reimann. – Luchterhand Verlag Neuwied Berlin, 1996. – 372 S. – Текст : непосредственный.

439. Reimann, B. Die Sprache des Kindes ihre Entwicklung und Forderung in der Familie. In: Staatsinstitut für Frühpadagogik. – URL: <https://www.familienhandbuch.de/babyskinder/bildungsbereiche/sprache/diesprachedeskindes.php> (дата обращения: 15.06.2018). – Текст : электронный.

440. Reimann, B. Entwicklungsfördernde Merkmale der frühen Elter–Kind–Kommunikation. Vortrag auf dem 1. Berliner Cochlear Implant Symposium, Nov. 2002. – URL: <https://docplayer.org/15620464-Entwicklungsfoerdernde-merkmale-der-fruehen-eltern-kind-kommunikation.html> (дата обращения: 05.04.2018). – Текст : электронный.

441. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – Moskau: Verlag „Hochschule“, 1975. – 316 S. – Текст : непосредственный.

442. Rivers, W.R.H. Social organization / W.R.H. Rivers. – London: Routledge, 1926. – 270 p. – Текст : непосредственный.

443. Schmidt, G.D. Das Affixoid. Zur Notwendigkeit und Brauchbarkeit eines beliebten Zwischenbegriffs der Wortbildung / G.D. Schmidt. – Текст : непосредственный // Deutsche Lehnwort-bildung. Beiträge zur Erforschung der Wortbildung mit entlehnten WB-Einheiten im Deutschen. Gunter Narr Verlag: Tübingen 1987. Pp. 53–101.

444. Schneider, D. M. Modern Kinship: a cultural account / D. M. Schneider. – New Jersey: Variorum reprints, 1968. – 117 p. – Текст : непосредственный.

445. Schneider, D. M. The nature of kinship / D. M. Schneider. – Текст : непосредственный // Man. – Washington: University of Washington Press, 1964. – Vol. 64. – Jv 217. – Pp. 189–200.

446. Serewicz, M. Getting along with the in-laws: relationships with parents-in-law / M. Serewicz – Текст : непосредственный // In K. Flaoyd, M. Morman (Eds.), Widening the Family Circle. New Research on Family Communication. Thousand Oaks, CA: Sage, 2006. – Pp. 101–117.

447. Simon, H.J. Für eine grammatische Kategorie Respekt: Synchronie, Diachronie und Typologie der deutschen Anredepronomen / H.J. Simon. – Tübingen: Niemeyer Verlag, 2003. – 236 S. – Текст : непосредственный.

448. Spears, R. A. Slang and Euphemism: A dictionary of oaths, curses, insults, sexual slang and metaphor, racial slurs, drug talk, homosexual lingo, and related matters / R. A. Spears. – New York: Jonathan David Publishers, 1981. – XXVIII, 448 p. – Текст : непосредственный.

449. Steinhauer, A. Sprachökonomie durch Kurzwörter: Bildung und Verwendung in der Fachkommunikation. (Forum für Fachsprachen – Forschung, Bd. 56). Tübingen: Narr, 2000. S. 1. – Текст : непосредственный.

450. Stephan, F. F., Mishler E. Q. The distribution of participation in small groups: An exponential approximation / F. F. Stephan, E. Q. Mishler. – Текст : непосредственный // American Sociological Review , 1952. 17. – Pp. 598–608.

451. Taylor, W. R. Research of family Interaction: Static and Dynamic Models / W. R. Taylor. – Текст : непосредственный Текст : непосредственный // Family Process, 1970, № 9. – Pp. 221–232.

452. Thun, N. Reduplicative words in English / N. Thun – Uppsala, 1963. – 347 p. – Текст : непосредственный.

453. Ullman, St. Words and their use / St. Ullman. Lnd.: Pandora, 1951. – 214 p. – Текст : непосредственный.

454. Wierzbicka, A. Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations / A. Wierzbicka. – Oxford: Univer. Press, 1992. – 487 p. – Текст : непосредственный.

455. Wolfram, W. N., Schilling-Estes, N. American English. Dialect and variation / W. N. Wolfram, N. Schilling-Estes. – Oxford: Blackwell, 2004. – 398. – Текст : непосредственный.

456. Yushkova, L. Tendenzen im Wortbildungssystem des Verbs in der gegenwärtigen deutschen Umgangssprache – am Beispiel von konvertierten Verben / L. Yushkova. – Текст : непосредственный // Zeitschrift für Mitteleuropäische Germanistik. 3.Jahrgang. 2. Heft. – Mannheim Narr Verlag, 2013. – S. 91–107.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

457. Английские словари онлайн Slovar-Vocab URL: <https://slovar-vocab.com> (дата обращения: 12.09.2018).

458. Англо-русский словарь американского сленга: – М.: Издательство «Книжный сад», 1993. – 544 с. – Текст : непосредственный.

459. Апресян, Ю. Д. (общее руководство). Новый Большой англо-русский словарь в трех томах. Том 2 G–Q / Ю. Д. Апресян. – НБАРС, 1993 – 385 с. – Текст : непосредственный.

460. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с. – Текст : непосредственный.

461. Байков, В. Д. Новый немецко–русский, русско–немецкий словарь. 40000 слов и словосочетаний / В. Д. Байков. – М.: Эксмо, 2011. – 798 с. – Текст : непосредственный.

462. Белянин, В. П. Живая речь. Словарь разговорных выражений / В. П. Белянин. – М.: ПАИМС, 1994. – 192 с. – Текст : непосредственный.

463. Булыко, А. Н. Большой словарь иностранных слов : 35 тысяч слов / А. Н. Булыко. – Москва : Мартин, 2008. – 704 с. – Текст : непосредственный.

464. Вальтер, Х., Мокиенко, В.М. Большой русско–немецкий словарь жаргона и просторечий. Свыше 7000 русских слов–жаргонизмов и более 1600 жаргонных фразеологизмов / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 832 с. – Текст : непосредственный.

465. Грачев, М . А. Словарь современного молодежного жаргона / М. А. Грачев. – М.: Изд–во Эксмо, 2006. – 672 с. – Текст : непосредственный.

466. Грачев, М. А. Словарь тысячелетнего русского аргю: 27 000 слов и выражений/ М. А. Грачев. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003 – 1120 с.

467. Грачев, М. Л. Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь. –Нижний Новгород, издательство « Флокс», 1992. – 207 с. – Текст : непосредственный.

468. Девкин, В. Д. Немецко–русский словарь разговорной лексики: Свыше 12000 слов и 40000 словосочетаний / В. Д. Девкин. – М.: Русский язык, 1994 –768 с. – Текст : непосредственный.

469. Елистратов, В. С. Словарь русского аргю: Материалы 1980–1990–х гг. Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. В. С. Елистратов. – М.: Русские словари, 2000. – 694 с. – Текст : непосредственный.

470. Захарова, Л. А., ШуваеваА. В. Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета)– Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. – URL:

<http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000488551> (дата обращения: 15.06.2018).

471. Карта слов и выражений русского языка КАРТАСЛОВ.РУ – URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 04.06.2017).

472. Коломиец, Е. А. Русско–немецкий словарь современного молодежного жаргона Германии. Е. А. Коломиец. – М.: Восток – Запад, 2005. – 336 с. – Текст : непосредственный.

473. Кондратюк, Т. П. Словник сучасного українського сленгу / Т. П. Кондратюк. – Харків: Фоліо, 2006. – 350 с. – Текст : непосредственный.

474. Крупнейший сборник онлайн–словарей onlinedics. – URL: <http://www.onlinedics.ru/> (дата обращения: 15.06.2017).

475. Матюшенков, В. С. Dictionary of Slang in North America, Great Britain and Australia. Словарь английского сленга. Особенности употребления сленга в Северной Америке, Великобритании и Австралии. – 4–е изд. / В. С. Матюшенков. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 176 с. – Текст : непосредственный.

476. Мешков, О.Д. Словарь–справочник сложных слов типа "существительное + причастие II" (англ. язык) / О.Д. Мешков. М.: Наука, 1970. – 67 с. – Текст : непосредственный.

477. Михайлова, Н., Кипнис, Д., Кипнис, А. Молодежный язык Германии. URL: <http://www.lib.ru/TEXTBOOKS/GERMAN/iungendsprache.txt>. (дата обращения: 7.08.2017).

478. Мокиенко, В. М., Никитина Т. Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: Олма Медиа Групп, 2008. – 384 с. – Текст : непосредственный.

479. Мокиенко, В. М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона // В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Спб.: Норинт, 2001. – 912 с. – Текст : непосредственный.

480. Немецкий сленг. Словарь–разговорник. Начальный уровень. М.: АСТ, Восток–Запад, 2008. – 219 с. – Текст : непосредственный.

481. Никитина, Т. Г. Так говорит молодёжь: Словарь сленга. По материалам 70–90–х годов. 2–е изд., испр. и доп. / Т.Г. Никитина – СПб.: Фолио–Пресс, 1998. – 587 с. – Текст : непосредственный.

482. Никитина, Т.Г. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым. Около 2000 слов / Т.Г. Никитина. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 736 с. – Текст : непосредственный.

483. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: Азбуковник, 1999. – 944 с. – Текст : непосредственный.

484. Онлайн–словарь Farlex Dictionary of Idioms. – URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 17.09.2018).

485. Онлайн–словарь Glosbe URL: <https://ru.glosbe.com/> (дата обращения: 13.09.2018).

486. Онлайн–словарь Wiktionary. – URL: <https://de.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Hauptseite> (дата обращения: 25.06. 2018).

487. Онлайн–словарь Slovar.cc. – URL: <https://slovar.cc> (дата обращения: 13.09. 2018).

488. Онлайн–словарь английского языка MerriamWebster. – URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 18.09.2019).

489. Онлайн–словарь повседневного немецкого языка и сленга mundmische.de. – URL: <https://www.mundmische.de> (дата обращения: 16.09.2018).

490. _Онлайн–словарь повседневного немецкого языка и сленга Sprachnudel.de. – URL: <https://www.sprachnudel.de/> (дата обращения: 18.07.2018).

491. Онлайн–словарь слов и фраз англоязычного сленга Urbandictionary. – URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 10.09.2018).

492. Перший словник українського молодіжного сленгу/Укл. С.Пиркало. – К.: АТ "ВПОЛ", 1998. – 84 с.

493. Русский мат: Толковый словарь/Сост. Т.В. Ахметова. – М.: Колокол–пресс, 2000. – 521 с. – Текст : непосредственный.

494. Словари и энциклопедии на Академике. – URL: <https://dic.academic.ru> [dic.academic] (дата обращения: 05.07.2018).

495. Словари и энциклопедии Gufo.me. – URL: <https://gufo.me> (дата обращения: 11.12.2019).

496. Словари онлайн Classes.ru. – URL: <https://classes.ru> (дата обращения: 06.03.2019).

497. Словари онлайн slovaronline.com. – URL: <https://slovaronline.com/> дата обращения: 18.09.2019).

498. Словарь английского языка онлайн Powerthesaurus. – URL: <https://www.powerthesaurus.org/> (дата обращения: 07.06.2018).

499. Словарь молодежного слэнга–сленга. – URL: <https://teenslang.su/> (дата обращения: 18.09.2017).

500. Словарь для любознательных людей educalingo. – URL: <https://educalingo.com/ru/dic-de> (дата обращения: 17.11.2019).

501. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова и др.; отв. редактор В. Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. – М.: 2006. – 312 с. – Текст : непосредственный.

502. Справочно-информационный портал ГРАМОТА.РУ – русский язык для всех. – URL: <http://new.gramota.ru> (дата обращения: 15.06. 2018).

503. Степанова, М. Д. (ред.). Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. 2–е изд., стереотип / М. Д. Степанова. – М.: Русский язык, 2000. – 536 с. – Текст : непосредственный.

504. Словники й енциклопедії онлайн Slovnyk.me. – URL: <https://slovnyk.me/> дата обращения: 02.07.2019).

505. Ставицкая, Л. А. Украинский жаргон. Словарь = Український жаргон. Словник. – Киев: Критика, 2005. – 494 с. – Текст : непосредственный.

506. Ставицька, Л. Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників. Обсценізми, евфемізми, сексуалізми. – К.: Критика, 2008. – 453 с.

507. Тлумачний он–лайн словник української мови «УКРЛІТ.ORG». – URL: <http://ukrlit.org/slovnnyk> (дата обращения: 07.03.2019).

508. Толковый словарь английского языка Macmillan Dictionary online. – URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 07.09.2019).

509. Толковый словарь немецкого языка Duden online. – URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 23.12.2019).

510. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А–И / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 776 с. – Текст : непосредственный.

511. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К–О / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. – 864 с. – Текст : непосредственный.

512. Толковый словарь русской разговорной речи. Выпуск 3. П–Р / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 824 с. – Текст : непосредственный.

513. Українські тлумачні словники онлайн Slovopedia. – URL: <http://slovopedia.org.ua> (дата обращения: 15.06.2020).

514. Языкознание: Большой энцикл. слов./гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2–е изд. (репр.) «Лингв. энцикл. слов.» 1990 г. – Москва: Большая рос. энцикл., 1998. – 682 с. – Текст : непосредственный.

515. [1811 Dictionary of the Vulgar Tongue](http://vulgar.pangyre.org). – URL: <http://vulgar.pangyre.org>

516. A Dictionary of Cockney Rhyming Slang. – Watchya.com Publicatons, 2010. – 77 p. – Текст : непосредственный.

517. Ayto, J., Simpson J. The Oxford Dictionary of Modern Slang / J. Ayto, J. Simpson. – Oxford: Oxford UP. 1996. – 299 p. – Текст : непосредственный.

518. Ayto, J. The Oxford Dictionary of Slang / J. Ayto. – Oxford University Press, 2000. – 480 p. – Текст : непосредственный.

519. Dalzell, T., Victor ,T. (eds.) The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / T. Dalzell, T. Victor. – Routledge, 2007. – 744 p. – Текст : непосредственный.

520. Dalzell T., Partridge E.. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English / T. Dalzell, E. Partridge. – Routledge, 2009 – 1120 p. – Текст : непосредственный.

521. Dictionary containing information about the meaning, pronunciation, spelling and etymology WordSense. – URL: <https://www.wordsense.eu> (дата обращения: 13.09.2019).

522. Eberhardt, K. Talk Dirty German: Beyond Schmutz – The curses, slang, and street lingo you need to know to speak Deutsch / K. Eberhardt. – Adams Media, 2009. – 194 p. – Текст : непосредственный.

523. Ehmman, H. Endgeil. Das vollkorrekte Lexikon der Jugendsprache / H. Ehmman. München, 2005. – 184 S. – Текст : непосредственный.

524. Eik, J. Der Berliner Jargon. Mit einem Vorwort von Jutta Voigt. Jaron / J. Eik, 2008. – 80 S. – Текст : непосредственный.

525. English and Russian online dictionaries Melodict URL: <https://melodict.com> дата обращения: 15.07.2018).

526. Gilissen, E. German Slang – the real German / E. Gilissen. REISE KNOW – HOW Verlag, 2007. – 160 S. – Текст : непосредственный.

527. Green, J. The big book of being rude 7000 slang insults / J. Green. – Cassell , 2006 – 384 p. – Текст : непосредственный.

528. Hehl, H. Lexikon der Jugendsprache / Helmut Hehl. – Leipzig, 2006. – 112 S. – Текст : непосредственный.

529. Kipfer, B. A., Chapman, R. L. Dictionary of American Slang / B. A. Kipfer, R. L. Chapman. – Harper Collins, 2007. – 1114 p. – Текст : непосредственный.

530. Kipfer, B. A., Chapman R.L. American Slang Dictionary, Fourth Edition / B. A. Kipfer, R. L. Chapman. – Collins Reference, 4th edition, 2007 – 608 p. – Текст : непосредственный.

531. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1989 – 887 S. – Текст : непосредственный.

532. Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – Stuttgart: Klett Verlag für wissen und Bildung, 1997. – 959 S. – Текст : непосредственный.

533. Munier, A., Eberhardt, K. Talk Dirty German: Beyond Schmutz – The curses, slang, and street lingo you need to know to speak Deutsch. Bilingual edition / A. Munier, K. Eberhardt. – Adams, 2009. – 192 p. – Текст : непосредственный.

534. Oxford Learner's Dictionary. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 16.06.2019).

535. Partridge, E. A Dictionary of Slang and Unconventional English / E. Partridge. – London, George Routledge & sons, 1937. – 1000 p. – Текст : непосредственный.

536. Partridge, E. The routledge dictionary of historical slang / E. Partridge. – Taylor & Francis e–Library, 2006 – 6015p. – Текст : непосредственный.

537. Partridge, E. Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English / E. Partridge. – London, New York: Routledge, 2006. – 4246 p. – Текст : непосредственный.

538. Peckham, A. Mo' Urban dictionary: Ridonkulous Street Slang / A. Peckham. – Andrews McMeel Publishing, 2005 – 343 p. – Текст : непосредственный.

539. Peckham, A. Mo' Urban Dictionary: Ridonkulous Street Slang Defined / A. Peckham. – Andrews McMeel Publishing, 2007 – 240 p. – Текст : непосредственный.

540. Spears, R. NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. 3rd ed. / R. Spears. – National Textbook Company; McGraw–Hill, 2000 г. – 640 с. – Текст : непосредственный.

541. The American Slang Dictionary. Москва, PCS Corporation, 1991 г., – 29 p. – Текст : непосредственный.

542. The world's leading Online source for English definitions, synonyms, word origins and etymologies Dictionary.com. – URL: <https://www.dictionary.com> (дата обращения: 18.09.2020).

543. Wiktionary, the [free](https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page) dictionary. – URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Main_Page (дата обращения: 17.02.2020)

544. Wörterbuch Wortbedeutung.info. – URL: <https://www.wortbedeutung.info> (дата обращения: 13.09.2019).

СПИСОК ИНТЕРНЕТ–ИСТОЧНИКОВ

545. Женский онлайн–журнал Клеору. – URL: https://www.kleo.ru/items/about_you/prozvishya.shtml (дата обращения: 15.03.2020).

546. Портал домашний. Форум Семья и Дети. – URL: https://www.domashniy.ru/semya_i_dety/laskovye_prozvisha_bezgranichnaya_fantaziya_pary/ (дата обращения: 03.10.2017).

547. Родинний форум "Малеча" – форум для сучасних батьків. – URL: <https://www.malecha.org.ua/forum/index.php?showtopic=600> (дата обращения: 05.06.2017).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

548. Блог Він і Вона. – URL: <https://zt.20minut.ua/Vin-i-Vona/u-trikutniku-svekruha-sin-nevistka-choloviki-mayut-dotrimuvatisya-neyt-10241445.html> (дата обращения: 11.02.2020).

549. Британский национальный корпус (British National Corpus). – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 18.09. 2019).

550. Корпус современного американского английского языка ([Corpus of Contemporary American English](https://www.english-corpora.org/coca/)). – URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

551. Национальный корпус немецкого языка DWDS. – URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 13.06. 2019).

552. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 20.07. 2019).

553. Национальный корпус украинского языка. – URL: <http://korpus.org.ua/search/> (дата обращения: 7.07. 2019).

554. Публічна електронна бібліотека української художньої літератури УКРЛІТ. – ORG URL: <http://ukrlit.org> (дата обращения: 21.09.2020).

555. Современный словарь на базе ИИ Reverso Context. – URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 03.02.2020).

556. Статья Am Land werden Väter immer noch gedisst, wenn sie Töchter bekommen на интернет–портале VICE. – URL: https://www.vice.com/de_at/article/53vkmb/am-land-werden-vater-immer-noch-gedisst-wenn-sie-tochter-bekommen (дата обращения: 07.09.2020).

557. Статья Das Schwiegermonster: Die böse Schwiegermutter ist nicht nur ein Klischee в женском онлайн журнале Annabelle. – URL: <https://www.annabelle.ch/liebe/familie/schwiegermonster-b%C3%B6se-schwiegermutter-ist-nicht-nur-ein-klischee-26797> (дата обращения: 13.06.2020).

558. Статья Helikopter–Mutter: Definition, Ursachen und Folgen der Überbehütung на интернет–портале для родителей www.kita.de. – URL: <https://www.kita.de/wissen/helikopter-mutter/> (дата обращения: 25.06.2020).

559. Форум Eltern. – URL: <https://www.eltern.de/baby/babyentwicklung/besserwisser-muetter-entschuldigung-aber-ihr-nervt-total>

560. Форум Guterfrage. URL: <https://www.gutefrage.net/frage/vater-ist-besserwisser-sollte-ich-mich-schaemen>

561. Яндекс переводчик. – URL: <https://translate.yandex.ua> (дата обращения: 18.09.2019).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица 1

Продуктивность способов и путей образования СМНР в сопоставляемых языках

Структурные типы СМНР в английском, немецком, русском и украинском языках		Количество СМНР			
		англ.	нем.	русск.	укр.
1.	Непроизводные (корневые) СМНР	15	12	6	5
2.	Аффиксальные СМНР	39	63	197	204
2.1	Суффиксальные СМНР	34	59	192	199
2.2.	Префиксальные СМНР	4	3	–	–
2.3.	Префиксально-суффиксальные СМНР	1	1	5	5
3.	Полуаффиксальные СМНР	41	45	–	–
3.1.	Полупрефиксальные СМНР	25	23	–	–
3.2.	Полусуффиксальные СМНР	16	22	–	–
4.	СМНР-композицы	152	149	3	3
5.	СМНР-сращения	9	5	16	10
6.	СМНР-словосочетания	43	18	29	24
7.	СМНР-сокращения	52	15	17	10
8.	СМНР-заимствования	13	31	33	19
9.	СМНР-конверсивы	9	22	18	20
10.	СМНР-редупликанты	6	7	6	3
11.	СМНР-семантические дериваты	85	45	84	38
<i>Всего:</i>		<i>464</i>	<i>412</i>	<i>409</i>	<i>336</i>

Таблица 2

Типы СМНР-композигов в сопоставляемых языках

Типы СМНР- композигов	Языки			
	англ.	нем.	русск.	укр.
1. Двухкомпонентные композигы	144	146	3	3
2. Трехкомпонентные композигы	8	3	–	–
<i>Всего:</i>	<i>152</i>	<i>149</i>	<i>3</i>	<i>3</i>

Таблица 3

Структурные типы СМНР-композигов в сопоставляемых языках

Структурный тип СМНР	Языки			
	англ.	нем.	русск.	укр.
Двухкомпонентные композигы				
1. N + N	83	116	2	3
2. Adj + N	41	8	–	–
3. V + N	10	19	–	–
4. Ger + N	7	–	–	–
5. Pron + N	1	2	–	–
6. Num + N	1	–	–	–
7. P II + N	1	–	–	–
8. Pron + Adv	1	–	–	–
9. Neg Part + N	–	1	–	–
10. N+ Adj	–	–	1	–
Трехкомпонентные композигы				
11. Adj + N + N	3	–	–	–
12. N + N + N	2	3	–	–
13. Adj + Adj + N	2	–	–	–
<i>Всего:</i>	<i>152</i>	<i>149</i>	<i>3</i>	<i>3</i>

Таблица 4

Структурные типы СМНР-словосочетаний в сопоставляемых языках

Структурный тип СМНР	Языки			
	англ.	нем.	русск.	укр.
Двухкомпонентные СМНР-словосочетания				
1. Pron + N	1	4	14	8
2. Adj + N	–	11	4	3
3. Pron + Adj	–	–	4	8
4. N + Adj	–	–	4	1
5. N + N	3	–	–	–
6. Neg Part + N	–	1	–	–
7. P II + N	–	1	–	–
8. Adv + Adj	–	–	–	1
Трехкомпонентные СМНР-словосочетания				
9. N + Prep + N	13	1	1	3
10. N + Conj + N	9	–	–	–
11. N + Conj + V	2	–	–	–
12. N + Conj + Num	2	–	–	–
13. N + Prep + Num	1	–	–	–
14. N + V + Pron	1	–	–	–
15. V + Adj + N	1	–	–	–
16. N + Adj + N	1	–	–	–
17. Num + Conj + N	1	–	–	–
18. Adj + N + N	1	–	–	–
19. V + Neg Part + V	1	–	–	–
20. Adj + Conj + Adj	1	–	–	–
21. Pron + Adj + N	–	–	1	–
22. Adj + Pron + N	–	–	1	–
Четырехкомпонентные СМНР-словосочетания				
23. N + Prep + Pron + N	2	–	–	–
24. Adj + N + V + Prep	1	–	–	–
25. N + N + Prep + N	1	–	–	–
26. Adj + N + Prep + N	1	–	–	–
Всего:	43	18	29	24

Таблица 5

Типы СМНР-сокращений в сопоставляемых языках

Типы СМНР-сокращений		Языки			
		англ.	нем.	русск.	укр.
1.	Слоговые (усеченные) СМНР	40	8	15	8
1.1.	Анкопа	29	6	13	7
1.2.	Синкопа	6	1	1	–
1.3.	Афереза	5	1	1	1
2.	Стяжения	–	2	–	–
3.	Инициальные аббревиатуры	12	2	–	–
4.	Контаминация	–	3	2	2
<i>Всего:</i>		52	15	17	10

Таблица 6

СМНР-заимствования в сопоставляемых языках

Языки–источники	Языки			
	англ.	нем.	русск.	укр.
1. Английский	–	19	22	8
2. Арамейский	–	1	–	–
3. Африканс	1	–	–	–
4. Древнееврейский	–	–	–	1
5. Идиш	–	1	–	–
6. Испанский	2	–	–	–
7. Итальянский	1	1	–	–
8. Латинский	2	4	2	1
9. Немецкий	3	–	8	3
10. Персидский	–	–	1	–
11. Польский	–	–	–	4
12. Русский	–	–	–	2
13. Французский	–	3	–	–
14. Цыганский	1	–	–	–
15. Чешский	–	2	–	–
16. Чинукский	1	–	–	–
17. Чинукский жаргон Пиджин	1	–	–	–
18. Японский	1	–	–	–
<i>Всего:</i>	13	31	33	19

Таблица 7

Продуктивность типов метафорических переносов СМНР в сопоставляемых языках

№ п/п	Тип переноса	Языки			
		англ.	нем.	русск.	укр.
1.	Артефактный	39	32	15	13
2.	Социальный	19	31	21	10
3.	Зоонимный	18	20	29	20
4.	Глюттонимный	12	7	11	9
5.	Вегетативный	9	4	1	2
6.	Сказочно-мифологический	6	17	11	4
7.	Ассоциативный	3	15	3	7
8.	Мордиальный	2	2	2	–
9.	Соматический	1	4	5	1
10.	Природный	–	1	1	1
<i>Всего:</i>		<i>109</i>	<i>133</i>	<i>99</i>	<i>67</i>

Таблица 8

Продуктивность типов и подтипов метонимических переносов СМНР в сопоставляемых языках

№	Тип переноса	Языки			
		англ.	нем.	русск.	укр.
1.	Партитивный (синекдохический) тип	17	3	6	1
1.1	Соматический подтип	12	1	–	–
1.2.	Подтип Одежда/ атрибут одежды → СМНР	5	2	6	1
2.	Атрибутивный тип	10	6	4	1
3.	Локальный тип	9	1	9	4
<i>Всего</i>		<i>36</i>	<i>10</i>	<i>19</i>	<i>6</i>

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Таблица 1

Тематические группы и подгруппы СМНР в сопоставляемых языках

Тематические группы и подгруппы СМНР	Количество СМНР			
	англ.	нем.	русск.	укр.
1. Мать и отец	97	140	126	65
1.1. Родители	22	47	37	25
1.1.2. Мать	44	45	45	28
1.1.3. Отец	31	48	44	12
2. Дети	170	120	95	99
2.1.1. Ребёнок	155	97	90	76
2.1.2. Дочка	8	7	3	10
2.1.3. Сын	7	16	2	13
3. Супруги	171	119	157	128
3.1. Муж	45	49	68	71
3.2. Жена	126	70	89	57
4. Братья и сестры	16	19	14	22
4.1. Родные брат/сестра	15	18	14	22
4.2. Двоюродные братьями/сестрами	1	1	–	–
5. Дедушка и бабушка	20	18	18	22
5.1. Дедушка	9	9	7	15
5.2. Бабушка	11	9	11	7
6. Внуки	–	1	7	15
6.1. Внук	–	1	4	12
6.2. Внучка	–	–	3	3
7. Братья и сёстры родителя	3	1	–	11
7.1. Тетя	–	–	–	5
7.2. Дядя	3	1	–	6
8. Дети брата или сестры	–	1	2	–
9. Родители супругов	3	8	5	4
9.1. Тесть/Свекор	2	3	–	–
9.2. Теща/Свекровь	1	5	5	4
10. Брат или сестра через брак	–	3	–	–
11. Отчим	8	3	–	–
12. Мачеха	10	1	–	–
<i>Всего</i>	498	434	424	366

Таблица 2

Номинативно-мотивирующие признаки СМНР в сопоставляемых языках

Номинативно-мотивирующие признаки СМНР	Наличие			
	англ.	нем.	русск.	укр.
1. Репродуктивный признак	+	+	+	+
2. Геронтологический признак	+	+	+	+
3. Автократический признак	+	+	+	+
4. Субмиссивный признак	+	+	+	+
5. Регулятивно-воспитательная функция	+	+	+	+
6. Черты характера и поведение	+	+	+	+
7. Внешние данные	+	+	+	+
8. Роль в семье	+	+	+	+
9. Матримониальный статус	+	+	+	+
10. Возраст ребёнка	+	+	+	+
11. Законнорожденный / незаконнорожденный ребёнок	+	+	+	+
12. Запланированные / запланированные дети	+	+	–	+
13. Наличие / отсутствие братьев или сестер	+	+	–	–
14. Доношенность / недоношенность плода в утробе матери	+	–	+	+
15. Материальное положение	+	+	+	+
16. Супружеская верность / неверность	+	+	+	+
17. Экономическая функция	+	+	+	+
18. Функция досуга	+	+	–	–
19. Генеративный признак	+	+	+	+
20. Признак контроля	+	+	–	–

Таблица 3

**Продуктивность номинативно-мотивирующих признаков СМНР
тематической подгруппы «Родители»**

Номинативно-мотивирующие признаки и функции СМНР	Количество			
	англ.	нем.	русск.	укр.
1.Геронтологический признак	5	12	7	3
2.Автократический признак	3	10	4	2
3. Экономическая функция	2	5	1	2
4. Репродуктивный признак	1	4	1	–
5. Регулятивно-воспитательная функция	1	5	–	–
<i>Всего</i>	<i>12</i>	<i>36</i>	<i>13</i>	<i>7</i>

Таблица 4

**Продуктивность номинативно-мотивирующих признаков СМНР
тематической подгруппы «Мать»**

Номинативно-мотивирующие признаки и функции СМНР	Количество			
	англ.	нем.	русск.	укр.
1.Геронтологический признак	9	6	1	1
2. Регулятивно-воспитательная функция	4	4	2	2
3. Репродуктивный признак	4	5	–	–
4. Внешние данные	2	–	1	–
5.Матримониальный статус	1	2	–	–
6.Автократический признак	1	7	4	–
<i>Всего:</i>	<i>21</i>	<i>24</i>	<i>8</i>	<i>3</i>

Таблица 5

**Продуктивность номинативно-мотивирующих признаков СМНР
тематической подгруппы «Отец»**

Номинативно-мотивирующие признаки и функции СМНР	Количество			
	англ.	нем.	русск.	укр.
1. Геронтологический признак	7	4	2	1
2. Экономическая функция	2	5	–	–
3. Авторитарный признак	1	2	1	1
4. Репродуктивный признак	1	11	–	–
5. Функция досуга	1	1	–	–
6. Внешние данные	1	1	–	–
7. Регулятивно-воспитательная функция	–	2	–	–
<i>Всего</i>	<i>13</i>	<i>26</i>	<i>3</i>	<i>2</i>

Таблица 6

**Продуктивность номинативно-мотивирующих признаков СМНР
тематической группы «Дети»**

Номинативно-мотивирующие признаки и функции СМНР	Количество			
	англ.	нем.	русск.	укр.
1. Законнорожденный/незаконнорожденный ребёнок	31	5	10	13
2. Черты характера и поведение родственника	22	26	5	–
3. Возраст ребёнка	20	16	14	7
4. Наличие/отсутствие братьев или сестер	7	5	–	–
5. Генеративный признак	5	5	2	1
6. Признак контроля	2	1	–	–
7. Материальное положение	1	2	1	1
8. Доношенность/недоношенность плода в утробе матери	1	–	–	2
9. Запланированные/ незапланированные дети	–	3	1	1
<i>Всего</i>	<i>89</i>	<i>63</i>	<i>33</i>	<i>25</i>

Таблица 7

**Продуктивность номинативно-мотивирующих признаков СМНР
тематической подгруппы «Жена»**

Номинативно-мотивирующие признаки и функции СМНР	Количество			
	англ.	нем.	русск.	укр.
1. Автократический признак	17	11	2	3
2. Роль семье	12	5	2	1
3. Черты характера и поведение	10	9	8	4
4. Матримониальный статус	6	2	2	1
5. Супружеская верность/неверность	3	3	6	9
6. Внешние данные	3	3	2	3
7. Субмиссивный признак	1	1	–	–
8. Материальное положение	–	1	1	–
Всего	52	35	23	21

Таблица 8

**Номинативно-мотивирующие признаки СМНР тематической подгруппы
«Муж»**

Номинативно-мотивирующие признаки и функции СМНР	Количество			
	англ.	нем.	русск.	укр.
1. Субмиссивный признак	11	7	2	2
2. Супружеская верность/неверность	7	4	3	12
3. Матримониальный статус	6	2	2	1
4. Автократический признак	–	3	4	1
5. Роль в семье	1	5	1	1
6. Репродуктивный признак	1	1	-	1
Всего	26	22	12	18

Таблица 9

Аксиологическая оценка СМНР в сопоставляемых языках

№	Языки	Оценка		Всего
		Положительная коннотация	Отрицательная Коннотация	
1.	Английский	222	276	498
2.	Немецкий	209	225	434
3.	Русский	306	118	424
4.	Украинский	240	126	366
<i>Всего:</i>		<i>977</i>	<i>745</i>	<i>1722</i>